

ПОДФЛАЖНИК

повесть

MEDUZA

18+

Олег Пустовой

Олег Пустовой

Подфлажник

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Пустовой О. М.

Подфлажник / О. М. Пустовой — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Конец 90-х, начало нового тысячелетия. Боцман Залесский, пережив семейный кризис, подписывает контракт и улетает работать на судно со смешанным интернациональным экипажем. Там он встречается с фактом крупной контрабанды и решает внести свою лепту в раскрытии преступной паутины. Когда всё сложилось и после окончания контракта Залесский возвращается домой, он попадает в новые непредвиденные обстоятельства.

Содержание

Подфлажник	6
Пролог	6
Часть первая «Семейные оковы»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	72

*Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая, новый шум лесов.
Или с природой оживлённой
Сближаем думою смущённой
Мы увядание наших лет,
Которым возрожденья нет.*

(А.С.Пушкин «Евгений Онегин»)

Подфлажник

Пролог

О назначении на теплоход «Капитан Петрушевский» я знал заранее. Судно было зафрахтовано болгарской компанией «Космосшиппинг» для работы на линии грузоперевозчика итальянской частной фирмы «Sud Line», перевозившей грузы в направлении: Италия – Тунис – Италия. Смена экипажа судна происходила через каждые шесть месяцев. Побывав несколько раз в отделе кадров Украинского Дунайского пароходства, находящегося в городе русской славы Измаиле, для оформления выездных документов и прочей флотской формальности, я продолжал отгуливать свой отпуск дома, в городе на Днепре – Новая Каховка, ожидая изо дня на день, вызова на работу. Закончив все свои домашние дела, я находился в полной готовности к отъезду, ожидая звонка на мобильный телефон. И этот звонок прозвучал. Он прозвучал в самый неподходящий момент, когда мы с женой находились в городском автобусе, направляясь в гости, к любимой теще. Всё стало ясно. Оставалось два дня до выезда. Мне предписывалось прибыть в город Измаил 19 августа, где в районе отдела кадров пароходства был назначен сбор экипажа теплохода «Капитан Петрушевский» на 16 часов по Киеву. Жена сделала не очень радостное лицо, словно всё произошло внезапно, и я, совсем, не готовился уходить в очередной рейс. Она, как бы, не ожидала такого поворота событий в такой короткий промежуток времени, хотя отлично знала, что этот момент наступит, как и много сотен раз наступал во время моего ухода в очередной рейс. И, как частенько бывает, когда заранее к чему-то готовишься, сделав последние приготовления, и, вроде бы, закончив все домашние дела, проведя необходимые инструктажи,

а самая ожидаемая новость всегда ошарашит тебя неожиданно, как говорится: врасплох. Так и меня, судового электромеханика с двадцатилетним стажем работы на флоте.

И пусть скажут мне, что за это время можно привыкнуть к расставаниям, уходя в очередную рейс или уезжая в очередную рабочую командировку. Я отвечу коротко: «Нет, тысячу раз нет!» Ибо каждое расставание особенно по-своему и по-своему чревато особенной грустью и печалью. словно в первый раз, каждый раз осознаёшь свою вину перед семьёй, за всё то, чего лишаешь и лишаешься на время долгой разлуки. За долгие годы в каждой семье моряка подневольно складываются свои определённые традиции в дни расставаний и в дни встречи. Да, в каждой семье моряка свои традиции. Кто-то любит пышные проводы с гурьбой гостей и морем водки, кто-то скромнее: только самые близкие родственники. Мы же с женой последний день предпочитали проводить одни. Последней точкой был столик для двоих, пару бокалов доброго вина под «мясо по-капитански» или запечённого в духовке сазана на виноградных листьях, покрытого золотистой майонезной коркой. Посидели на дорожку и – в путь. Обычно это было такси, мчавшееся по маршруту: калитка дома – родной порт. Я уезжал один, оставляя свою ненаглядную на месяц, два, три и более. Придерживаясь той точки зрения, что те последние минуты, которые моряки проводят вместе с родными на судне, ни для кого не являются приятными. В меру определенных обязанностей, каждый моряк перед отходом судна в рейс занят каким-то определённым служебным делом, постоянно оставляя своих провожающих одних, не на минуты, а на долгое время. Именно по этой простой причине, и только, я решил установить свою традицию и прощаться дома, чтобы сердце и душа были на месте, а сознание и тело сразу включались в трудовой ритм, определённый флотским уставом и служебными наставлениями.

На этот раз мы проигнорировали наше обычное правило. Жили мы уже в другом городе, и в Измаил я отправлялся автобусом, поэтому жена решила проводить меня до самого автовокзала. Дежурный поцелуй. Пару прощальных фраз и я уже в пути. Дорога длинная, где-то около 650 километров, почти через весь юг Украины. Автобус «Запорожье-Одесса», ухоженный бэушный неоплан фирмы «Мерседес», мягко нёсся вдоль Таврийских степей, приближая пассажиров, с каждой минутой, всё ближе и ближе к «жемчужине у моря» – городу-герою Одессе, делая остановки только в Херсоне и Николаеве. С Новой Каховки до Одессы – шесть утомительных часов езды. Удобно расположившись в мягком кресле, я посмотрел на соседа, который уже застыл в сладкой дреме и стал рассматривать знакомые пейзажи, быстро меняющиеся за огромными окнами неоплана. Подневольно стали всплывать в памяти прошедшие дни отпуска. Анализируя эти короткие мгновения счастья, я остановился на наших взаимоотношениях с женой, которые в последние годы напоминали запутавшийся клубок рыболовной лески с утерянным концом.

Но конец, однако, нашёлся и клубок не стал затягиваться, а наоборот, помаленьку распутался. Мы переехали к новому месту жительства. Наконец, приобрели понравившееся нам жильё. Почти, весь отпуск делали косметический ремонт, наводя порядок в своём гнездышке, не позабыв, конечно же, и об отдыхе. Несколько дней, проведённых на Чёрном море, в посёлке Лазурный, поистине можно назвать счастливыми. Эти дни действительно стали для нас сладкой отдушиной в нашем общем отпуске. И, вот! Всё уже позади. Фактически никаких развлечений, кроме этих нескольких дней в Лазурном. Проведённые там дни, не переставали волновать мои чувства и мои мысли. Эти солнечные дни и чудные ночи, яркой вспышкой приятных воспоминаний, вонзались в моё сознание, переворачивая в нём всё вверх дном и вытаскивая на поверхность самые трогательные моменты курортной жизни. Один из этих моментов, особенно ярко отражался на всеобщем фоне последних дней отпуска. Всё плыло передо мной, в каком-то шумно-сказочном полубытьи...

Моя фея, моя очаровательная жёнушка, словно королева бала, кружилась в вихре быстрого ритмичного танца, демонстрируя свои замысловатые «па» под яркие вспышки серебристо-бриллиантовых бликов зеркальных шаров диско бара. В лучах бледно-фиолетовой неоновой подсветки, лёгкий крепдешинный сарафанчик, впитывал своим ярко выраженным импрессионистским узором всю цветовую гамму танцевальной площадки, отражая яркие пер-

ламутрово-белые блики, струящиеся вокруг её гибкой, извивающейся фигуры, на несколько метров по всей окружности. Танцуя под современные ритмы всенародно любимой попсы и подогретая бутылочкой клюквенного лонгера, она была открыта и счастлива, раскрепощённо веселая и немножко таинственная...

Сидя за столиком, прямо перед танцевальной площадкой, я мило беседовал с подружкой жены и откровенно любовался своей возлюбленной. Ровно восемнадцать лет супружеского пути прошли мы вместе, рука об руку. Долгим и тернистым был этот путь, но мы прошли его, преодолевая взлеты и падения, любовь и ненависть, радость и огорчения, счастье и горе. И, несмотря, ни на что, мы выстояли и прошли этот путь, в то время, когда многие разводились по пустякам, не раздумывая, об особенностях адаптации и притирки друг к другу. Я сидел за столиком на жестком пластмассовом стульчике и наслаждался вкусовыми качествами «джин-тоника», вёл непринуждённую беседу, отдыхая от домашней суеты, выпитывая в себя последнее наслаждение отпуском. Я вёл беседу и продолжал любоваться танцующей женой, замечая то, на что раньше, как-то не обращал внимания. Замечая её весёлую улыбку и радостные лучезарные глаза, красивые, легко взволнованные дыханием подвoločного вентилятора, волосы, налитые пунцовым румянцем щёки, красивые сочно-алые губы. Хотелось бы видеть её такой всегда...

Вспоминая свой отпуск, я часто наталкивался на мысль, что мои воспоминания о жене всегда останавливались на вышеизложенном эпизоде. За все прожитые в Новой Каховке месяцы я запомнил её именно такой. И буду теперь, именно такой, вспоминать её далеко от родных берегов, среди соленых средиземноморских волн.

В окошке замелькали новостройки поселка Котовского, и мои воспоминания развеялись, как предрассветный туман погожим летним утром. Автобус, медленно, но уверенно, петлял в утренних автомобильных пробках города-героя. Впереди показался Пересыпский мост, значит скоро автовокзал.

Автобус на вокзал прибыл по расписанию и я, быстро получив багаж, сразу направился на платформу Измаильского направления, где уже стоял «под парами» старенький «Икарус». Решив с водителем вопрос с посадочным местом, я сдал багаж и прошёл в салон автобуса занимать его, освобождая себя от проблемы приобретения билета в кассе автовокзала. Благо эту проблему прекрасно решал сам водитель, оставляя себе на пропитание гривневый эквивалент, установленной за проезд таксы. Продвигаясь вглубь салона, я искренне удивился, встретив своего старого приятеля. Он одиноко сидел у окошка и задумчиво смотрел сквозь него, поигрывая мимикой лица, словно вёл душевную беседу. За окошком стояла миловидная женщина с грустинкой в глазах и, что-то показывала ему жестами. Не обременяя себя лишними вопросами, я бесцеремонно занял пустующее рядом с приятелем место и, дождавшись, когда он закончил прощальную церемонию, радостно поприветствовал, протягивая для рукопожатия свою руку:

– Привет, Николая! Сколько лет, сколько зим!?

– О! – изумился Николай моему внезапному появлению.

После обмена дружеским рукопожатием, я спросил, указывая на пустующее место:

– Свободно?

– Конечно, конечно, – засуетился Николай, – присаживайся.

Только я сел, как автобус, вдруг, тронулся. Николай последний раз прощально махнул женщине за окошком и спросил:

– На работу?

– Да, – коротко ответил я, – на «Петрушевский», а ты?

– Я в кадры за расчётом. Увольняюсь я. Помнишь как вместе на «Степанюке» сражались?

– Помню, как не помнить те крутые рейсы на Австрию, – иронически подмигнул я и начал его расспрашивать. – Рассказывай, Коля, как поживаешь, почему решил увольняться? Совсем что ли, с флотом завязываешь?

– Нет, конечно, – тут же ответил Николай и продолжил. – Живу, как и все. Когда сократили шкиперов, вспомнил, что когда-то на рудовозах боцманил. Ну и события в Югославии, тоже подстегнули. Посоветовались с женой, подключил старые связи и вернулся на море. Потом в «подфлажники» занесло. Много воды за это время утекло, Михалыч, одним махом всего не расскажешь. Правда, теперь нам вместе ехать часика три-четыре, так что время есть. Сам-то как?

– Я, Коля, тоже присоединяюсь к твоей мысли, что ещё поговорим. А если коротко, то переехал с Измаила в Херсонскую область, знаешь, есть такой живописный городок на берегу Днепра, Новая Каховка, называется. Вот там и живу. Купили полдома, обустроились. Пока нравится, – я опустил спинку кресла, удобнее расположился и продолжил свой рассказ. – Да, на море перевёлся недавно, пока только второй рейс буду делать. А первый тоже был на «Петрушевском». Так, что морячу помаленько, Коля!

С Николаем Николаевичем Залесским работали мы вместе на речном буксире-толкаче. Коля тогда работал шкипером. Весёлый, с одесским чувством юмора, он всегда был в кругу внимания, веселил и подзадоривал членов экипажа. Находясь в хорошем расположении духа и чувства юмора, он со всеми находил общий язык и был в экипаже всеми уважаем. О таких говорят словами Владимира Семёновича Высоцкого: «Ты бы пошёл с ним в разведку? Да». Действительно с Колей можно идти не только в разведку. Он был моим ровесником и в своё время тоже служил на Краснознаменном Тихоокеанском флоте, только не простым военмором, а спецназовцем. Была такая школа на острове Русском в посёлке Холулай, где этих ребят учили боевому мастерству и выучке. Я сам служил на десантных кораблях, которые базировались на острове Русском в посёлке Шигино (сейчас это уже не секрет, Союза больше нет и можно о многом рассказать) поэтому знаю об этих ребятах не понаслышке. Они наводили страх в пункте базирования кораблей во время выпускных учений и обычных тренировок, так же они выходили с нами на боевые учения в море и на боевые дежурства в дальние морские походы. Именно, ТОФ и сдружил нас. Коля в то время увлекался живописью, а я работал над сборником стихов «Разлука, море и любовь», который увидел свет в 2001 году. Благодаря издательству «СМИЛ» – сборник выпустили на Измаильской типографии, а Николай был первым его ценителем и критиком, так как, читал стихи ещё в стадии их доработки. Так мы с ним нашли общий язык и часто общались за чашкой чая в свободное от работы время.

Теперь судьба снова нас свела, и мы ехали с Николаем в одном направлении: я работать на судне, а Залесский за собственной трудовой книжкой, поведав мне в пути о своих приключениях.

Проведя аналогию его рассказов и вымышленных событий автора, анализируя рассказы, очевидцем и участником, которых был сам Николай, я попытаюсь передать всю их суть в этой повести, изменив имена и фамилии, создав, обобщающий образ героя, совмещённый с многими насущными реалиями грядущих событий.

Часть первая «Семейные оковы»

1.

Попав под сокращение штатов, шкипер Залесский находился некоторое время в глубоком унынии. Годами наработанные навыки и любимая, пришедшаяся по сердцу работа стали, вдруг, не нужны огромному пароходству. Все попытки попасть на любое речное судно боцманом, не увенчались успехом, а идти матросом, с понижением в должности и окладе, Николай сам не желал. На речном флоте, в то время, был переизбыток боцманов, и предлагали только морские суда, и то, не престижные рудовозы Навашинской постройки, устаревшие как морально, так и физически. Переизбыток произошёл из-за внезапных перемен в Дунайском пароходстве. Югославский кризис больно ударил по финансовым возможностям пароходства. Для того чтобы содержать флот и оставаться на плаву, надо было иметь порядочные средства, так как, итоги военных действий американской военщины на Балканах, недобрым эхом аукнулись в пароходстве крупными потерями, исчисляемыми около двухсот тысяч американских зелёных долларов ежедневно. Чтобы, хоть как-то, латать дыры, пароходское начальство решило продавать на металлолом устаревающие и невостребованные суда. В число этих судов попали несамоходные баржи и танкера, ради которых и содержались в штатах буксиров-толкачей шкипера. Стали в отстой за ненадобностью и речные буксиры «малыши», австрийской постройки. За неимением возможности реновации флота, поставили в отстой, несколько судов толкачей, типа «Сергей Авдеенков» и «Брест», югославской постройки. По причине югославского конфликта были нарушены традиционные судоходные линии на Дунайварош (Венгрия), Комарно (Словакия), и Линц (Австрия). Повреждённые американскими ракетами мосты города Нови Сад, перекрыли русло Дуная, и судоходная линия прекратила своё существование до разрешения конфликта да устранения последствий американского вмешательства во внутренние дела суверенного государства Югославия. В силу всех этих событий, речной флот стал невостребованный в таком количестве как раньше, вот и произошёл переизбыток рядового состава, которых отдел кадров, просто, не был в состоянии трудоустроить. Некоторым речникам везло, и они делали по одному или два рейса на Болгарию или, если повезёт, на югославские речные порты Смедерovo и Нови Сад. Эти рейсы речники называли рейсами «для поддержки штанов». Вот и Николай несколько раз пытался выпросить у своего инспектора по кадрам такой рейс, но удовлетворённой его просьба так и не была.

Залесский со своей семьёй проживали в Одессе. Жена Ирина преподавала историю в общеобразовательной школе, а сын Игорь был курсантом третьего курса Одесской морской академии. Жить приходилось в последнее время очень скромно. Мизерная зарплата жены, в то время, была одним из основных источников дохода, не считая одноразовых финансовых вливаний от случайных заработков Николая. На курсантскую стипендию сына было стыдно рассчитывать, молодой парень имел право на какие-то свои карманные расходы. И, хотя, Игорь учился не по контракту, оплачивать учёбу, всё равно, приходилось. Не секрет, что зачёты и экзамены имели в академии свою таксу, так сказать, «негласный гонорар» преподавателям. Поэтому для учёбы в ОГМА его стипендия погоды не делала, там даже зарплата мамы отдыхала, деньги нужны были конкретные, и Николай выкручивался, как мог, в силу своих возможностей и в силу своему правильному советскому воспитанию. Конечно случайные заработки за непосильный труд грузчика или разнорабочего на стройке это не те деньги, которые могли удовлетворить безбедное существование семьи. Ирина тоже вертелась, как могла, пыталась брать уроки репетиторства, но история это не английский и на ней много не заработаешь – не та востребованность. Маленькие стихийные деньги были пылью и растворялись в быту, как сигаретный дым при лёгком дуновении ветра. В конце концов, Николай решил продать свой старенький «Опель Кадет», привезённый во времена автомобильной лихорадки из Австрии,

и пустить часть денег на восстановление морских документов, а часть истратить на семейные нужды. Однако выйти на прямой разговор с женой, не было подходящего случая. А разговор уже назрел. Иного выхода просто не было. Необходимо возвращаться на морские суда и не просто в Дунайское пароходство, а как говорят моряки «идти работать под флаг». Под флаг – значит работать на судне под удобным флагом. Чьи это были суда? Это никого не волновало, главное, чтобы зарплата была хорошей и выплачивалась своевременно. Контракты по тем временам для рядового состава были очень длинными: от шести и до девяти месяцев, а то и более. И об этом надо было сказать Ирине. Надо подготовить её заранее. Каждый день говорить на эту волнующую тему. А как? Когда она уже привыкла к его работе на Дунае, к коротким рейсам и возможности, хоть не так часто, но быть вместе. Николай был очень внимательным к жене и сыну. Сам он вырос в детском доме, не зная, отчего дома и материнского тепла, поэтому был очень кроток, старался никого не обделять своим вниманием. Его кроткость никак не сочеталась с его атлетическим телосложением и мужественными чертами лица. Лицо Николая было приятным и светлым, оно честно и открыто излучало добропорядочность, чередующуюся с огромной силой воли и крутым нравом, если вопрос стоял на уровне жизненно важных аспектов. Тяжёлый труд моряка и лишения многомесячных морских и речных рейсов, успели нанести на это, ещё совсем не старое лицо, свою суровую отметину в виде неглубоких морщин и, слегка, покрытых серебристой пылью, густых коротко стриженных волос. Весёлое и доброе выражение небесных сероватых глаз никак не сочеталось с его мужественным лицом, закалённым морями и океанами. Но, вопреки всему, чувствовалось, что за этой откровенностью спрятана горькая тайна, какой-то печально прошедшей драмы. Наряду с добрыми глазами и весёлостью, его массивная челюсть и широкий подбородок отмечали твёрдый и строптивый характер. Однако, в придачу к его мужественному рыцарскому духу, в нём преобладала, какая-то, женская, мягкость, часто подводившая впечатлительную натуру Николая. Его детские годы прошли в Винницком детском доме для детей сирот, куда принёс мальчика местный сторож дедушка Николай. Назвали Николаем, так как звали сторожа и отчество дали Николаевич, в честь нашедшего его, а фамилию вписали соответствующую, Залесский, на окраине леса его нашли, за лесом. Вот и вся предыстория будущего боевого пловца, моряка тихоокеанца, боцмана дунайского пароходства и просто хорошего человека.

После детского дома была школа-интернат в Херсоне, затем Одесская мореходная школа. Дальше служба на Краснознаменном Тихоокеанском флоте. Сначала морская школа спецназа в посёлке Холулай на острове Русском, затем служба в разведроте морского спецназа КТОФ во Владивостоке. За время службы приходилось старшине Залесскому бывать не только в «горячих точках», но и у самого «чёрта на рогах». Словом, служба дала свои коррективы в дальнейшей судьбе моряка.

Вернувшись после службы в Одессу, он не смог трудоустроиться в ЧМП, где начал работать до службы, так как давал подписку сроком на пять лет «О неразглашении военной тайны», с которой, получить визу для заграничных плаваний, было невозможно, пока не закончится срок подписки. Вопрос стоял остро: работать в портофлоте или податься в Измаил, где была возможность устроиться матросом на суда рудовозы, ходившие на каботажной линии Херсон – Николаев – Измаил. Он выбрал каботаж и пять лет трудился на судах Навашинской постройки типа «Горьковская комсомолия». Там и постиг Николай азы флотской науки, набираясь опыта и навыков в работе. Часто бывая в Измаиле, он посещал с коллегами всевозможные молодёжные вечеринки. Как-то моторист пригласил Колю на танцы в Измаильский педин, где на выпускном курсе учителей начальных классов училась его сестра, которая и дала ему пригласительные. Так Коля Залесский попал на вечер танцев в общество юрких выпускниц педина. Было ему тогда всего двадцать один год. Выше среднего роста, широк в плечах, стройный торс, чёрные, как смола, немножко волнистые впереди, волосы, густые чёрные брови и совсем не подходившие к цвету волос небесно-серые весёлые и добрые глаза с живыми искорками задора. Ровный

славянский нос, очаровательная белозубая улыбка. Чем не жених? Веселясь и танцуя в ритмах быстрого диско, он явно показывал своё физическое превосходство над другими парнями. Его ярко выраженная атлетическая фигура, подчеркнутая стильным прилегающим джинсовым костюмом фирмы «Us top» отражала подлинность американского ковбоя с впечатляющей рекламы сигарет «Mallbogo». Такой парень мог заинтересовать многих девушек института. Но на «белый танец» его пригласила именно Ира. Уловив её лучезарный васильковый взгляд, он будто окупился в какой-то гипнотический сон. Он даже не понял, как ему удалось так прекрасно вальсировать с очаровательной студенткой, словно, всю жизнь занимался одними танцами. Вот, что значит правильная партнёрша. Он сразу почувствовал: как ему с ней легко и просто. Так, словно, они были давними старыми партнёрами. После танца Ира поблагодарила Колю, одарив его очаровательной улыбкой. Она хотела пойти в направлении своих подружек, но Николай тронул её за локоток, сам проводил её и больше не отходил от неё ни на шаг. В это время он забыл о друге, с которым пришёл сюда, забыл, что ночью отход на Николаев. Он забыл обо всём на свете. В этот вечер он хотел видеть только Иру. Видеть только её весёлые и беззаботные васильковые глаза да обворожительную белозубую улыбку. Только её остренький, как у лисички, слегка вздёрнутый кверху, носик. Её сочные пухлые губы цвета спелой вишни. Только те пунцово-розовые щёчки с маленькими, ярко выраженными ямочками, которые придавали ей ещё большее очарование и лёгкий шарм. Весь этот вечер он был только с ней. Они приятно танцевали, весело шутили, обольстительно смеялись, словно были давно знакомы. Им было хорошо и легко вдвоём. После танцев Коля проводил свою новую знакомую домой. Она жила недалеко от нового учебного корпуса на частной квартире по улице Репина. Пришли быстро, а расставаться не хотелось. Особенно в тот весенний апрельский день, когда только зацвела смородина и одаривала их своим чарующим ароматом. Спрятавшись за кустом сирени, они немножко посидели на деревянной скамеечке, где вечерами сидели местные старушки. Сидели молча, глядя друг другу в глаза верным изучающим взглядом. Потом немножко разговаривали: о жизни, о кино, о современной музыке, пока Ира не взглянула на часы.

– Уже полночь, – тихо, словно извиняясь, сказала она.

– Сколько? – быстро переспросил Коля, опомнившись после глубокого гипноза.

– Если точно, то десять минут первого, – уточнила Ира, ещё раз взглянув на часы.

– Ирочка, извини, но мне пора бежать в порт, – словно провинившийся мальчишка признался Залесский, – я тебя обязательно найду, ты не против?

– Я, нет, – коротко и без стеснения призналась она.

– Тогда до встречи, – с грустинкой в глазах сказал Николай и протянул на прощание свою жилистую руку, в которую словно пушинка, прилипла нежная мягкая рука Иры.

Они простились и разошлись. Разошлись, чтобы встретиться при первой случившейся возможности. Таким было это первое знакомство. Потом они стали встречаться. Почти через каждые две недели Залесский был в Измаиле. Судно стояло по три, а то и четыре дня и эти дни, а вернее вечера, свободные от вахт, он полностью посвящал свиданиям с Ирой. Вместе посещали кинотеатры, дискотеки и просто прогуливались по набережной Дуная у морского вокзала. Одним словом вели нормальную молодёжную жизнь того времени. Потом был выпускной вечер в институте. Получив распределение в городок Татарбунары, Ира уехала на работу. Они по-прежнему встречались, но эти встречи были короткими, буквально по несколько часов, и Николай уезжал в Измаил. Ему явно этого было мало. Он давно понял, что их отношения переросли во, что-то большее, чем дружба и любовь. Они стали очень близкими и желанными друг для друга. Как каждый порядочный парень, Николай предложил Ире свою руку и сердце. К тому времени она знала все подробности его жизни и страстно полюбила своего избранника, хотя старалась не проявлять свои чувства. Она больше любила, когда Николай сам проявлял к ней своё искреннее отношение. Вскоре они поженились и Ира, как и любая мужняя жена, имела право переехать к мужу, а так как у мужа своего жилья не было, то она рада была вер-

нуться в лоно родителей. Так она переехала в Одессу и стала жить с родителями в трёхкомнатной квартире на улице Сегедской, там же и работу нашла, в ближайшей школе. И стали они жить, поживать и, как говорится, добра наживать. С Одессы было ближе ездить в Херсон и Николаев, поэтому Ира часто встречалась с мужем в этих портах. Они были счастливы вместе и ни о чём другом не задумывались, как и все влюблённые.

Позже, накопив выходных дней, Николай сошёл на берег, передохнуть, и приехал к жене в Одессу. Тесть с тещей приняли зятя тепло и с радушием. Коля им сразу понравился. Хозяйственный и покладистый, он как-то шестым чувством понимал, когда надо было что-то помочь тестю или теще. Любая работа спорилась у него в руках, и в квартире становилось заметно уютней, так как тестю, профессору медицины, зачастую было просто некогда заниматься домашними делами. Помимо домашних хлопот, Коля всегда старался угодить жене, которая к тому времени, уже была в интересном положении. Вскоре у молодожёнов родился мальчик, которого назвали Игорем. Ну, очень всем понравилось это имя. Игорь Николаевич, было очень созвучно, вот и назвали. И снова в доме была радость для всех.

Отработав в каботаже, положенные пять лет, Залесский подал документы на визирование. Хорошая характеристика-рекомендация этому способствовала, и вскоре его перевели на морские суда заграничавания. Это были небольшие контейнеровозы румынской постройки, прозваны моряками «пионерами-героями» из-за их названий: «Петя Шитиков», «Нюра Кижжаватова», «Петя Коваленко» и другие. Свои первые заграничрейсы Коля сделал на «Пете Шитикове» обыкновенным матросом. За знание морского дела и флотскую сноровку, он получил направление на курсы боцманов, и после окончания курсов, стал трудиться на этой же серии судов, но уже в качестве боцмана. Линия была отлажена: Измаил – Бейрут. Иногда это были рейсы по Средиземному морю в порты Италии и Греции. Во всяком случае, раз в месяц они заходили в совпорты, и Николай имел возможность видеться с семьёй. Материальное положение в семье было стабильным и с каждым рейсом только улучшалось. Тогда моряки имели возможность привозить всякий ходовой товар и реализовывать его через сеть комиссионных магазинов. Товар хорошо уходил, и появлялись живые деньги.

В это время умирает Ирина бабушка, мать отца, и Ира становится наследницей трёхкомнатной коммуналки в самом центре Одессы по улице Розы Люксембург. Настало время вить своё гнездышко, и они занялись перепланировкой наследства. Из неказистой трёхкомнатной коммуналки, вскоре, получилась приличная двухкомнатная квартира с удобствами. А жизнь набирала обороты. Игорь подрастал, стала ощущаться нехватка отцовского воспитания. Както на семейном торжестве, в очередной день рождения сына, этот вопрос, сам по себе, напросился на повестку дня. Прения были жёсткие. Всё сходило к тому, чтобы проститься с морем и профессией. Но Николай нашёл другой выход. Подкормив нужного инспектора в отделе кадров, он получает направление на курсы шкиперов и переводится на речные суда. Настала нормальная интенсивная работа: три недели рейс до Австрии по Дунаю и обратно в Измаил, потом недельку перестоя в подмене и следующий короткий рейс. Снова все стали довольны такой работой, которой можно только позавидовать. Сделал рейс, привёз из Вены коврик или дублёнку на «рыбьем меху», сдал товар в комиссионку, получил законные свои кровные шестьсот или семьсот советских рублей – и в семью. К этой сумме добавлялась месячная зарплата супругов, и сто червонцев на семью получалось легко. О такой зарплате можно только мечтать. Живи и радуйся. И Залесские жили и радовались такой жизни. За эти деньги можно было себе позволить жить хорошо и безбедно, даже помогать родителям. Не жалко было дать и в займы родственникам или хорошим соседям. Отпуск, без зазрения совести, проводили в Крыму: Ялта, Алушта, Судак, ездили и в Сочи, всё было возможно.

Но самый большой экономический подъём в семье начался во времена «автомобильного бума» в начале девяностых годов. Машины брали все, кому было не лень и имелось на кармане, хотя бы, двести долларов. Первая волна автомобильного бума имела шальной спрос,

цены колебались от пятнадцати тысяч до двадцати пяти тысяч советских рублей. Это было что-то! Это стоимость половины дома или кооперативной квартиры. Многие работники пароходства тогда успешно решили свои жилищные проблемы. Николай тоже успел улучшить свои жилищные условия. Пригнав за полгода работы два авто: десятилетнюю «Ауди-100» и одиннадцатилетний «Мерседес-Бенц-240Д», он сумел их выгодно продать. Затем поменял свои две комнаты на трёхкомнатную «чешку» в районе «Привоза» с небольшой доплатой. Он успел своевременно. Он успел ещё заработать и купить себе "Опель Кадет" и «Фиат-Ритмо». Потом начался раздел Югославии.

Первая война и раздел с Хорватией, затем вторая война и авианалёты американцев. Итоги были печальными для всей Европы. Прекратилось интенсивное судоходство и, речной флот потихоньку становился в долгий отстой. Николай больше года остался без стабильной работы. Иногда ему перепали короткие рейсы в Болгарию на больших толкачах «трёх тысячниках», но это были рейсы «для поддержки штанов». Валютных дней в этих рейсах было совсем мало: двенадцать-пятнадцать дней всего-то. Потом месяц работы в подмене несамоходного флота на рейде Измаила. Работа была не денежная, а жизнь дорожала.

Жизнь дорожала с каждым днём. Дорожала она и в Одессе. Залесские это стали чувствовать, когда пришлось отказаться от привычной пищи, а вскоре и вообще от привычного образа жизни. Сын подрастал, оканчивал школу и мечтал о морской академии. Снова стал вопрос о постоянной работе, и Николай переводится на море.

Теперь его направляют боцманить на теплоход «Венедикт Андреев», овощевоз, типа «река-море», хорошее автоматизированное судно австрийской постройки конца восьмидесятых годов. И снова стал налаживаться привычный жизненный уклад.

2

Штормило. Осенняя пора на Чёрном море всегда богата штормами. Резвая волна, то и дело, ударялась в носовую часть правого борта, немного раскачивая его обтекаемый корпус. Слегка покачиваясь на крутой волне, овощевоз «Венедикт Андреев» следовал курсом: порт Ильичёвск – греческий порт Нафплион. Твёрдо удерживаясь на ногах, боцман Залесский обходил судно, тщательно проверяя каждое помещение своего заведования. Всё судовое имущество должно быть закреплено по штормовому. Мало ли что? Бывает, что-то свалится, где-нибудь подшкиперской, и заклинит входную дверь так, что в помещение попасть становится просто невозможно. Надо выставлять двери, а это уже лишняя внеплановая работа. Надо ли такая работа? Конечно, нет. Сто раз легче пройтишний раз и перепроверить. Когда в заведовании порядок, тогда и на душе спокойней. Думая о работе и занимаясь ею, боцман Залесский мог, хоть как-то, отвлечься от своих семейных проблем. Тяжело приходилось в последнее время, но тяжело было многим и это его успокаивало. Теперь всё должно наладиться. Появилась постоянная работа с заходами в порты Украины. Вроде бы всё складывалось. Оставалось ждать и надеяться. Ждать и надеяться только на лучшее.

Медленной, но уверенной поступью летели дни, проходили недели и тянулись месяцы. Николай уже втянулся в свою новую должность и чувствовал себя как рыба в воде. Судно встало на линию Израиль – порты Украины и черноморские порты России. Начался цитрусовый сезон, который продолжался с ноября по апрель. Работать с фруктами всегда легче, чем с контейнерами или другим разно габаритным генеральным грузом. Полеты с ящиками, в которых уютно размещались лимоны и апельсины, мандарины и грейпфруты не требовали особого крепежа, правда, заработков дополнительных, тоже не было. Зато была возможность употреблять витамины самому и угощать своих близких. Частенько грузоотправители презентовали членам экипажа некоторое количество цитрусовых, и это было приятным сюрпризом. Первые три рейса для Николая были особенно удачливыми. Он уходил с Ильичёвска, иногда с Одессы, и прихо-

дил, то в Ильичёвск, а то и в Одессу. Была приятная возможность видеться с семьёй. Всё налажилось. Зарплату получали в долларах ежемесячно. Жизнь стала улучшаться. Но, именно, в это время он почувствовал какой-то холодок в отношении с женой. Или это было возрастным, или это жизненные проблемы последнего времени нанесли такие неизгладимые коррективы. В этом он никак не мог разобраться. Он точно понимал, что главный добытчик в семье должен быть мужчина и это у него получалось, не считая временных перебоев. Когда он чувствовал что семья твёрдо стоит на трёх китах: любви, взаимопонимании и экономической стабильности, Николай чувствовал себя счастливым. Но, что надо для счастья женщине? Это было трудно понять. В молодые годы было на много проще. Было достаточно одной единственной взаимной любви. Что же надо сейчас? Часто думая о душевных и физиологических чувствах женщины, Залесский не мог понять основного: в чём кроется и на чём основывается женское счастье? С физиологическими чувствами немного проще, здесь всё наяву, здесь ничего не скроешь, зоркое око разведчика подметит всевозможные перемены, и аналитический ум сможет принять правильные меры к урегулированию усложняемых отношений. Но, как разобраться с душевными? В душу не пробраться и не заглянуть, как и в женские мысли. Для себя он давно сделал одно важное определение, что только душевные свойства женщины, а именно: покладистость, женское понимание проблем, добропорядочность в отношениях, тактичность в повседневной жизни, женская теплота и нежность – это главное оружие женщины. И когда оно в руках ещё и умной женщины, тогда в семье проблем не должно быть. Не должно быть никогда, потому, что чуткая умная женщина вовремя сумеет сгладить острые углы соприкасающихся проблем, и они просто перестанут быть острыми, а станут обыкновенными и повседневными, сея в семье спокойствие – значит любовь и взаимопонимание. А это важнее, чем распри. Это сближает, а не отталкивает. Это даёт возможность общения среди супругов, а не молчаливость и замкнутость. Покоряя такими качествами мужчину, женщина даёт начало для бесповоротного роста крыльев истинной любви. Обладая тонким чувством душевных качеств, женщина, на протяжении долгих лет, сумеет сохранить семейный очаг и пылающую искру любви в нём. Он многое мог понять, но мысли его продолжали мыслить и, в своих мыслях, Николай продолжал рассуждать о любви, как о простом явлении природы. «Можно ли любить женщину только за её красоту? Конечно же, нет. Тысячу раз нет. Любящий за красоту умеет только насладиться этой красотой. Только в этом его истинное мужское чувство. А честь женщины, её достоинства, её здоровье, поведение, недостатки – его не касаются. К этому он остаётся безразлично, а это уже не любовь, это просто животное влечение. Жаль, что не все это могут понять и вовремя оценить. Порою эти, не понимаемые истины, раздваивают мужское сердце, резко повышая его износ, тем самым, нарушая его привычный ритм и повседневную работу. Но только в настоящей любви больше, чем, в чём-либо, видно истинное лицо человека, чуткость его ума и самого человеческого совершенства. «Горела, горит и будет ли гореть во мне все эти годы несгораемая свеча любви? – думал Николай, совмещая монотонность работы с приходящими на ум мыслями. – Трудно понять чувство настоящей любви. Ещё труднее ответить на этот риторический вопрос. Но я жил, радовался, скорбел и печалился. Это всё было. А скорбь и печаль человеческая, часто сопряжены с невозможностью и несбыточностью исполнения желаний. Но разве только этим измеряется любовь? Конечно не только этим, но и этим, в частности, тоже. Это было когда-то. Это есть сейчас. Это будет потом». Николай думал об этом. Думал потому, что почувствовал, какой-то отчуждающий холодок, который стал проходить между их отношениями с Ириной, которая, всё чаще, стала упрекать его в том, что он, яко бы, в не полном объёме исполняет свой супружеский долг. Она не обосновано, в чём-то, его подозревала, а иногда ему казалось, даже ревновала к женскому персоналу экипажа. Это был какой-то абсурд, ведь он, даже, повода никакого не подавал, а она продолжала искать несуществующий компромат. Ничего не находя, она успокаивалась, и жизнь снова возвращалась на круги своя. Как бы то ни было, а жизнь продолжалась и хорошего в ней всегда оставалось больше, нежели плохого.

В одно время, когда судно задержали на пару месяцев в Средиземном море для перевозок на линии Хайфа – Марсель, а потом дали рейс на Новороссийск без захода в Украину, Ирина приняла опрометчивое решение и без согласования с мужем, пожелала встретить его в Новороссийске. И, хотя, Россия была уже другим государством, и существовали определённые неудобства с пересечением границ, это не остановило её. Она решила, и никто не смог её удержать дома. Узнав в диспетчерской службе пароходства назначенный день прихода в Новороссийск, Ирина рассчитала свой маршрут, взяла на работе отгулы и выехала автобусом Одесса-Симферополь. Дальше была пересадка на автобус Симферополь-Новороссийск, новые впечатления и новые приключения, совсем не входившие в планы молодой интересной женщины.

Автобус ехал не спеша. За окнами старенького «Икаруса» мелькали Крымские пейзажи размытые свинцовой ноябрьской моросью. Погода была, как говорят лётчики, совсем не лётная и, автобус ехал с нарушением графика движения, опаздывая в Керчь на добрых двадцать минут. В Керчи была короткая остановка. Некоторые пассажиры сходили, а новые занимали освободившиеся места. На место, освободившееся возле Ирины, подсел молодой интересный мужчина. Одет он был со вкусом молодого человека того времени: элегантное длинное пальто из чёрного сукна, модные тупоносые ботинки, начищенные до блеска, ворот светло-голубой рубашки слегка прикрывало белоснежное кашне так, что было хорошо видно только широкий золотисто-бежевый галстук, с непонятным рисунком, в стиле «а-ля инфузория туфелька». Коротко остриженные волосы придавали ему сходство со спортсменом или телохранителем, в лучшем случае, с бизнесменом из «новых красно-малиновых пиджаков». Автобус тронулся, но не успел проехать, даже, несколько метров в сторону паромной переправы, а молодого человека уже несколько раз беспокоил мобильный телефон. Красивым бархатистым баритоном он умело парировал своего собеседника. Невольно став подслушивать разговор соседа, Ира поняла, что он тоже едет в Новороссийск и имеет какое-то отношение к порту или к грузу, находящемуся в порту под выгрузкой. Ей почему-то стало жутко интересно, что за попутчик едет рядом, но завести разговор первой она стеснялась, а мужчина совсем не обращал на неё никакого внимания, словно она была каким-то неодушевлённым предметом. Вскоре, пройдя таможенный и пограничный контроль на Керченской паромной переправе, автобус проехал широкую ребристую аппарель небольшого парома и припарковался на главной транспортной палубе. Стало тихо, а попутчик уже сам, кому-то названивал, и Ирина услышала часть короткого диалога, в котором прозвучали такие слова: «... Что? «Венедикт Андреев» уже на подходе? Да. Я понял. Я уже еду. Да. Надеюсь, к утру буду». Название судна, на котором работал муж, как-то взволновало её, и сдерживать своё любопытство она больше не могла. Надо было начать разговор. Но, как и с чего начать? Она уже прокручивала в мыслях разные варианты, чтобы не показаться незнакомому мужчине назойливой или излишне любопытной. Мужчина как раз закончил разговор со своим абонентом и, вроде бы, наконец, заметил свою попутчицу. Как-то неловко кивнув головой, он удобно расположился на мягком сиденье. Ирина слегка наклонилась в его сторону и спросила:

– Извините за беспокойство, мне показалось, Вы упоминали в своём разговоре имя Венедикт Андреев, Вы имели ввиду судно?

– Да, я имел ввиду судно, а что? – был короткий ответ.

– Ничего. Просто у меня там муж работает, вот и стало интересно.

– Едете в гости, значит? – то ли утвердительно, то ли вопросительно сказал мужчина.

– Да. Они долго работали в Средиземном море, и я до последнего надеялась, что будет заход в украинский порт, но, увы! Как видите, не сбылись мои надежды, вот и еду в Новороссийск.

– Можете считать, что Вам здорово повезло. Давайте знакомиться, – искренне предложил попутчик. – Меня зовут Алексей.

– А отчество? – переспросила Ирина.

– Можно без отчества, по-моему, мы ровесники, – уточнил Алексей и протянул руку для знакомства.

Ира осторожно подала ему свою руку и почувствовала, как к её лицу прильнула предательская теплота. На мгновение ей стало немножко стыдно за своё поведение и она, как-то неуверенно, сказала:

– А меня зовут Ирина Васильевна, можно просто Ира.

– Вот и чудненько, Ира, будем попутчиками, – Алексей умышленно сделал ударение на её имени без отчества и, словно, старый знакомый продолжил. – К утру должны быть в Новороссийске, а судно, возможно, уже будет у причала, так что всё складывается добренько.

Ненадолго они прервали свою беседу и стали наблюдать, как паром отходил от причала. В сумерках казалось, что это не паром начал движение, а двигались на причале огоньки и всевозможные рекламы. Вот паром издал громкий и протяжный гудок тифоном, и берег стал быстро отдаляться, показывая красивую панораму яркой иллюминации города-героя Керчь. Город, ещё несколько минут так ярко светившийся огнями, вдруг был поглощён густым туманом и исчез из виду, словно мираж, оставляя вместо былой панорамы, расплывчатое светлое пятно. Пока Ира рассматривала туманную даль, её украдкой рассматривал Алексей. Он смело смотрел на её округлые плечи, плотно стянутые коричневой кожей модной курточки, на которых беззаботно вертелась, ещё не потерявшая цвет летнего загара, красивая женская шея. Когда Ира поворачивала коротко стриженную голову с модной чёлочкой, слегка подкрашенной «перьями», Алексею открывалось её лицо – загорелое и чистое с пухлыми ярко выраженными губами. Она смотрела в темноту, так быстро спрятавшую Керченский пролив, пытаясь там, хоть что-то разглядеть, но кроме красных и зелёных огоньков от проходивших судов, катеров и буйков, она ничего больше не замечала. Медленно двигались по воде отражённые блики палубного освещения парома. Вот совсем рядом с бортом парома прошёл параллельным курсом какой-то рыболовный баркас. За приоткрытым окошком из, рядом стоявшей «девятки», доносилось пение Маши Распутиной. Она пела про «белый Мерседес», пробуждая мечтательное лирическое настроение, которое слегка отвлёк мелодичный гудок тифона, прозвучавший, как-то, совсем неожиданно. Вперемешку с песней Распутиной слышался монотонный шум винтов парома, будоражащих спокойную ночную гладь пролива. Становилось совсем темно. Откуда-то взявшиеся тучи плотно застлали небосвод и, даже, бледно мерцавшие в ночном тумане звёзды, спрятались за толстым покрывалом тяжёлых туч.

– Через минут двадцать будем на противоположном берегу, – нарушил первым молчаливую паузу Алексей.

– Я не знаю, я здесь впервые, – смущённо призналась Ира.

– Тогда вам вдвойне повезло, – воспрянул духом Алексей. – Я, ведь, здесь постоянный клиент. Так сказать: по долгу службы. Я экспедитором работаю в сюрвейерской фирме. Нас часто москвичи нанимают работать с их грузом, вот и езжу, то в Новороссийск, то в Таганрог, то в Ейск, а сам в Керчи живу.

– Наверное, вам нравится такая работа?

– Нравится, не нравится, а платят хорошо и во время, вот и работаю.

– Интересная у вас работа, всё время новые впечатления, – продолжила разговор Ирина, ей почему-то хотелось слушать этого молодого мужчину.

Алексей стал охотно отвечать на её вопросы и посвящать в хитросплетённые тайные нити интригующей сущности своей профессии. Он был хороший собеседник и рассказчик, а Ира умела слушать и продолжала этого хотеть. Алексею нравилось, что его так внимательно слушают. Ему вообще нравилось разговаривать с женщинами, а с теми, что умели слушать и поддерживать разговор, в особенности. Ему казалось, что он умеет разговаривать с женщинами очень остроумно и убедительно. Когда его слушали, он невольно испытывал, какое-то утеш-

тельное чувство превосходства над своим собеседником. В это время его ничего не смущало. Он знал, что мог нравиться женщинам и часто это испытывал во время своих командировок, поэтому был уверен в себе и вёл себя соответствующим образом.

После проверки на российском погранично-таможенном контрольном пункте, автобус набрал скорость и уверенно помчался вперёд по ровной и гладкой шоссе-ной дороге. Некоторое время попутчики молчали. Каждый думал о чём-то своём. Алексей думал в первую очередь о предстоящей работе, а Ирина о чём-то личном и сокровенном. Хотелось спать, но сон не наступал. Алексей хотел снова начать разговор, но ему показалось, будто Ирина уснула, и он решил не беспокоить её. Вообще жизнь научила его осторожно подходить к женщине. Каждый раз, знакомясь с миловидной женщиной, ему хотелось забыть обо всём прошлом, а начать жить по новой, с чистого листа и с новой своей пассией. Чтобы быть таким, каким он был несколько лет назад, свободным и отчаянным. Чтобы влюбить её в себя и быть любимым без всяких семейных передраг. «Ведь можно же встретить простую сердечную женщину и всю жизнь прожить вместе в маленьком крымском городке на берегу Керченского пролива» – думал искренне Алексей и, думая об этом, как-то двусмысленно спросил:

– А вы работаете, Ира?

– Да, я раньше преподавала в начальных классах, потом закончила заочно Одесский университет и сейчас преподаю историю в общеобразовательной школе.

– Простите меня за бестактность, но я знаю, что многие жёны, имея мужа моряка, зачастую, позволяют себе не работать.

– Многие могут позволить, а я не могу. Мы живём в Одессе, а Одесса любит денежки. Одесса, Алексей, дорогой город, – Ира первый раз назвала Алексея по имени и, смутившись, продолжила. – А мой Дракоша не может полностью обеспечить свою

семью, так что и мне приходится, кое-какую лепту, вносить в семейный бюджет. Я училась заочно, а это большие растраты, теперь сын учится – это тоже не малых денег стоит.

– Простите, это вы мужа Дракошей величаете?

– Его, конечно. Это же моряки так боцманов прозывают.

– Да, точно. Кажется, я какую-то ерунду сморозил. Ведь и вправду на морском жаргоне «боцман – дракон». Конечно же, мне придётся его видеть на судне. Он у Вас как, не ревнивый случайно?

– Не сказала бы, что «да», – ответила Ира в задумчивости. – Если бы он был ревнивый, то не работал бы, уже, более десяти лет на флоте.

– Вы так с горечью говорите, словно жалеете, что он не ревнивый. Честно сказать, я впервые встречаю такую женщину.

– Возможно, вы не совсем хорошо знаете женщин? – попыталась исправить положение Ира и больше для себя, чем для Алексея добавила. – И совсем не знаете моего мужа, – сказав это, она впервые улыбнулась, и Алексей успел разглядеть её замечательные ямочки на разрумянившихся щеках.

– Допустим, что женщин я немножко знаю, а вот, что касается вашего мужа, так он что, какой-то особенный?

– Вот-вот. В том-то и дело, что он особенный.

– Жена, влюблённая в собственного мужа, – с лёгкой иронией произнёс Алексей.

– Не совсем так, вы меня как-то неправильно поняли. Разве я могу так откровенничать с малознакомым мужчиной, тем более что вы хоть и косвенно, но можете иметь какие-то отношения с моим мужем по работе, – серьёзно заметила Ирина.

После этих слов их диалог прекратился как-то сам по себе. Из деликатности Алексей не стал допытываться, что кроется в отношениях Ирины и её супруга. В это время автобус вильнул и резко притормозил. Транспорт остановили работники ДПС. После недолгих формально-

стей автобус снова набирал скорость, а пассажиры мостились удобней, продолжая свой беспокойный сон-дренаж. Автобус продолжал свой путь, но Алексею не спалось, и он спросил Иру:

– Муж вас будет встречать?

– Нет, я ему не сообщала, – коротко ответила Ирина.

– Значит сюрприз?

– Значит сюрприз.

– А знаете, всё же вам повезло с попутчиком. Я вас провожу в порт.

– Спасибо. Это здорово, я ведь город совсем не знаю.

Автобус набрал скорость, и монотонно урча мотором, продолжал двигаться вперёд. Многие пассажиры давно уснули и посапывали в неудобных позах, то и дело, переворачиваясь из стороны в сторону. Алексей с Ириной снова мирно беседовали, находя общие для обсуждения темы. Сначала беседовали о пустяках, потом резко перешли на политику, постепенно коснулись отношений Украины и России. Говорили долго, пока сон не подкрался к ним, как невидимый провокатор, сморив и усыпив.

Проснулись они уже в Новороссийске на автовокзале. Алексей вышел из автобуса первым и по-джентльменски подал руку Ирине, принял её сумку, подождал, пока она спустилась, и отвёл её в сторонку, а сам взялся звонить из мобилки. Связи не было. Погода стояла в городе мерзопакостнейшая. Дул очень сильный ветер. Воздух был вперемешку с пылью, прямо какой-то пыльно-воздушный коктейль. Чтобы оградить себя от всяких неудобств, Алексей взял такси, и они поехали в направлении центральной проходной торгового порта. От вокзала дорога вела куда-то вниз. Машина легко шуршала шинами по обновлённому асфальту. Быстро спустились к какой-то развилке, и водитель свернул направо. Это был проспект. Позже Ира прочитала табличку. Да, это был проспект Мира. На улице уже совсем рассвело и на остановках ютилось много народа. Люди спешили на работу. Было обыкновенное утро, как в любом другом городе. Ире было приятно сидеть и ехать в мягком салоне новой «Волги». Ехали мимо какого-то памятника, потом свернули налево. Алексей легонько протянул на спинку сидения руку и, слегка коснувшись, Ирины сказал:

– Всё в порядке, вот, уже подъезжаем.

Ира промолчала в ответ, но и не отстранилась от него. В этот момент машина резко свернула влево, и они выехали прямо на набережную. В салоне сразу запахло морской свежестью, а Ира услышала специфический шум морских волн, разбивающихся о бетонные плиты причала. Они выпрыгивали прямо на набережную, роняя свои брызги на гранитную мостовую. Море пенилось и бурлило, а в порту стояла очень странная, для начала рабочего дня, тишина. Алексей быстро рассчитался с шофёром, и они вместе с Ирой направились к проходной порта. По пути, Ира попыталась вернуть Алексею часть денег за проезд в такси, но он наотрез отказался их брать и, как истинный джентльмен заметил:

– Я же, мужчина, Ира. Неужели я не могу сделать маленькую приятную вещь красивой женщине. – Сделав такой жест доброй воли, он попросил Иру: – Вы, пока, по стойте тут, а я попробую позвонить с проходной в диспетчерскую и узнаю, где находится судно?

Алексей быстро ушёл, у него с собой было совсем мало вещей, всего одна спортивная сумка через плечо. Ира осталась одна. Она стояла продуваемая ветром, прижавшись, к какому-то высокому забору из бетонных плит и чуть не плакала. Она была измученная дорогой и очень уставшей. Радости от этой поездки, пока не было, оставалась только надежда на скорую встречу с мужем. Одна она оставалась недолго, так как возвращался Алексей. Однако новость, которую он принёс, её совсем не обрадовала.

– Неважные новости, Ирина Васильевна, – Алексей умышленно назвал её по имени и отчеству, чтобы как-то дисциплинировать её, для начала, а затем уже продолжил досказывать свою новость. – Оказывается, на море разыгрался сильный шторм, а в Новороссийске в такой шторм к причалу не ставят, а наоборот отправляют в море даже тех, что стоят в порту. Там

они ложатся в дрейф и дрейфуют против волны, так здесь безопаснее. А что хуже всего, так шторма здесь дуют по три дня, а, если не улучшится погода через три дня, значит, будет дуть ещё три дня. Вот такой сюрприз для вас Ирина Васильевна, – сказал в заключение Алексей и предложил, – ничего не остаётся, как только ехать в гостиницу или у вас есть другие планы?

– У меня нет никаких планов, я очень устала, мне холодно и я хочу спать, – как-то по-детски протянула Ирина и заплакала, словно обиженный ребёнок.

На какое-то время Алексей был в замешательстве. Он ещё никогда не попадал в такую ситуацию и не знал, как действовать дальше. Но выход нашёлся, сам по себе. Словно шестым чувством он понял ситуацию и быстро её разрулил. Надо было как-то успокоить свою попутчицу и ничего больше не оставалось, как ловить такси и ехать в гостиницу.

Такси нашлось сразу и, уже, через десять минут, они выходили возле красивого многоэтажного здания с яркой рекламной вывеской: отель «Бригантина».

– «Бригантина» поднимает паруса, – услышала Ирина из-за спины голос Алексея, пытавшегося, хоть как-то, её развеселить.

Он проводил её до центрального входа в гостиницу, а она шла за ним покорная и спокойная, словно так и должно быть. В фойе гостиницы царил мёртвая тишина. Ранние «птички» уже успели упорхнуть, а поздние ещё продолжали спать и, они были те единственные, которые ещё не определились со своим статусом. Обратившись к администратору, они узнали, что места есть и, вскоре, быстро поселились. Номера находились на шестом этаже. Ирина поселилась в двухместном номере с отдельным санузлом и душем, а Алексей взял себе одноместный «люкс» – ему, видному холостяку, не были чужды барские привычки. На шестой этаж поднимались в лифте, а выйдя, заметушились в коридоре возле номера Иры. Ира первой нашла выход из ситуации и сказала Алексею, искренне пожимая его руку:

– Спасибо, Алексей, вы мне здорово помогли и извините меня за минутную слабость, иногда с женщинами такое случается. Ну, я пойду, до свидания.

– Ничего, Ирина Васильевна, бывает и хуже, но реже, – подмигнул ей Алексей и, уже перейдя на другую ноту, добавил. – Отсыпайтесь до вечера, а вечером можно подобрать программку по интересней, так что спокойного сна и до свидания.

Ира ничего не сказала в ответ, а быстро открыла свой номер и нырнула в открытую дверь, как в спасительную монастырскую келью. Алексей тоже не стал больше ничего предпринимать и направился к своему номеру в конец коридора.

До чего же недружелюбно встретил Новороссийск жену украинского моряка. Столько было надежд и желаний, а всё рухнуло в одночасье. Ира уже представляла себе эту долгожданную встречу с мужем. Она уже чувствовала приближение какой-то развязки, этого затянувшегося Гордиевого узла. Но, увы! Не всегда наши сюрпризы приходятся нам в радость. «Осталось уповать на Господа нашего Всевышнего и ждать улучшения погоды или отоспаться и уехать домой, словно и не приезжала совсем» - так думала Ирина Залесская, оставшись в своём номере одна. Ей даже перекусить не хотелось, она только быстро приняла тёплый душ и залезла под чистую простыню, укрывшись с головой верблюжьим одеялом, спрятавшись на время от всего мира. Согревшись, она быстро уснула. Сны её в это время не тревожили, и она уснула, как говорят «мертвым сном».

Дорога и бессонная ночь взяли своё с лихвой. Спала она долго, благо соседки по номеру, пока, не было, и её никто не побеспокоил. А выспавшись, она открыла глаза и долго приходила в себя, пытаясь понять: где она есть и что это за время такое? Так как время было вечернее и его легко можно было перепутать с утренним. Часы показывали семнадцать тридцать вечера. Потягиваясь и лениво просыпаясь, Ира всё вспомнила и ещё раз подумала: «Что же делать?» – Благо вопрос разрешился произвольно и сам по себе. Пока она умывалась и чистила зубы, в дверь постучали. Накинув на себя мягкий атласный халат красного цвета, Ира открыла дверь. В проёме двери стоял Алексей. Он был свеж и бодр. Видно было, что он только побрился, запах приятной туалетной воды расстилался от него на несколько метров вокруг. Алексей был в легком спортивном костюме «Puma» тёмно-серого цвета и выглядел привлекательно. Расклинив руками коробку входной двери и немножко наклоняясь в сторону Иры, он спросил у неё дружеским тоном:

– Как устроились?

– Вот спала до сих пор, лентяйка такая. Отсыпалась, – с иронией ответила Ирина, подчеркнув своё отношение к настоящему времени.

– Так, так, ну всё ясно с вами, – не находя никаких подходящих слов сказал Алексей, чтобы поддержать разговор.

– Проходите, – приветливо промолвила Ирина, приглашая незваного гостя.

– Извините за беспокойство, но я так, экспромтом заглянул. Думаю, женщина одна в незнакомом городе... – пытался оправдать свой внезапный визит Алексей, подбирая нужные слова. – Дай вот, думаю, загляну, может советом, каким помогу.

– Вы уже ужинали? – не дослушав его оправданий, перебила Залесская.

– Нет, – коротко ответил Алексей, продолжая стоять в дверном проёме.

– И я вас ничем не могу угостить, по той простой причине, что не рассчитывала на проживание в гостинице.

– А это можно мигом поправить, – быстро нашёлся Алексей, делая встречное предложение. – Я приглашаю Вас отужинать вместе в ресторане гостиницы, это на первом этаже, спустились и всё, ни ехать, ни идти куда не надо.

– Извините, Алёша, но я не готова идти в ресторан, – вежливо отказалась Залесская, пытаясь убедить в этом гостя. – Я, если можно так сказать, категорически не готова. Вы посмотрите на меня: ни причёски, помятая вся и одежда не готова.

– Ну, не прибедняйтесь, Ира. Вы прекрасно знаете, что чудесно выглядите, – щедро дарил комплименты Алексей. – Да и ресторанчик здесь самый заурядный и не требующий особых вечерних туалетов.

– Что, вы, Алёша, женщина всегда должна выглядеть достойно. Поймите меня правильно. Я, ведь, и в самом деле не готова к посещению подобных заведений.

– Тогда другое предложение. Мы сможет поужинать прямо в номере. Я делаю заказ, и его доставят в номер.

– Как в американском кино? – попыталась пошутить Ира.

– Как в американском кино, – был короткий ответ Алексея.

– Хорошо, я согласна с вашим предложением, но мне однозначно надо привести себя в порядок, – утвердительно ответила Залесская.

– Всё ясно и понятно. Тогда я вас покидаю на пол часика, надеюсь, вам этого времени будет достаточно? – воспрянув духом, произнёс Алексей и полный оптимизма, с нахлынувшим охотничьим азартом направился прямо в сторону ресторана.

Пока Ирина вертелась у зеркала, занимаясь своей собственной персоной, наводя макияж и приводя в надлежащий вид женские прелести, Алексей успел побывать в ресторане и сделать заказ. Заказ приняла молоденькая официантка. Чаевые, подкиннутые им, ускорили процесс подготовки надлежащего ассортимента. После ресторана, Алексей быстро спустился по ступенькам на пешеходный тротуар, свернул налево и ускоренным шагом пошёл в сторону небольшого, стихийного базарчика, где, помимо всякой мишуры, продавались цветы. Там оказался незначительный ассортимент хризантем, несколько сортов голландских роз и гвоздик. Доверяясь собственной интуиции, он выбрал бархатистую розу ярко-оранжевого цвета с красивым названием «Эсмеральда», оставил продавщице сторублёвку и, не дожидаясь сдачи, пошёл обратно в гостиницу. В номере он взял кувшин из-под воды, набрал полкувшина воды и, предварительно отрезав кончик черенка перочинным карманным ножиком, вставил туда «Эсмеральду». Сам же кувшин разместил по центру стола с тёмной, под чёрное дерево, полировкой, что остался в гостинице ещё с «советских» времён, когда здесь была гостиница моряков. Кое-как прибравшись в номере, Алексей заправил свою постель «по белому» для встречи гостя и стал ждать заказанный ужин.

Первой пришла официантка и привезла никелированную тележку, накрытую большой белой салфеткой. Постучав в дверь, она сама её открыла и вкатила тележку в номер. Сняв салфетку, официантка профессионально стала перемещать оказавшиеся там тарелочки на стол. Стол сразу преобразился, словно «скатерть самобранка». Свободную поверхность стола мигом заняли пикантные ресторанные блюда: два салата из крабовых палочек, мясное ассорти с овощами, два лангета с отварной картошкой, политой сливочным топлёным маслом и покрытой свежей зеленью. Ещё она выставила вазочку с чёрным и белым хлебом, «Советское шампанское» в старой фирменной бутылке, полулитровую бутылочку трёхзвёздочного коньяка «Кубань» и плитку чёрного шоколада «Чайка». Со стороны выглядело очень впечатляюще, и Алексей остался доволен. Когда официантка хотела откупорить коньяк, он, молча, сделал отрицательный жест рукой, и она оставила свою затею, принявшись накрывать горячие блюда чистыми тарелочками и раскладывать приборы. Разложив фужеры под шампанское и коньячные бокалы, она достала маленький калькулятор, сделала подсчёт и гордо объявила «приговор»:

– С вас девятьсот двенадцать рублей.

– И ни одной копейки? – успел съязвить Алексей и, улыбнувшись, спросил: – Долларами можно?

– Хоть украинскими гривнами, но по нашему курсу, – на полном серьёзе ответила официантка и, быстро пересчитав сумму на калькуляторе, молча, повернула дисплей в сторону Алексея.

Алексей сразу вручил ей две хрустящие двадцатидолларовые купюры и сказал:

– Сдачи не надо. Я вам искренне благодарен, но есть ещё одна просьба, оставьте, пожалуйста, посуду до завтра и заберёте в течение дня, хорошо?

– Как скажете: завтра, так завтра, – она развернула тележку к двери, попрощалась и, пожелав приятно провести вечер, покинула номер.

Какое-то время Алексей оставался в номере один. Он давал Ирине шанс подготовиться, а сам думал о своём, чтобы хоть как-то скоротать время. Он думал и размышлял о наболевшем, а за окнами шумел ветер, и было слышно, как его порывы прорывались мелкими струйками сквозь щёлочки в больших оконных рамах прямо в номер Алексея. Шторм не унимался. В Новороссийске такой шторм называли «Борой». «Бора» длилась обычно три дня, но если за три дня она не стихала, то надо ждать ещё три дня и так далее, в таком же очередном порядке. Уже год Алексей был холостяком, поэтому спешить ему было некуда и «Бора» его совсем не пугала. Ни о чем, не волнуясь, он думал о своём прошлом. Ведь, для друзей и знакомых его развод был полной неожиданностью. «Такая хорошая пара. Так дружно жили. И на тебе...» – так сплетничали о них соседи. Да, со стороны казалось, что они идеальная пара. Жена долго терпела его гастроли, но виду не показывала и «мусор» из дому не выносила. Алексей знал свою вину перед ней. Он понимал, что стал для неё плохим мужем. Женившись ещё мальчишкой, до службы в армии, совсем не знал жизни. Потом понял, что на протяжении всей жизни не может любить только одну женщину и начал вести двойную жизнь. С каждым разом дальше и дальше отдаляясь от жены. Часто случалось так, что он не ночевал дома. Это начало раздражать жену и терпению её пришёл конец. Начались семейные ссоры. Благо, детей они не имели и это всё упрощало. Жена не стала больше терпеть его обид и измен. Однажды, собравшись с духом, она взяла и просто уехала, оставив на пустом столе вместо обеда короткую записку: «Прощай, видно не судьба!» Позже, одумавшись, он писал ей письма на адрес родителей и просил прощения. Все труды были напрасные. Она не простила его. Всё закончилось. Пришлось разойтись окончательно и официально оформить бракоразводный процесс. Жена осталась со своими родителями в Харькове, а он, оплатив ей долю за совместную квартиру, остался жить в Керчи.

Теперь его всё время мучила совесть за свои поступки, хотелось начать жизнь с чистого листа, однако, ничего не получалось и это было ещё печальней, хотя жить холостяком ему тоже нравилось. Он часто наблюдал за многими людьми и понимал, что многие живут не правильно, не по-христиански, против всякой морали, и он всё чаще задавал себе один и тот же вопрос: «Как же, надо жить правильно?» А ответа не было и не было. Может его просто не существует, так как у каждого своя страсть и одна индивидуальная жизнь, как и одна, жизнью предоставленная судьба.

Время шло, а в ответ – тишина. Он решил, что надо пойти за Ириной самому. Осмотрелся ещё раз в номере: вроде бы, всё было в порядке. Надел плотную рубашку, из мелкого бордового велюра, свои походные чёрные брюки, брызнул на лицо немного одеколона «Деним» и, закрыв двери на ключ, пошёл в направлении номера Ирины.

Ира уже давно была готова, но не решалась выйти из номера, словно, какая-то потусторонняя сила не выпускала её. Она стояла у окна и смотрела на проезжую часть улицы, где мчались по своим направлениям различные автомобили, освещая путь яркими бликами фар, виляли своими стволами деревья, уставшие от ветра, и сновали в разные стороны люди, ищущие в жизни ответы на волнующие их вопросы. Форточка была приоткрыта, и ветер сквозь неё заносил в номер запах и шум моря. С окна ещё были частично видны половинчатые силуэты порталных кранов, стоящих без работы в гордом молчании. Порт был совершенно пустой. Там не было ни единого судна. На сердце тяжёлым бременем легла несоизмеримая обида на всё окружающее. Постучали в дверь. Ира поправила полы элегантного французского платья пошитого из тонкого вельвета бордового цвета в джинсовом стиле, платье было удобным на все случаи жизни, которые иногда случаются, и направилась к двери. Слегка поправляя левой рукой чёлочку, правой она открыла двери. Это был Алексей. Увидев Ирину, он сострил:

– Мы с вами прямо, как брат и сестра из одного интерната, если судить по цвету нашей одежды.

– Да, действительно, очень однотипный колорит, – улыбнулась Ирина на его остроту и сказала, глядя прямо Алексею в глаза: – Я готова.

– Тогда попрошу следовать за мной, – он сделал жест рукой и вышел за дверь, дожидаясь Ирину.

Ира закрыла дверь на ключ и, положив его в маленькую дамскую сумочку чёрного цвета, взяла Алексея под руку и величаво пошла с ним по коридору в сторону его апартаментов.

Когда зашли в номер и Алексей включил свет, Ира воскликнула от восторга:

– У вас прямо пир какой-то, очевидное-невероятное! Может у вас какой-то праздник сегодня? – не на шутку удивилась она.

– Когда у меня в гостях красивая женщина – для меня всегда праздник, – ответил Алексей и, отодвинув мягкий стул с коричневой обивкой, жестом руки пригласил свою гостью присаживаться за стол. – Шампанское? Коньяк? – предложил на правах хозяина Алексей.

– Можно немножечко шампанского, – неуверенно попросила Ира.

Алексей заправски взял со стола бутылку и стал её аккуратно раскупоривать.

– Сделаем залп? – спросил он, продолжая стоять рядом с сидящей Ириной.

– Нет, я думаю это лишнее, давайте Алёша обойдёмся без залпов.

Он продолжил аккуратно раскупоривать шампанское, и, когда вытаскивал пробку, даже хлопка не было слышно, словно по заказу – раз и бутылка готова к первому действию. Наливая два полные до краёв бокала, Алексей сказал тост:

– Давайте, Ира, выпьем за вас!

– Почему за меня? – возразила Ирина и предложила обратное. – Давайте выпьем за вас!

– Нет, давайте всё-таки выпьем за вас, – не отступал от своего хозяин номера, – по той простой причине, что вы женщина и, при всём этом, ещё и моя гостья. – Он встал перед гостьей, поднёс к губам бокал и на полном серьёзе сказал: – За женщин гусары пьют стоя, – и мелкими глотками выпил до дна содержимое бокала, только после этого занял свой пустующий стул.

Ира свой бокал до дна не выпила, она сделала несколько глотков и поставила бокал на стол рядом с ножиком.

– Угощайтесь, что Бог послал, – сказал Алексей и придвинул своей гостье салат из крабовых палочек, указывая на блюда, накрытые тарелочками, добавил: – Здесь горячее: лангет и картошечка отварная, надо кушать пока тёпленькое.

Он придвинул горячее ближе к Ире, так, чтобы ей было удобно, и предложил:

– Под лангет рекомендую по коньячку для лучшего усвоения пищи.

– Только если «по чуть-чуть», а не так, как шампанское, – согласилась Ирина.

Алексей наполнил коньячные бокалы ровно на половину и красивая жидкость янтарного цвета, аппетитно-зовуще манила принять её, чтобы ощутить всю прелесть вкусовых качеств напитка. Принимая на себя полномочия тамады, Алексей снова сказал тост:

– Выпьем, за прекрасных дам!

Ирина не стала возражать и они, слегка коснувшись бокалами, пригубили коньяк.

– Первый пьём до дна, – сказал Алексей и первым показал пример.

Ира тоже выпила до дна и стала закусывать. Ели молча, каждый думал о чём-то своём. Наконец Залесская обратила внимание на одиноко стоявшую в кувшине розочку и подумала: «Надо же, даже розочку купил. К чему бы это?» На ум пришла прочитанная когда-то в какой-то книге цитата «На каждом этапе жизненной судьбы перед человеком открывается выбор из двух вариантов, выбор неотвратимый, когда третьего не дано, когда решение надо принимать неотлагательно». Ира понимала, что она попала, своего рода, в западню. Сначала оплата за такси? Теперь этот шикарный ужин? Зачем она решила на это? Что её заставило сделать шаг навстречу этому, совсем малознакомому мужчине? Она молниеносно задавала себе массу вопросов и ни на один не находила ответ. Да, она знала, что в каждой ситуации есть свой выбор, но не знала, как отличить этот правильный выбор от не правильного выбора. Ведь, всегда правильным, истинным, достойным – может быть только один вариант, даже, если его

истинность и правильность понятны только одному человеку. Ей, пока, ничего не предлагали, но она, уже, давно не девочка и понимала, что это только прелюдия, а основная симфония её ждёт впереди. Она прочувствовала, как стало ей хорошо от выпитого янтарного напитка. Щёки горели и источали необъятную энергию жизни, руки тоже были тёплые, тепло подкрадывалось куда-то внутрь, но голова оставалась светлой, а мысли и помыслы оставались чисты. «Да, – думала она, – у каждой судьбы своя дорога. Не раз, и не два, на всём протяжении жизни она может раздваиваться. Как сделать правильный выбор? По какой дороге идти? Ведь, каждый раз для выбора требуется, какое-то мужество или не опрометчивое решение. Для чего я живу? У меня взрослый сын. Что я видела в жизни? У меня красивый, сильный и покладистый муж. У меня есть всё необходимое для жизни. Что мне надо ещё? Нужна ли мне эта нелепая встреча, которая может перерасти в маленькую интрижку?» Ещё не было видно ни какой ясности, а в её сознании азбукой Морзе стучали какие-то не её слова. Сам Ангел-хранитель, возможно, достучался до её сознания с праведными словами: «Стоит только однажды поступиться совестью, пойти на компромисс с обстоятельствами – и весь смысл жизни твоей будет утрачен – на истинный путь больше не вернуться». Она не знала, откуда взялись эти слова? Где она их вычитала? Но они глубоко залегли в её сознание и мучили весь вечер. Почему-то она почувствовала себя какой-то закомплексованной и неполноценной. Ею стал овладевать невероятный страх перед своей совестью.

– Что-то вы совсем плохо кушаете, Ирина, – ласково сказал Алексей, нарушив установившееся молчание.

– Ничего, не обращайтесь внимания. Я кушаю. Спасибо.

– А давайте выпьем за нашу с вами встречу, за судьбу, которая подарила нам её? Алексей кокетливо взглянул Ире в глаза и стал наполнять бокалы коньяком.

– Нет, Алёша, раз уж пить, так давайте выпьем «за тех, кто в море», – резко возразила Ирина, входя в необычный ракурс своего скромного поведения. – Это третий тост, а в семьях моряков, в этом случае, всегда пьют «за тех, кто в море». Вот мы сидим с вами, гуляем, а слышите, что за окнами творится? Я, даже, представить себе не могу, что творится там, в море? – закончила Ира свою длинную речь, больше сказанную для успокоения её собственной совести, чем для Алексея.

Они выпили. Выпили «за тех, кто в море». О чём-то говорили. Закусывали. Потом пили снова. В конце концов, выпили шампанского «на брудершафт». Алексей попытался поцеловать её в губы, но она только коснулась своими губами его губ и ловко ускользнула от этой провокационной затеи. В блеске её глаз, в том, как она приподнялась и потянулась к Алексею, когда они сплелись руками и пили «на брудершафт», он успел угадать её настроение, даже, полностью прочувствовал ту внутреннюю борьбу, что происходит с каждой женщиной, перед которой стоит вековая дилемма «Быть или не быть?» Это ещё больше взволновало Алексея. В её величественном, сияющем голубизной горного озера, взгляде, он отчаянно пытался уловить то настроение, которое смогло бы подтолкнуть его к более решительным действиям. Однако взгляд её оставался холодным, как и горное озеро часто остаётся холодным, даже, в дни летнего зноя. В этом взгляде не было ни кокетливых искринок, ни ожидаемой томности. В оригинальном бордовом платье, так подчёркивающим её великолепную женственную фигуру, Ира была неотразимой. Её бронзовый загар, соблазняющий из элегантного выреза, манил к себе чистой шелковистостью и нежностью, привлекая таинством её физиологических качеств, спрятанных за кромкой этого изумительного чуда женского искусства: уметь правильно подобрать одежду. Это таинство упруго вздымалось в образе её великолепных грудей, придавая им подчёркнутую значимость и важность женщины. Слегка укороченные рукавчики её платья оголяли чистые смуглые локотки, и Алексей смотрел в её сторону лукавым неординарным взглядом, пытаясь изучить её всю, на столько, насколько это ему удавалось. Глубоко дыша, она, сама не замечая, невольно тревожила своё таинство, и оно, наполненное упругостью, будоражило кровь, наблю-

дающему за ней Алексею. Сейчас ему она казалась ещё привлекательней. Алексей ласково взял Ирину за кисть руки и легонышко, чуть касаясь губами, поцеловал её в изгиб локтя. Ира осталась спокойной, без излишних эмоций, только в мгновенном блеске её глаз, он успел уловить незначительное возбуждение. Тогда он поцеловал руку выше, у самого основания плеча и, слегка, притянул её к себе. Ира без сопротивления дала себя обнять. Алексей резким движением привлёк её к себе и попытался поцеловать в сочные губы. Делал он всё помимо воли, словно, под воздействием гипноза и только, где-то, в самом далёком уголке его сознания, все-таки, протестовал, проснувшийся под воздействием здравого рассудка, зародившийся маленький и жалкий, ну совсем ещё крошечный, запрет. Но поцелуй не состоялся. Залесская встрепенулась, словно, очнувшись от, внезапно, набежавшей во время урока, дрёмы и с силой, но напополам с неистойвой жалостью, смогла оттолкнуть Алексея, садясь на своё место за столом. Это был жестокий удар по его самолюбию, но он сделал вид, будто ничего не произошло, и занял своё место, придвинувшись чуть ближе к Ирине. К тому времени его страсть немножко развеялась и стала утихать. Хотя, в глубине своего сознания Алексей и пытался стереть этот неудачный эпизод рокового фиаско. Однако, внутренняя борьба с самим собой, постепенно, отвлекла его от взрослой игры флирта между женщиной и женщиной. Были мгновения, в которых он глубоко сожалел, что начал эту игру, ведь, никаких опрометчивых решений он не предпринимал и не имел никаких конкретных планов относительно Ирины. Это была просто игра с неизвестным финалом. Он пытался ещё раз проверить, как сработает его обаяние. Алексей привык, что перед ним легко раскрывались все двери, засовы и замки, охраняющие женские сердца. Его безотказная симпатия, успешно срабатывала среди женщин разных служебных рангов, разных общественных статусов и разных возрастных категорий, ещё не потерявших интерес к противоположному полу. Он знал об этом и легко этим пользовался. Это оружие работало безотказно. Редкая представительница женского пола, даже устоявшиеся феминистки (были у него и такие) – оставались безразличными к его змеиному гипнотическому взгляду, к этим зелёным, пылающим неистойвой похотью глазам, к этой изумительной артистической улыбке с ровным ожерельем открытых, белых и крепких зубов. «Почему же с Ириной это не сработало?» – Подумал он, невзначай, над последним неудавшимся эпизодом. Откровенно взглянул на Иру, которая отломала от шоколадной плитки аккуратный квадратик и с, не решительным, кокетством положила его в ротик. Смакуя шоколад, она вытянула над головой руки и, изгибаясь всем телом, сладко потянулась, словно, молодая пантера после удачной охоты. Не желая думать о том, что произошло, Алексей приподнялся и снова шагнул в сторону гостьи. Он чуть нагнулся и обнял её сзади. Как-то произвольно её руки очутились на его лице. Алексей, молча начал целовать их, прижимая Ирину своими крепкими руками к спинке стула, а вместе с ним и к себе.

– Перестань, Алёша, – ласково попросила Ирина, обращаясь к нему на «ты». – Для тебя это очередной флирт, а я замужняя жена, у меня взрослый сын, а через день, два или даже завтра я встречу с мужем. Представляешь, какими глазами я буду смотреть ему в глаза? Ведь, мой пропавший азарт и законспирированная страсть сразу меня выдадут. Даже не в этом дело. Я просто не могу так. Ты пойми – это сделка с моей совестью, в конце концов, с моей честью.

Она как-то внезапно стала словоохотливой и продолжала говорить, говорила много и всё не то, чтобы ей хотелось сказать этому красивому молодому человеку. Алексей ей нравился. Такие мужчины не могут не нравиться. Но он показался ей уж больно шустрым пареньком. Как-то всё у него легко и просто, а она знала себе цену. Она серьёзная женщина, которая на протяжении многих лет сумела сохранить верность мужу и семье. Может быть ещё немножко находчивости, немножко нежных и ласковых слов, на которые Алексей был способен, чуточку наглости, которой ему так не доставало, и она бы осталась в этом номере на всю ночь, а может быть и дольше? Но этого не произошло и больше уже не произойдёт. Алексей отпустил её и, молча, подошёл к окну. На улице начался дождь, и мелкие капельки под воздействием ветра

с силой забарабанили в стекло окна. Дождь бил каплями об стекло и барабанил стихийной дробью, а где-то внизу, вдоль бордюров с шумом текла вода. Текла, словно, от кого-то убегая. Словно, нашкодивший ребёнок. Шквальный ветер гнул деревья, унося последние, ещё кое-где, оставшиеся, листья. Ирина поняла, что Алексей выдохся и на большее его, уже, не хватит. Его запал полностью иссяк. Он просто потерял надежду, как уставший рыболов, которому надоело попусту сидеть с удочками. Он потерял всякую надежду и уже сматывает удочки, бросая это гиблое дело. В одночасье глаза Иры потускнели, и её лицо стало усталым и скучным. Она чуть опустила голову и стала водить пальцем по дешёвенькой казённой скатерти непонятного цвета, расправляя, случающиеся складки и вспоминала своего мужа. Тогда Николай был настойчивее, чем сейчас Алексей. Она тогда, вообще, была глупенькой девчонкой, знающей о близости только из кинофильмов и прочитанных книг известных классиков. Тогда она согласилась поехать с ним в село Озёрное на базу отдыха портовиков. Николай, через, какого-то, своего товарища по работе, у которого родители трудились в порту, достал путёвку на три дня и они поехали. Было лето. Они веселились, купались, загорали, а вечером занимались петтингом. Обнимаясь и целуясь, они дарили друг другу незабываемые минуты человеческого наслаждения. Это наслаждение имело чистое и непорочное начало. Николай прочувствовал каждый её нерв, каждый вздох, боясь обидеть самым незначительным касанием. Только на третью ночь с ними случилось то, что обычно случается между влюблёнными молодыми людьми. Ирой овладело такое нестерпимое желание, что она, уже, ничего не могла с собой поделать. Изнемогая от жгущей жажды неугасимой страсти, плывущая в бесконечном потоке жизненной влаги возбуждённых флюидов, она с неистовым желанием, гордо и ласково, отрешённо и томно, отдалась во власть своего властелина. В ту, незабываемую, ночь она отдала Николаю всю себя, всё самое дорогое – свою девичью честь. И он взял её легко и ласково, поднимая и превознося на вершину небывалого счастья. Она совсем не ощущала неприятной боли или, чего-то, подобного, а только блаженство и ту, истинную, приятную сладость жизни, которую многие не могут получать годами. Она всё это ощутила сразу и на полную силу. Тогда она воистину поняла суть женского счастья – любить и быть любимой, всегда оставаясь благодарной Николаю, за его первое участие в её втором рождении, рождении в ней женщины. Усталые и изнеможённые они уснули. А на утро, когда радостное и золотистое солнце подарило землянам свои первые лучи, они проснулись, и Ник, увидев, в какой цвет были окрашены простыни, просто-напросто, как порядочный мужчина, правильно оценивший ситуацию, находясь в трезвом уме и здравом рассудке, сделал ей предложение руки и сердца. И вот, они с того времени, уже, почти, двадцать лет вместе и всегда им вместе было хорошо, приятно и интересно.

Вспомнив о госте, Алексей отошёл от окна и занял своё место за столом. Ему было, по своему, жаль Ирину. Себя он, почему-то, не хотел жалеть, да и не было ему себя жаль. Даже, безрезультатно потерянной ночи не было жаль. Он жалел её. Ему казалось, что он, как-то, обидел её, не нашёл к ней нужный подход и нужные слова. Он даже не догадывался, что он обижает её и сейчас, когда держится так спокойно, будучи остывшим, от той пылкой прыти, которая пылала в нём ещё десять или пятнадцать минут назад. Кушать уже никому не хотелось, пить тоже. Ира, наконец, поняла, что всё то, что должно было случиться, уже случилось. Чтобы, хоть, как-то сгладить обстановку и снять с себя вину перед хозяином номера за испорченный вечер, она достала из своей дамской сумочки две десятидолларовые купюры, подумав, что на большее она не съела и не выпила и, положив их на стол, сказала:

– Спасибо, Алёша, за вечер, за ужин, – посмотрела в его погрустневшие глаза и добавила, снова перейдя на «Вы», – не огорчайтесь, мы с вами останемся просто хорошими знакомыми. Ведь, ничего не произошло такого. Да и не могло ничего произойти. Вы мне помогли разобраться в себе. Ещё раз большое спасибо.

Она встала и, молча, покинула номер. Выйдя в коридор, направилась в сторону своей комнаты. В коридоре основной свет был выключен, горели только одинокие бра, редко висев-

шие на стенке, они освещали коридор, словно, бакены освещают своими сигналами фарватер судоходного канала. Так по этим сигналам она попала в свой замечательный номер и была счастлива, что именно так всё случилось.

Алексей остался один. Он встал со стула и немного помолчал, удивляясь своему состоянию. Взглянув на эти «двадцать баксов», лежащих на столе, он почувствовал обиду и унижение, но сделать уже ничего не смог. Все точки над «і» были расставлены.

«Что это за ледяное чувство? – Подумал он. – Может это, и в самом деле, было какое-то надменное высокомерие с её стороны? Ну, да ладно, проехали». Он успокоился. Ведь, никакого криминала не было. Встретились двое взрослых людей и разошлись, не найдя нужный (как говорил экс-президент СССР) консенсус. Умчалась куда-то обычная уверенность и на душе возникло ощущение досадной пустоты. Ничего больше не оставалось, как ложиться спать. Было далеко за полночь.

Ира в это время уже спала. Она не стала анализировать прошедших событий. Она просто уснула, не думая, ни о чём. Спала и видела сны, тяжёлые, для её восприятия. В своих снах она всё время, куда-то проваливалась, падала в пропасть, тонула, а её обаятельный и сильный муж, в форме морского пехотинца, всё время спасал свою половину, выносил на руках и улыбался, улыбался дорогой, значимой, доброй и желаемой улыбкой, которой мог улыбаться только он.

3

Шквальный норд-вест дул уже вторые сутки. Смешавшись с осенним ливнем и солёными брызгами штормового моря он, шквал за шквалом, пронёсся вдоль бортов судов, слегка тронутых рыжей ржавчиной. Свист и звериный вой ветра втягивался сквозь вентиляционные грибки в судовые помещения, создавая впечатляющую картину разволновавшейся морской пучины. Закручиваясь и виляя среди проходов и кранов, ветер свирепо ударялся в надстройку, раздваиваясь в разные потоки, он охватывал судно с разных бортов, проникая в фальштрубы и во, всевозможные лючки. Поднимая тяжёлые глыбы пенистых волн, ветер гнал их

пошадно вперёд, и они мчались, волна за волной, образуя на гребнях белые пенные гребешки, прозванные моряками «барашками» за их курчавость. Волны мощно ударялись об нос овощевода «Венедикт Андреев». Заливая бак и полубак, они продолжали раскатываться по бортовым проходам вдоль трюмов, слегка стихая и растекаясь по ватервейсам, уступая путь новому шквалу.

Уже вторые сутки, носом на волну, дрейфовало судно на входе в Чесменскую бухту. В порту назначения Новороссийске была объявлена штормовая готовность, и суда под разгрузку не принимались, даже те, которые успели зайти в порт до начала шторма, были вынуждены покинуть порт и стать в дрейф – такие действуют портовые законы. Вторые сутки безуданно трудились главные двигатели, работая форсированными оборотами в режиме «полного хода», чтобы, хоть, как-то удержаться против стихийно накатывающих волн. Винты регулируемого шага вращались с разворотом лопастей на сто процентов, обеспечивая равномерную устойчивость судна. Силовая установка работала, как говорится: на износ. Задача была одна единственная – выстоять. Во что бы то ни стало, надо было выстоять и удержаться на плаву. С каждым ударом волны судно содрогалось, словно, от мощного землетрясения. Нос судна, то окунался в воду, то снова выныривал из воды, изменяя ежеминутно дифферент судна. То же происходило и с кормой, ведь, поднимаясь над волной, частично оголялись винты, что влияло на постоянство оборотов главных дизелей, крутивших валогенераторы, частота которых дости-

гала критической уставки. Техника работала на износ в полном смысле этого слова. В каютах всё дрожало и прыгало. С книжных полок срывались стопорные планки и папки со схемами и чертежами, совершая хаотичный полёт, находили себе пристанище в разных концах каюты. Вырывались крепёжные винты, крепившие в каютах холодильники и вентиляторы, срывались с петель двери рундуков. Судно при режиме «самый полный вперёд» еле удерживалось на волне. Вахта бдилась в усиленном режиме. Сам капитан вторые сутки не спускался с капитанского мостика, лично руководя действиями экипажа.

Неся личную ответственность за жизни членов экипажа, сохранность груза и живучесть судна, он был беспощаден к подчинённым и справедливо требовал выполнения всех инструкций, касающихся плавания в штормовых условиях. На штурвале стоял вахтенный рулевой матрос, а вахтенный помощник капитана постоянно вёл наблюдение за экраном радара, вовремя определяя дистанцию к плавсредствам, во избежание непредсказуемых и внезапных столкновений. Старпом в сопровождении боцмана, ежечасно спускался в трюма, с проверкой состояния груза. Груз был ценный: две тысячи тонн цитрусовых для дальнейшей транспортировки по суше в российскую глубинку. Рефрижераторные установки работали в обычном режиме: по одному компрессору на каждый трюм и рефмеханик, сверяя показания электронных приборов, лично, раз за вахту спускался сверять истинные показания температур в самих трюмах. Старший механик бодрствовал в контрольном помещении, занимаясь откачкой воды из трюмных колодцев, во избежание подмачивания груза, так как забортная вода находила лазейки и умудрялась заполнять колодцы в считанные минуты. Он в любую минуту был готов прийти на помощь вахтенному механику, следившему за работой всех механизмов машинного отделения. В помощь вахтенному механику, у главного распределительного щита постоянно находился электромеханик, следивший за работой валогенераторов, во избежание обесточивания судна и своевременного перехода на работу от дизельных генераторов, а, в случае отказа дистанционного управления энергетической установкой, срочно перейти и включиться в «аварийный» режим работы. Судно находилось на особом усиленном режиме работы. Только камбуз работал, как всегда, в обычном режиме, ведь, задача кока кормить команду в любую погоду: хоть в шторм, хоть в штиль. Главное своевременно приготовить пищу, а как будут кушать, это уже личное дело каждого, здесь всех под одну гребёнку не уравниешь. Когда одним шторм наглухо отбивает аппетит, на других во время шторма находит ненасытный жор. Так, что «война войной», а камбуз живёт по своему, особому постоянному расписанию. А вот, условия работы становятся сложнее. Когда в помещении тяжело уловить: где голова, а где ноги? Можете представить, что творится с камбузной утварью? Вот и становится кок на время жонглёром, словно, на арене цирка, а иначе нельзя, флотская жизнь всему научит.

У боцмана, в отличие от кока, забот было побольше, и ему приходилось выкручиваться наизнанку, чтобы везде успеть. Вот, снова подошло время осматривать трюма. Не успел переодеть сухую робу, после осмотра судна, как снова идти в очередной рейд. Одевшись в штормовой костюм из жёлтой прорезиненной ткани, боцман Залесский вышел в коридор и, остановившись возле двери контрольного помещения балластных операций, стал поджидать старпома. Успев перекинуться парой фраз с «дедушкой», Залесский дождался «чифа», и вместе с ним прошли в тамбур, находящийся между входом в машинное отделение и входом во второй трюм. Вдоль обоих бортов вздымались и пенились девятибалльные волны. В тамбуре находилось, почти, по колени воды. Вода гуляла по тамбуру, выходя из ватервейсов на палубу и снова возвращаясь в тамбур, а иногда переливаясь через высокий комингс дверного проёма. Проскочив тамбур, чиф с боцманом зашли в помещение вентиляторов второго твиндека. По крутому вертикальному трапу они спустились ниже на одну палубу, оказались во втором грузовом трюме вдоль ряда полет с лимонами, по узкому проходу, вдоль кормовой части трюма, прошли к кормовому отстойному колодцу, где проверили наличие накопленной воды. В повседневной рейсовой работе, когда условия обычные, можно смело довериться автоматике и дистанционному

контролю, но в шторм автоматика часто даёт сбой, поэтому контроль был усиленный. Надо было лично убедиться, чтобы обезопасить груз и свою репутацию от непоправимых ошибок бесхозяйственности. Проверив кормовой колодец, они пошли к носовому, через всю длину второго трюма по узенькому проходу с правого борта. В трюме виднелись незначительные подтёки, но ситуация оставалась управляемой, а вода из колодцев постоянно откачивалась. Полеты стояли на деревянных поддонах и находились в безопасности. В носовом колодце уровень воды находился в порядке, и они по вертикальному трапу поднялись в твиндек, где, обследовав крышки второго трюма на протечку. Дальше, чуть ли не по-гусиному, прошли в тамбур станции углекислотного тушения пожара. Затем проследовали в твиндек первого трюма, а затем и в сам трюм, проделав все мероприятия, что и во втором. Они ещё не успели закончить полный осмотр, как сработала звуковая сирена, оглашая своим сигналом о пожаре. Дублируя прозвучавший сигнал, голос вахтенного помощника капитана, звучавший в динамиках по всей судовой трансляции, оглашал: «Пожарная тревога! Пожар в районе носовой рефустановки! Командиру носовой аварийной партии провести разведку очага пожара и приступить к его ликвидации!»

Услышав сигнал пожарной тревоги, боцман с чифом, как можно быстрее, проследовали к местам, рекомендованных судовым расписанием по тревогам. В это же время в машинном отделении на панели аварийно-предупредительной сигнализации замигала красная лампочка «Авария носовой трюмной холодильной установки №-1». Электромеханик быстро метнулся к секции главного распределительного щита. Главный защитный автомат был выбит. Когда он его взвёл, автомат тут же сработал повторно. Стало ясно, что это не ошибка и надо обследовать установку конкретно. Вооружившись всеми необходимыми инструментами, он направился в сторону носовой части судна. Помещение носовой трюмной холодильной установки было задымлено. Дым стоял, словно, плотный утренний туман в осеннюю пору. Носовая аварийная партия уже произвела разведку пожара. Получив задачу, были отправлены к очагу два человека в аппаратах ОСВ-2. Очаг пожара находился в распределительном щите рефустановки, и густой дым с едким запахом изоляции исходил именно от щита. Открыв щит, «судовые пожарники» выпустили внутрь него чуть больше половины заряда углекислотного огнетушителя ОУ-8. Дым сразу прекратил своё интенсивное действие. Открытого пламени не было и, действуя, согласно, определённым правилам, когда точно стало ясно, что возгорание не повторится, включили вентиляцию. Вытяжная вентиляция быстро справилась с остатками дыма, и от возгорания, остался только запах. Когда опасность миновала и можно было смело войти в помещение без спец обмундирования, электромеханик и рефмеханик занялись обследованием оборудования щита. Стало ясно, что вода, проникнувшая через носовой межпалубный стакан с кабель трассой, пробралась по кабелям под подволок и просочилась на щит. От шторма дверка щита приоткрылась, и капли воды попали на клемную колодку, таким образом, спровоцировав короткое замыкание, от чего сгорела одна катушка силового контактора и выгорела часть клемной колодки. После отбоя пожарной тревоги, рефмеханик с электромехаником запустили второй компрессор и стали заниматься устранением последствий пожара.

Уложив средства пожаротушения на штатные места, Залесский спустился в трюм закончить обследование, начатое вместе с чифом. Зная, что чиф будет занят разборками проведения пожаротушения, боцман решил доделать начатую работу без него. Быстро справившись, Николай не стал возвращаться обычным маршрутом с подветренной стороны левого борта, так как там была пробка из членов носовой аварийной партии. Он рискнул пойти по правому борту и перехитрить стихию. Но не тут-то было. Дождавшись, когда крутая волна залила проход правого борта и пошла на уменьшение, боцман тут же метнулся вперёд, пытаясь за волной в полной безопасности достичь надстройки. Но он чуточку просчитался или со стихией шутки не шутят, и она решила проучить храбреца. Догоняя Николая на полпути к надстройке, она свалила его на палубу мощным ударом в спину. Даже такой крепыш, как Залесский не устоял

под силой этой жестокой волны. Она с силой захватила боцмана и понесла за собой, в считанные доли секунды. Николай сообразил, в какую ситуацию он влип и не стал отдаваться в руки стихии, а сам понял: как ему быть? Благо, что он не успел стукнуться во, что-нибудь головой, и голова соображала, в данный момент, не хуже компьютера. Пронесаясь мимо вентиляционных грибков топливных танков, Николай успел зацепиться за один из них обеими руками и удержался там, пока сила волны не ослабла. Улучшив момент, он дождался, когда пройдёт следующая волна и, только тогда, решил продолжить свой дальнейший путь, уже, без риска быть сваленным в очередной раз. Достигнув тамбура у входа в машинное отделение, он немного передохнул, отряхнулся и спокойно, словно, ничего не случилось, прошёл через контрольное помещение в раздевалку.

К ночи ветер стих. Успокоилась штормовая волна. Вместо неё на море образовалась длинная морская зыбь. Дрейфующие суда стали возвращаться на якорную стоянку, а, кому повезло больше, те следовали в порт.

Переодевшись в сухую одежду, Залесский дремал, на заправленной койке, не раздеваясь, используя для отдыха любую выдавшуюся минуту. Вдруг два звонка в колокола громкого боя, прервали его беспокойную дрему. Боцмана вызывали на мостик. Накинув на себя рабочую куртку и застёгивая на ходу ремень, Николай выбежал из каюты и дальше вверх по трапу попал в офицерский коридор, а оттуда, по извилистому винтовому трапу, уже, в ходовую рубку, где находились: вахтенный помощник – второй помощник капитана и сам капитан.

– Разрешите! – громко произнёс Залесский и остановившись за спиной второго помощника поздоровался: – Вроде бы, как с добрым утром!

– Да, утро и вправду доброе, во всяком случае, лучше вечера, – пошутил повеселевший капитан. Привычно поглаживая трёхдневную небритую щетину, он сказал серьёзнее: – Николай Николаевич, будем становиться на якорь. В порт заходим в порядке очереди. Так, что готовьте левый якорь к отдаче. Будем отдавать три смычки для начала, а дальше будем действовать по обстановке.

– Принято! – коротко ответил Залесский и спросил: – Разрешите идти?

– Идите, Николаевич, и смотрите там, народ уставший, безопасность и ещё раз безопасность.

Закончив наставлять боцмана, капитан резко повернулся к своему помощнику искомандовал:

– Лево на борт, курс тридцать!

Он дёрнул рукоятку управления левым главным двигателем на себя и установил стрелку на отметке «самый малый назад», а правым, наоборот вперёд, на «самый малый вперёд» и судно стало разворачиваться, делая рондо на левый борт.

Прибыв на бак, боцман расчехлил командоконтроллер брашпиля, разобшил тормоза и, включив прямую командную связь с мостиком, доложил:

– Мостик баку! Левый якорь к отдаче готов!

Через несколько минут из динамика раздался голос капитана: «Отдать левый якорь!» Николай приказал матросу отдать стопор, и якорь с лязганьем ушёл в морскую пучину. Прошло несколько минут и в воду ушло, почти две смычки якорь цепи. Судно отработало «самый малый назад» и якорь цепь стала помалу набиваться, а боцман нажал на тангенту микрофона и доложил:

– Мостик баку! Две смычки в воде!

В ответ из динамика прозвучало: «Три смычки в воду!»

– Есть три смычки в воду, – повторил команду боцман, продолжая следить за потравливаемой якорь цепью.

– Три смычки в воде! – доложил он вскоре, как только нужная метка исчезла в клюзе.

Тем временем из динамика пробасила очередная команда: «Удерживать якорь!» Боцман принял команду, сообщил брашпиль и стал подбирать слабину якорь цепи, пока цепь не наби-лась, словно струна. Постановка на якорь завершилась.

Рабочий день начался в непонятной смуте. Судно стояло на якорной стоянке. Главные двигатели держали в немедленной готовности к запуску так, чтобы по первому зову, быть гото-выми сниматься в порт. Какие ответственные работы можно было начать в такой обстановке, когда ничего не ясно? Поэтому Залесский решил заплести пару оганов на новом швартовом конце, так, на всякий случай. Обычно за стоянку в порту Новороссийск швартовы лопаются легко и довольно часто, в особенности, когда на море длинная зыбь. Боцман трудился до обеда, а судно продолжало стоять. Потом стояло до вечера. Настроения совсем не было. За бессон-ные ночи он, довольно таки, устал и, жутко, хотелось спать. Хотелось ещё принять тёплый душ, чтобы лечь чистым в чистую постель и, если даст Бог и портовые власти Новороссий-ска, наконец, выспаться. Опясавшись банным махровым полотенцем, озабоченный мыслями Николай, пошёл в душевую. Отворив дверь, он увидел в предбаннике подстригающихся мат-росов и полушутя устроил им маленький раздолбон.

– Так, ну совсем проход перекрыли, – возмутился Николай, обращаясь к подчинённым, направляя их деятельность в необходимое русло, – раз уж нашли здесь место, так хоть проход освободите, а то два мелких и всю раздевалку оккупировали.

Матросы поменяли дислокацию, давая боцману пройти в душевую, и Залесский, проходя мимо, снова буркнул в их сторону голосом отца-наставника:

– Смотрите, чтоб волосы убрали своевременно, а то, не дай Бог, в шпигат попадут, потом три шкуры сниму!

– Николаевич, не волнуйся, всё будет окей. Зуб даю, – успокоил боцмана матрос из молдавского села Утконосовка по имени Толик, находящийся в образе клиента.

– Смотри, а то проверю и останешься без зуба, – пошутил ему в ответ Залесский и закрыл за собой душевую кабину.

Душ немножко смягчил усталость и, уже, находясь в своей каюте, Николай думал о пред-варительных планах стоянки в порту. Штопая носки и размышляя о накопившихся делах, он вспомнил, что надо отправить через «Вестер Юнион» перевод жене и сыну. Для них он отложил семьсот долларов, а себе на мелкие расходы оставил двадцатку одной купюрой и, положив её в учебник «English for Siemens», спрятал всё внутри подвесного шкафчика, закрывающегося на ключик. На душе было как-то не спокойно, и он решил подняться на мостик разведать обста-новку. Поднявшись, он застал там вахтенного третьего помощника капитана, усердно разгля-дывавшего на штурманском столе какие-то географические карты.

– Поделитесь секретом, Алексеевич. Что там по нашему заходу слышать? – обратился он к молодому штурману.

Третий помощник проигнорировал присутствие боцмана. Делая усердный вид своей занятости, он продолжал чертить, словно, обращались к другому человеку. Боцман понял хит-рый «ход конём» штурмана. Их отношения не сложились ещё в самом начале рейса. Третий помощник, совсем молоденький юноша, только закончивший мореходку и, знающий морское дело по прошедшей на судах практике, показал себя довольно высокомерным по отношению к экипажу. Он даже своим видом отталкивал моряков, пытавшихся с ним общаться. Валентин Алексеевич, так звали третьего помощника капитана, действительно был в должности первый год и делал свой второй рейс. Худой и длинный, он имел хипповую причёску «каре» с выкра-шенной в жёлтый цвет чёлкой, а под тонкой полоской нижней губы, завёл лоскутик, какой-то модной рыжеватой бородки, как у молоденького козлика. На левом ухе у него имелся пир-синг: маленькое золотое колечко. Имея холодный пронзительный взгляд зелёных глаз и длин-ный нестандартный нос, напоминающий нос известной Кристины до пластической операции, он всех отталкивал своим внешним видом и, желающих с ним пообщаться, как-то не находи-

лось. Если к портрету добавить его повседневную одежду, то это будет ещё тот видок. Обычно, на нём были потёртые, с дырками на коленках, очень застиранные джинсы, бледно-голубая джинсовая рубаша на выпуск и всё время расстегнутая, из-под которой виднелась жёлтая майка с рисунком группы «Qwin». Конечно, он был лет на двадцать моложе Залесского. Но обстоятельства сложились не в пользу последнего. Николай оставался только боцманом, а Валентин уже был третьим помощником капитана. И началась обида Валентина, в сущности, из-за пустяка, по его же, собственной вине. Можно сказать, гонор есть, а тактичности в работе с людьми и элементарных навыков, ещё не накопил. В самом начале рейса, когда Николай закреплял на мостике штурманский светильник, привинчивая его в удобном для судоводителей месте, Валентин находился на вахте. Капитан, после расхождения со встречным судном покинул мостик и Валентин, оторвавшись от тубуса радара, довольно обрадовавшись, заявил: «Теперь можно и закурить да, боцман?» На что Залесский просто не отреагировал. Тогда Валентин, пошарив по карманам, и не находя там зажигалку, спросил: «Боцман, зажигалка есть?» Залесский давно бросил курить и старался вести правильный образ жизни, поэтому зажигалки у него не было, но на штурманском столе лежала, оставленная кем-то, пачка «LM» и розовая зажигалка фиолетового цвета. Он взял зажигалку и, подавая Валентину, сказал: «На, держи, кажется, второй забыл». «Не держи, а держите», – поправил Николая Валентин. На что Залесский тоже не остался в долгу и подсказал третьему: «Тогда и ко мне обращайтесь по уставу, не «боцман», а Николай Николаевич. Устав гласит, что подчинённый и начальник должны быть *вза-и-мо-веж-ли-вы-ми*.» Он специально выделил интонацией слово «взаимо-вежливыми». После этого случая они стали корректными в обращении, но Валентин так и продолжал хранить, понятную только для него, обиду.

Вот и на этот раз, между ними диалог не получился. Николай понял, что на мостике он ничего не узнает и покинул его, быстро спускаясь по винтообразному трапу вниз. По пути он встретился с капитаном, от которого узнал, что до утра движения не будет, и со спокойной душой и сердцем, ушёл в каюту. Раздевшись, он взял книгу писателя Владимира Ерёменко, с очень вдохновляющим названием «Дождаться утра», и стал читать на сон грядущий. Книга была совсем не весёлая, но на сон благоприятно влияла. Уже после первой прочитанной страницы, Залесский уснул крепким сном, чтобы утром по новой окунуться в трудовые будни монотонной флотской жизни.

4.

Сквозь светло-голубые прозрачные шторы тускло пробивался матовый ореол Луны. Ире уже не спалось, но вставать пока не хотелось, и она охотно наблюдала за блеклым светом Луны, которая, осталась на небе встречать утренний рассвет. Однако до рассвета было ещё долго. Ира потянулась рукой до прикроватной тумбочки и взяла в руку часы. На циферблате маленьких женских часиков «Сейко» было шесть часов утра. Спешить было некуда, и Залесская решила немножко понежиться в постели. Сквозь окно слышались только одиночные звуки раннего городского транспорта. Ветер, как будто, стих. Ира поднялась с койки и, потягиваясь, на цыпочках подошла к окну. Действительно такого сильного ветра уже не было, хотя ветки деревьев вяло колыхались среди своих крон. Чуть постояв у окна, она решила взяться за утренний туалет, после чего заправила постель и стала одеваться, сама не понимая зачем. Просто хотелось чего-то свежего. Хотелось верить, что новый день принесёт приятные новости и закончится её путь в неизвестность. Проанализировав своё поведение за ужином, она слегка пожалела Алексея, а вместе с ним и себя. Поступила бы по-другому, возможно, утро не было бы таким скучным. О чём это она? Зачем возвращаться к этой теме? «Я же, приехала к мужу. – Думала, расчесываясь, Ира. – Как он там, в открытом море и что с ним? Сколько всё это ещё будет продолжаться? Не только ожидания в Новороссийске, а вообще вся эта жизнь такая? Эти рас-

ставания постоянные и встречи. Мужняя и безмужняя жена. А вообще-то хорошо, что всё так получилось, – она снова подумала о своём попутчике Алексее. – Всё. Забыть эту ночь и этот ужин. Как стыдно. Как больно. Зачем я вообще сюда приехала?» Мучаясь сомнениями и неопределённостью, она достала газету «Факты», купленную ещё в Одессе и стала читать. За чтением Ирина, как-то успокоилась, самоорганизовалась и тревожные мысли покинули её сами.

На улице уже рассвело, хотя погода оставалась мерзопакостной. Снова тучи затянули небо и лунный ореол, предвестник погодных перемен, показавшийся в утреннюю рань так и не успел передать эстафету солнечным лучам. День ожидался пасмурный. Надо было что-то позавтракать. Рублей не было. Осталось всего семьдесят долларов мелкими купюрами, из которых надо ещё заплатить за гостиницу. «А что же делать, если шторм не утихнет и судно не попадёт в порт?» – какая-то скверная мысль настойчиво сверлила подсознание. Но Ира собралась с духом и с последними силами, чтобы куда-нибудь выйти. Спустившись в фойе, она навела справки у администратора и вышла на улицу искать ближайший банк и переговорный пункт. Оказалось: и банк и переговорный пункт находились совсем рядом. Надо было только перейти на противоположную сторону улицы и пройти пару кварталов влево. В банке Ирина поменяла пятьдесят долларов и решила позвонить родителям. Дозвонилась она быстро. Трубку подняла мама. Поговорив с мамой и совсем успокоившись, она зашла в столовку, находившуюся сразу за переговорным пунктом, и взяла себе там стакан чая с пирожным. Позавтракав, Ирина решила немного погулять утренним городом. Ветер снова немножко усилился. На улицах валялись обломки веток, были случаи обрыва линейных проводов троллейбусных линий. Немного погуляв, она купила в небольшом продовольственном магазине пару батончиков «Баунти» и пошла в гостиницу. Там заплатила за номер и вступила в разговор с новой администраторшей, только заступившей на смену. Администраторша была женщиной в возрасте, ярко крашенная блондинка упитанной внешности с добрыми светло-серыми глазами. Женщина сумела внимательно выслушать её и искренне посочувствовать, заверив, что до обеда всё должно успокоиться и порт начнёт работать. От нечего делать, Ира снова поднялась в свой гостиничный номер и, включив старенькую цветную «Берёзку», стала смотреть канал «MTV». Изображение было очень скверным, но звук был вполне хорошим, и она стала читать «Факты», наслаждаясь вкусовыми качествами «Баунти».

Полдня Ирина провела в гостинице. К обеду ветер немного стих, и она попросила администраторшу позвонить в порт, откуда радостных новостей не поступило, хотя обнадёжили, что к утру должна начаться работа. Пришлось остаться в гостинице ещё на одну ночь. Весь остаток дня она читала какие-то журналы, взятые у администраторши, слушала по телевизору музыку, посмотрела две серии нашумевшего фильма «Брат» и «Брат-2», после чего сходила в магазин, где купила сладких булочек и упаковку виноградного сока, чем и поужинала. Наступил мучительный, долго тянущийся вечер, медленно переходящий в ночь. Спать она всё ещё не хотела и лежала на коечке, просматривая по телевизору очередную порцию новостей. После чего переключила на канал «РТР» и посмотрела новую кинокомедию «Особенности национальной рыбалки». Об Алексее она даже не вспомнила, и он тоже не стал делать повторный «галс», идя на сближение. Потерпев фиаско, он растворился в кругу старых знакомых, которых у него было не мало и весело проводил свой досуг, дожидаясь возможности уйти с головой в рабочую суету.

Когда совсем всё надоело, Залесская приняла тёплый душ, так и не дождавшись горячей воды. Однако чтобы согреться и помыться, ей было достаточно и такой, которая была в этой гостинице. Когда она улеглась и прислушалась к звукам за окном, которые стали непривычно тихими, то поняла, что ветер уже стих и тучи на небе развеялись, открыв перед ночными обывателями чистое звёздное небо. Хотелось всё бросить и мчаться в порт, вот только здравый смысл, вовремя овладевший ею, напомнил добрую русскую пословицу «Утро вечера мудре-

нее», и это было разумно. Лучше оставаться в тёплой постели за каких-то пятнадцать долларов, чем сидеть непонятно где, в холодном ночном порту. С таким настроением Ирина уснула в своём гостиничном номере, снова одна, так как на соседнюю койку никого не поселили. Она уснула крепким сном младенца, понадеявшись на приход нового утра с новыми надеждами и новыми впечатлениями.

5.

Залесский спал крепко, отсыпаясь за прошедшие бессонные ночи. Однако настойчивость телефонного звонка не дала ему досмотреть до конца сон. Проснувшись, он поднял трубку и услышал голос старпома, извещавший, что на судне очередной «аврал». Николай взглянул на часы и начал быстро одеваться. Было только около шести утра. Старпом заверил, что лоцман ожидается через минут двадцать. Времени было достаточно, чтобы вооружить штормтрап и включить прожектор. Тепло одевшись, он натянул на голову вязаную шерстяную шапочку, подарок жены, и вышел на палубу. Там Николай понял, что не ошибся в выборе одежды. Утро было прохладным и сырым. Однако ветер стих. Небо над морем было чистым и звёздным, только по серебристой глади воды слегка парилась лёгкая молочная дымка. Яркие и большие звёзды смотрели на море из далёкого космоса своими серебристо-золотистыми бликами, строго выстроившись по определённому астрономическому ранжиру. Большая и круглая луна зависла где-то на западе, и её жёлтый матовый свет был достойным помощником в этот утренний час. Где-то за бортом, сопя и фыркая, плескались несколько дельфинов, а прямо по траверсу, с правого борта, Николай увидел три приближающихся огонька, это шёл навстречу судну лоцманский катер с отличительными огнями: красным и зелёным – бортовыми, и жёлтым – топовым. Николай вышел на правый борт к месту приёма лоцмана, где уже, трудился в лучах лоцманского прожектора вахтенный матрос, пытаясь установить тяжёлый и увесистый штормтрап.

– Слава труду! – громко поприветствовал Николай матроса и стал помогать ему в креплении штормтрапа.

– На веки слава! – съязвил матрос и, подмигнув боцману, стал крепить верхнюю крепёжную балясину прочной пеньковой каболкой.

– Толик, что там слышно в «скворечнике»? – поинтересовался в процессе работы боцман, называя мостик «скворечней» из-за его высокого местонахождения.

– Вроде бы идём в торговый порт, по крайней мере, так сказал чиф, – ответил матрос, проверяя крепление штормтрапа.

– Ладно, Толик, давай встречай лоцмана, а я побежал на бак вирать якорь, – сказал Николай и быстрым шагом понёсся в сторону бака. Там он включил командо-контроллер и двухстороннюю командную связь с мостиком, докладывая обстановку:

– Мостик баку, на баке готовы вирать якорь!

– Вира помалу! – сказал динамик голосом старпома, захрипел, засвистел и стих.

Боцман включил первую скорость, и турачки брашпиля стали вращаться, громыхая и визжа, медленно вытягивая из воды тяжёлые смычки увесистой якорь цепи.

– Мостик баку! Цепь набивается, право десять! – снова сделал доклад боцман.

– Принято: «право десять»! – откликнулся динамик голосом старпома.

Под тяжестью набитой якорь цепи, брашпиль завывал диким воем подстреленного зверя, а тяжёлые звенья якорь цепи с металлическим звоном гремели в клюзах и, громыхая, накапливались, образуя цепную пирамиду, затем с грохотом проваливались в цепной ящик.

– Две с половиной смычки на барабане, якорь панер! – громко доложил боцман, меняя скорость со второй на первую, подготавливаясь к подрыву якоря.

– Принято, «якорь панер»! – вторил динамик голосом старпома. Старпом, тем временем, поставил рукоятки управления на «стоп» и стал дожидаться очередного доклада с бака.

– Пошёл якорь! – стал докладывать боцман, всматриваясь в клюз.

– Как якорь? – спросил старпом, давая ход, поставив рукоятки управления машины на «самый малый вперёд».

– Якорь чист! – доложил боцман, затягивая в клюз глаголь-гак, затем закрепил якорь по-походному, выключил командо-контроллер и сделал последний доклад, зачехляя командо-контроллер: – Якорь закреплён по-походному! Конец связи!

Динамик последний раз вздрогнул от голоса старпома, пробасил что-то невнятное, типа «принято, конец связи» и замолк. Залесский установил микрофон на штатное место, закрыл блок станции на задрайки и стал подготавливать к швартовке продольные швартовные концы.

Смело рассекая сонную гладь моря и, легко скользя по Чесменской бухте, держал курс в торговый порт Новороссийск, гружённый витаминным грузом, овощевоз «Венедикт Андреев». Вода, разрезаемая форштевнем, с шумным шипением скользила по бортам, а резвые дельфины, озорничая, стали весело нестись впереди «бульбы», стараясь обогнать судно. Перед входом в акваторию порта, судно сбавило ход, и дельфины вернулись в море у самой кромки мола, а судно медленно вошло в порт. Лихо, маневрируя в крутых портовых лабиринтах, оно приближалось к месту выгрузки. По судну загремели «колокола громкого боя» и, голос старпома донёс из динамиков волнующий всех приказ: «Команде аврал! Швартовной команде занять места, согласно расписанию!». Боцман, в это время, стоял на баке и, находясь на месте вперёдсмотрящего, стал докладывать расстояние до причальной стенки. Вот нос судна поравнялся с торцом причала и, после боцманского доклада, с шумом заработало носовое подруливающее устройство, а нос судна начал медленно приближаться к причалу.

– Двадцать метров по траверсу! – чаще докладывал расстояние боцман, пытаясь рассмотреть место швартовки, чтобы быстрее сосредоточиться и, как можно меньше времени, затратить на швартовку: – Десять метров!

Он сделал знак подоспевшему третьему помощнику, передал ему руководство в виде микрофона, а сам стал готовить выброску. Швартовались правым бортом. На берегу уже вытащили прижимной швартовный, и одели «гашу» на береговой «пал». В это время стали прижиматься кормой. Там тоже подали прижимной конец, и судно начало сразу прижиматься к причалу. Боцман подал носовой продольный конец, и матросы подтянули все концы при помощи лебёдок, закрепляя их на судовых кнехтах. Работа была сделана отлажено и чётко, поэтому справились быстро. Когда швартовка закончилась, боцман, легко вздохнув, бросил на палубу рабочие перчатки и громко сказал:

– Баста, финита ля комедия!

А по судовой трансляции прозвучала очередная команда. Словно услышав ёрничество боцмана, старпом скомандовал: "Команде отбой аврала! Швартовной команде от мест отойти!" Услышав команду, Николай взглянул на часы, его "Ориент" показывал "без пятнадцати минут восемь". До начала рабочего дня оставалось пятнадцать минут, и он направился в сторону надстройки. Надо было позавтракать и начинать открывать трюма. Быстро справившись с завтраком, Николай пошёл открывать трюма, подготавливая необходимый инвентарь для обеспечения выгрузки. Закончив работу, он заступил на вахту у трапа.

Утро родило новый чудесный день. Сквозь жидкую молочную дымку уже пытались пробиться первые лучи утреннего солнца, а с первыми лучами следовали и первые посетители судна. Это были портовые власти. Быстро набрав номер телефона третьего помощника, боцман сообщил ему о гостях и начал готовиться к встречи властей. Традиции в Новороссийске оставались такими же, как во времена СССР. Всё так же, уверенной вереницей, следовали на судно представители разных «карательных» органов. Среди них находились пограничники, таможенники, врач, эколог, портнадзор и прочая «иже с ними» братия. Залесский положил

перед трапом мат, пропитанный хлором, и стал ожидать гостей. Сразу после прибытия третьего помощника, власти стали подниматься на судно. Сначала поднялся врач, он справился у третьего помощника о больных и прочем санитарном состоянии, после чего прошёл на борт судна, а за ним последовали и все остальные. Третий помощник провёл всех в салон команды, где были подготовлены необходимые на приход судовые документы и стояли столы, накрытые для лёгкого фуршета.

Перекусив и закончив с формальностями, первыми покинули судно пограничники, а все остальные начали свою «копательную» работу, как говорится: «Чем больше накопишь, тем больше унесёшь». Врач, вместе с главным таможенником, сразу кинулся проверять провизионные кладовые. Эколог пошёл вместе со стармехом в машинное отделение, проверять наличие льяльных вод и пломб на трубопроводах, через которые откачивали фекалии и льялы. Туго зная своё дело, ринулись в бой таможенники. Как обычно, им захотелось проверить каюты членов экипажа, на наличие запрещённых, для ввоза в Российскую Федерацию, предметов. Боцмана направили сопровождать таможенника, проверяющего каюты расположенные на главной палубе. После осмотра всех кают, Николай завёл таможенника в свою каюту и, только тут, его осенило: «Я же забыл двадцатку спрятать». Но было уже поздно. Таможенник начал досматривать рундук, тумбочки, заглянул под диван, где нашёл с десятков компакт дисков с записями каких-то компьютерных программ на итальянском языке.

– Что это? – спросил таможенник обычным принятым для них тоном.

– Это осталось по наследству от предыдущих боцманов, – стал прояснять ситуацию Николай. – Судно работало на итальянской линии, вот ребята, где-то, на свалке и подобрали.

– И, что там? Порно? Фильмы какие-то, а? – продолжал свой допрос таможенник, сверля боцмана своими хитрыми всевидящими зелёными глазами, расположенными на лоснящемся, гладко выбритом грушевидном лице.

– Я понятия не имею. По всей видимости, какие-то компьютерные программы. Мы пробовали прогнать их на судовом компьютере, но он их не принимает. Закодировано паролем, – продолжал своё объяснение Залесский, пытаясь хоть как-то смягчить обстановку. – Хотите, можете сами проверить.

– Вы знаете, что такая продукция запрещена для ввоза на территорию нашего государства? – не унимался серьёзный таможенник, краснея, в основном, больше от любопытства, чем от проявления чуткости стража закона. – Вы понимаете, что это может быть контрабандная партия?

– Я тоже не знаю, что там, – категорически заявил Николай, показывая, что его желание продолжать разговор, исчерпано. – Вы можете все их забрать и проверяйте сколько душе угодно, для меня они никакой ценности не имеют.

– Ладно, разберёмся, – подвёл итог таможенник и положил в карман зелёной тужурки три компакт-диска, задавая боцману очередной вопрос: – Где ваша декларация?

– На столе, – спокойно ответил Залесский.

– Хорошо. Валюта вся задекларированная? – ехидно спросил груше подобный, проворно изучая содержимое навесного шкафчика.

Николай понял, что этот назойливый тип уже нашёл его заначку и спокойно сказал:

– Нет не вся, кажется, я забыл указать двадцать долларов.

– Как это вы забыли? Вы, что не знаете, валюта должна быть вся занесена в декларацию. Есть закон и надо его исполнять.

– Я знаю, но мне вернули долг, когда я уже заполнил декларацию, – попытался схитрить Залесский. – Думал сумма не значительная, может, пронесёт. Что тут преступного? Я же, не прячу и не утаиваю.

– Я вижу, что вы не утаиваете, – таможенник достал из книжечки двадцатку, посмотрел на неё внимательно, проверил на свет и спросил: – Что будем делать?

– Поступать по закону, если не знаете, что делать, – виновато ответил боцман.

– По закону положен штраф, объяснительные, акты, протоколы, короче полдня волокиты. Вы этого хотите?

– А что, вы предлагаете? – спросил в отчаянии Николай, направив на таможенника свой потухший взгляд.

– А что, вы предлагаете? – переспросил таможенник.

– А что, я могу предложить? – поинтересовался Залесский, рассуждая вслух, как бы, между прочим, – может угостить вас чем-нибудь?

– Угостите, – коротко промолвил груше подобный, и, подняв на боцмана свои зелёные глаза, продолжил, – двадцатью долларами.

Залесский промолчал. В какой-то момент мелькнула мысль, что они и ему, вроде бы, совсем не лишние. «С чего это вдруг, разбрасываться своими кровными». Но таможня не спешила заканчивать досмотр. Вцепившись за двадцатку, словно, кот за мышшь, глаза его горели азартом алчности к доступной купюре номиналом в двадцать американских долларов. Он сел на диванчик, достал сигаретку и, боцман понял, что этот так просто не уйдёт. Он опустил голову, понимая, что двадцатку уже потерял, хоть штрафом, хоть так, но лучше её отдать и хлопот меньше будет. Так и решил.

– Раз так, тогда берите.

– Ну, спасибо, – поблагодарил обрадованный таможенник, пряча «трофей» во внутренний кармашек тужурки, он поднялся и вальяжно покинул гостеприимную каюту украинского моряка, бывшего собрата по «социалистическому лагерю».

Через час комиссия полностью закончила свою работу, и боцман снова занял место вахтенного у трапа. Стоя на вахте, ему пришлось провожать «усталую» комиссию. Члены комиссии покидали судно с радушием в глазах и полными пакетами «трофейных» подарков. Сойдя на берег, они повеселевшие и, явно, довольные своей работой, шли в сторону административного здания, находившегося в глубине территории порта. Уходила комиссия. Уходили таможенники, растворяясь в рабочей суматохе порта, а с ними вместе удалялась, кровно заработанная боцманом Залесским, американская купюра номиналом в «двадцать зелёных долларов».

6.

Спустя некоторое время после утреннего туалета, Ирина покинула гостиничный номер и направилась к выходу в фойе. Возле лифта она встретила горничную и справилась, как пройти к центральной проходной торгового порта. Словоохотливая горничная охотно согласилась помочь Ирине и, уже, через несколько минут, Залесская шла по широкому проспекту в сторону проходной торгового порта. Свернув налево, она немного пропетляла по узким припортовым улочкам, пока, наконец, отыскала прямой путь к проходной. Прибыв на проходную и встретившись с массой новых накопившихся проблем, её оптимизм пропал, словно, утренний туман в солнечную погоду. Именно, возле проходной в порт началось всё самое интересное. Хочешь узнать, где находится судно? Надо зайти на территорию и позвонить из административного здания диспетчеру, но, чтобы зайти туда, надо иметь пропуск. Круг замкнулся. Доживши до тридцати с лишним лет, Ирина впервые столкнулась с такой невыполнимой проблемой, от чего, очень расстроилась. «Как быть? Что делать? К кому обратиться за помощью?» В её голове стали, вдруг, возникать, безответные вопросы. В отчаянии она попыталась упрямиться бойца военизированной охраны, чтобы тот пропустил её, хотя бы в административное здание. Но ВОХРовец туго знал своё дело, он служил порту верой и правдой, поэтому, ни на какие уговоры не шёл и, ни за какую валюту не покупался. Он «мзду не брал, ему за державу обидно было». Как человек, он понимал Залесскую. Понимал, что она из Одессы приехала. Понимал, что уже двое суток мучается, но помочь не мог или не хотел. Он хорошо выучил, одну

единственную, фразу: «не положено». После всех стараний, Ирина впала в полное отчаяние, ещё никогда она не чувствовала себя так беспомощно, как в эти минуты. Если разобраться, так это была её первая самостоятельная поездка в отдалённую местность. Она-то дальше Измаила и не ездила никуда. Отчаяние переросло в злобу, но злиться, особо, не на кого было, ведь её, по сути, здесь никто не ждал, а мобильные телефоны, только стали появляться и ещё не всем были доступны. Вот и злоба прошла быстро, словно, разряд молнии. Снова наступило отчаяние. На глазах стали появляться редкие слезинки. Они медленно накапливались: капелька за капелькой. Тёплые и солоновато горькие от обиды на всех и вся, они текли медленной струйкой вниз по лицу, затем процесс усилился, и они потекли быстрее и сильнее, от нахлынувшего потока негодования и бессилия в решении наболевшей проблемы. Плача, она выкрикивала какие-то непонятные слова, но её «абракадабры» никто не хотел понимать, к ним, просто, никто не хотел прислушаться. В глазах у Ирины всё стало мутным и расплывчатым, всё поплыло вместе с потоком слёз. Ничего и никого, не различая, она присела на какую-то скамеечку, выплакалась и потихоньку стала приходить в себя. Слёзы кончились, и нахлынувшая вихрем истерика, стала проходить. Залесская сидела, хлюпая носом, и вытирала платочком глаза. «Хорошо, что я не накрасила ресницы», – промелькнула умная и здоровая мысль. Ира разглядывала свой платочек и слегка ещё всхлипывала. Именно в такой тупиковой ситуации и встретил её Алексей, который шёл на работу вместе с напарником из Новороссийска.

– Ирина Васильевна! – окрикнул он Залесскую, чуть не пройдя мимо.

– Ира подняла глаза и, узнав Алексея, встала со скамеечки и поспешила к нему.

– Здравствуйте, – поздоровалась тихо Ирина, в которой снова на лице появились редкие слезинки. – Какой-то замкнутый круг, ей Богу. Я уже совсем расстроилась.

– Ну, всё, всё, – ласково сказал Алексей, продолжая свою успокоительную речь с отеческой интонацией. – Ирина Васильевна, не думал, что такая непоколебимая женщина может так легко быть ранимая. Что я вижу, а? Эти слёзки, ну в пору и мне расплакаться. Ну, всё, всё, перестаньте. У меня для вас есть хорошие новости.

Ирина успокоилась и, словно, наивный ребёнок смотрела на своего спасителя, как на последнюю надежду, уточняя только одну фразу:

– Правда?

– Правда, – сказал утвердительно Алексей и продолжил. – «Венедикт Андреев» уже в порту и, как раз, в торговом. Вам просто повезло, что мы снова встретились. Но, почему же, ко мне не зашли? Гордость, да? Вот теперь видите, до чего доводит эта гордость. Ну, всё, перестали плакать. Вы же серьёзная женщина, педагог всё-таки. Ну?!

Ирина перестала хныкать, окончательно успокоилась и, уже совсем спокойно, спросила у Алексея, словно, только он знал ответ на поставленный вопрос:

– Что же мне делать, Алёша?

– Ждите здесь. Я буду на судне и передам вашему мужу, что его на проходной поджидает удивительный сюрприз и всё быстро наладится, – действительно: полушутя, полусерьёзно, предложил Алексей.

– Хорошо. Спасибо вам, я буду здесь ждать. Как во время вы появились. Спасибо вам большое, – соглашаясь, благодарила Залесская, одарив Алексея лучезарностью своего благодарного взгляда.

На этом их диалог закончился. Алексей с напарником прошли в порт, а Ирина осталась ждать мужа за проходной порта. Положив на скамеечку целлофановый пакет «Либро», она присела на него, словно он мог согреть это место. Ждать пришлось не очень долго, но это томительное ожидание показалось для Ирины вечностью. За это короткое время она передумала обильный клубок запутанных мыслей, пытаясь их растянуть в одну единственную нить. Она думала о своём визите, который хотела сделать для мужа приятным сюрпризом и, который, чуть было, совсем не испортил ей, годами накопленную, репутацию. Думала о вещах, остав-

ленных в гостинице, которые до полудня желательно забрать, чтобы, не платить за номер ещё за одни сутки. Думала об Алексее, который чуть было, не добился от неё близости. Но самой мучительной была мысль о совести. Она просто не знала, как будет смотреть мужу в глаза, в его добрые, наивные и доверчивые глаза.

Тем временем, ничего не зная о предстоящем сюрпризе, Николай продолжал править вахту у трапа. На судне уже находился агент, курирующий группу пароходских судов в порту Новороссийск. Из санэпидстанции доставили результаты взятых анализов на качество доставленного груза. Наконец, подошла очередь встречать сюрвейеров агентирующих груз. Алексей, имевший довольно-таки приличный опыт работы на судах и ориентируясь в судовом расписании, сразу понял, что вахту на трапе стоит боцман. Первым впечатлением от внешнего вида боцмана, родилась молниеносная мысль: «Не дай Бог попадаться этому человеку под тяжёлую руку в образе его врага». Теперь до него, наконец, дошло, что таким мужчинам женщины остаются верны достаточно долго, а возможно, и всю жизнь. Поднявшись на борт судна, сюрвейеры предъявили свои документы и поздоровались с боцманом за руку. Ощувив полную силу боцманского рукопожатия, Алексей сделал оценивающий вывод, и растирая руку, спросил у вахтенного:

– Насколько я понимаю, вы и есть боцман?

– Да, – коротко уточнил Николай, пытаясь понять, что от него хотят.

– Алексей ещё раз смерил боцмана своим завидным взглядом, оценивая ситуацию, посмотрел ему в глаза, но, не выдержав противоположного взгляда, отвёл глаза в сторону и, словно, вскользь, сказал, продвигаясь в надстройку:

– К вам жена приехала, она вас у центральной проходной ждёт.

Залесский замер в изумлении от приятной неожиданности. Этих нескольких слов от незнакомого молодого человека было достаточно, для начала действий, как в боевой обстановке: чтобы быстро, качественно и продуктивно. Он начал чередовать возникающие молниеносные планы: «Надо срочно подменяться – раз, снять копию судовой роли – два, доложить чифу и третьему помощнику – три».

Продолжая действовать по продуманной схеме он, не переодеваясь, сделал копию судовой роли на жену, отпросился на пару часов у чифа, договорился с Толиком о подмене. Доложив третьему помощнику, Николай, в темпе вальса, переделся в джинсы и свитер, накинул пуховик и скрылся, растворяясь в порту, словно, утренняя мгла после восхода солнца. Чтобы добраться до проходной, ему, гражданину другого государства, надо было пройти таможенный дозор и пограничный пост, где он получил пропуск на выход в город и поинтересовался: как правильно оформить приезд жены? А это было совсем не просто. Оказалось, надо было зарегистрировать жену на пограничной заставе и получить там специальное разрешение на проживание в городе. Только на основании этого документа она сможет пройти в порт и проживать на судне. После того, как все издержки режимного предприятия остались позади, Николай поспешил изо всех сил на желанную встречу. Приняв к сведению полученную информацию, Залесский прошёл через проходную для иностранцев и очутился за территорией порта. Ещё издали он увидел знакомый силуэт. Не узнать её он просто не мог. На металлической скамейке сидела его жена. Узнав её, он не побежал, а полетел к ней на крыльях любви, словно, окрылённый первой влюблённостью юноша. Ира поднялась навстречу мужу и пошла к нему быстрой уверенной походкой. В модной кожаной курточке и обтянутых джинсах, которые делали её маленькую крепкую фигурку ещё стройнее, она не шла, а плыла, словно лебедь, полная ожиданием свершившегося чуда. Освещённая лучами осеннего солнца, которое уже успело подняться над городом и разогнать пелену утренней дымки, она тихо приближалась к мужу. Её осветлённую чёлку, полюбившегося каре, слегка теребил лёгкий ветерок. Немножко растерявшись, она остановилась и отдалась в объятия мужа. От волнения и быстрого бега у Нико-

лая перехватило дыхание и, на одном духу, он произнёс свой тревожный монолог, забыв даже поприветствовать свою половинку:

– Ириша! Ну, что же ты так, а? Надо же было, как-то договориться, я бы встретил тебя. Ну, зачем ты так, а?

– Она посмотрела на него виноватым детским взглядом, вместо долгих объяснений, и он, без слов, всё понял. Слегка наклонившись к ней, он взял её родное лицо в свои крепкие руки и поцеловал жадным поцелуем желанные пухленькие губки. Почувствовав вкус подзабытой нежности, его тело слегка содрогнулось, и незаметная дрожь промчалась от головы до пяток. Заволновалось сердце, словно, подавая азбукой Морзе незатейливое «SOS», оно сжималось и разжималось, распределяя по всему телу алую влагу, несущую к каждой частичке тела приятное живое тепло.

Оторвавшись от поцелуя, Николай снова посмотрел на жену, уже тёплым родным взглядом, успокоенным и благодарным. Он смотрел на любимое лицо жены и глаза их встретились взглядами. Её взгляд не излучал той былой радости, которую он привык созерцать. Глаза оставались какими-то загадочными и немножко грустными, а, чуть потемневшие, глазницы выдавали неподдельную усталость.

– Давно ты здесь? – спросил Николай, нарушив установившееся молчание.

– Почти третий день. Устала очень. Сильно перенервничала. Уже кончаются деньги, и я жутко хочу кушать, – слепив всё в кучу, быстро залепетала Ирина.

– Родненькая моя, попробуй теперь всё сначала и по отдельности, не так быстро, – остановил её словоблудие муж, нежно привлекая к себе.

– По отдельности? – переспросила Ирина и, тут же, продолжила, – тогда надо забрать в гостинице вещи и сдать комнату, а то придётся уплатить ещё за сутки.

– Ясно. Но обстановка усложняется, – сказал Николай, ласково поглаживая жену по голове, словно маленького ребёнка.

Ирина нырнула к мужу под мышку и, прижав голову в области сердца, тихо спросила, игриво поглядывая на мужа: снизу вверх:

– Какая такая обстановка? Это – раз. И, почему она усложняется? Это – два.

– А такая обстановка, – Николай стал подыгрывать жене. – Ты куда приехала? – спросил он и сам же сразу ответил: – А в другое государство ты приехала. Так, вот, поэтому надо отметить на погранзаставе, то бишь, зарегистрироваться и получить документ, чтобы быть полноправным членом общества этого государства. Посему, принимаю решение: сначала едем в гостиницу и забираем вещи, затем я отвожу вещи на судно, договариваюсь с нашим агентом и едем на заставу регистрироваться, а по пути, куплю тебе пирожок, чтобы не визжала, аки поросёнок. И только, когда получишь документик, тогда я проведу тебя на судно и стану усиленно откармливать, чтобы возобновить потраченные силы. Поняла?

– Как это утомительно, – разочаровано призналась Ирина и добавила к сказанному, – поступай, как знаешь. Я приехала, тебя встретила, поэтому теперь ты начальник и голова, вот и решай, а я подчинённый и шея, вот и буду вертеть.

Ирина улыбнулась и прижалась к мужу, понимая, что за ним она теперь, как за стеной, каменной и могучей. Николай улыбнулся ей в ответ и ласково поцеловал. Он был рад видеть её повеселевшей, такой она ему нравилась больше. Такой он всегда её представлял, когда вспоминал в далёких рейсах. Они ещё раз улыбнулись друг другу и повеселевшие пошли, рука об руку, на стоянку такси.

Быстро справившись с делами в гостинице, они на том же такси, нанятом возле порта, вернулись на ту же стоянку. Николай молнией смотался на судно, отнёс вещи жены и, благодаря спутнице удачи, встретил агента на судне, что сэкономило лишний час времени. Уже, вместе с агентом, на его личной «девятке», они съездили на заставу, где агент сам помог им справиться с законными формальностями, как знающий все ново введенные требования. Изрядно вымо-

таннные, они вернулись на судно к вечернему чаю, но остались довольные итогом проделанной работы.

Первым делом, Николай дал жене возможность переодеться в халат и покормил оставленным ему с обеда пловом и салатом из свежей капусты, сам же, довольствовался остывшим гороховым супом с поджаристыми сухариками. Оставшись с женой, несколько минут наедине, Николай успел расспросить её о домашних делах и, снабдив подшивкой «Фактов», стал собираться достаивать вахту Толика, так сказать, отдавать утренний долг. Уходя, он предложил жене принять душ и отдохнуть. Ирина приняла предложение мужа и сходила в душ для женского персонала команды, затем, пока волосы подсохли, полистала подшивку «Фактов». Читать совсем не хотелось, спать тоже и, переодевшись в спортивный костюм, она вышла на спардек наблюдать за выгрузкой апельсинов. Наблюдая за работой докеров, она размышляла о нахлынувших, проблемах, понимая, что добавила своим приездом достаточно хлопот своему муженьку. Теперь он стоял вахту за матроса, которому остался должен за утреннюю вахту, а с двадцати вечера будет до полуночи стоять свою вахту. На личную жизнь времени совсем не оставалось, если не учитывать ночи и времени предназначенного для сна. Ведь, с восьми утра снова вахта. Ирина видела, что у мужа работа в постоянном движении. Находясь на вахте у трапа, он постоянно отвлекался на, какие-то, другие работы: то сматывал шланги после приёмки питьевой воды, то проверял уровень в балластных танках, то спускался в трюм, обеспечивая докеров дополнительным переносным освещением.

Вечерело. Солнце ещё не зашло, но спрятавшись за дождевую тучу, исчезло из виду. Стал намрякать мелкий дождик, и этого было достаточно, чтобы докера прекратили выгрузку. Николай стал за дистанционный пульт закрытия крышек трюмов, управляя закрытием первого трюма, затем и второго. Мимолётом Ира увидела, спускавшегося по трапу Алексея. Както произвольно, чисто, благодаря, женскому самолюбию, она, на мгновение, сравнила его со своим мужем. Конечно же, Алексей был не ровня мужу во всех отношениях. Ей показалось, что Алексей стал похож на хитрого лиса, который в любой ситуации старался найти для себя, хоть, какую-то выгоду. Отодвигая от себя произвольные мысли, Ирина спустилась вместе с мужем на главную палубу. Вроде бы, всё успокоилось, прежним остался только мерзопакостный осенний дождь и покладистый муж, который, наконец-то, занял место вахтенного у трапа. Так они и несли вахту вдвоём, пока Николаю не пришла подмена, чтобы дать возможность сходить на ужин.

Переодевшись в чистый спортивный костюм серого стального цвета, на всю спину, которого, растянулась фирменная надпись «NIKE», Николай отправился вместе с женой в кают-компанию. За столами в кают-компании было пусто, все члены экипажа уже отужинали, и Николай, усадив жену, стал за ней ухаживать, как за дорогой гостьей. Сам он первое блюдо на ужин не кушал, следя за лишними килограммами, а жене предложил, так как точно знал, что она уже несколько суток не хлебала горяченького. Супчик был вкусным, наваристым, и Ирина с большим удовольствием съела полную тарелку. Второе блюдо она уже не хотела, но молоденькая буфетчица Юлия настояла, и Николай принёс жене отбивную с овощным салатом без гарнира. Сам же, от гарнира не отказался и тоже, с немалым удовольствием, умял запечённую в духовке Израильскую картошку, аппетитно подрумяненную и довольно таки вкусную. Плотноту отужинав и задоблив съеденное порционными стаканами апельсинового сока, они поблагодарили камбузных волшебниц, и ушли в каюту, где несколько минут, пока Николай передевался в робу, были одни. Поцеловав жену, Николай предложил ей отдохнуть, а сам скрылся за дверью, следуя к месту несения вахты.

Оставшись наедине со своими мыслями, Ирина взяла подшивку «Фактов» и стала листать страницы, пока ей не приглянулась какая-то газетная «утка» об очередной вечеринке украинской элиты. Дочитав статью до конца, Ирина почувствовала, что веки её предадут и начинают

закрывать. Не дождавшись мужа, она разделась, оставив на себе только лёгкую майку, улеглась в чистую постель, легла на бочок и сладко уснула.

Далеко за полночь Ирина проснулась от посторонней возни. Это Николай мостился в койку. Сменившись с вахты, он принял душ, тщательно вытерся и, пытаясь отодвинуть жену ближе к переборке, занимал освобождающееся место. Конечно же, он был уставший, но долгое время, проведённое без женской ласки, взяло верх над рассудком. Нырнув в, нагретый чистым женским телом, конвертик своей коечки, он тут же прижался к жене и стал привычно ласкать её любимые эрогенные зоны. Уже, окончательно проснувшись и заметно расчувствовавшись, Ира стала подыгрывать мужу, накаляя пробудившиеся страсти. В итоге их настигло обоюдное желание, и они бессовестно слились в трепетном экстазе, получая взаимное наслаждение, которое пришло привычно быстро, после чего, их тела ещё продолжали испытывать догоняющие ласки. Ласки становились ленивыми и, немного понежившись, они уснули.

Утром Залесский проснулся ровно в семь. Он каким-то незримым чувством мог определять время. Всегда опережая заведённый на семь утра будильник, он просыпался за несколько минут до сигнала будильника, а, когда, звучал звонок по судовому телефону, то уже был готов сразиться с очередным завтраком. Позавтракав, он вернулся в каюту, неся в руках чашку чая и горячие бутерброды, обеспечив, таким образом, жену завтраком «с доставкой на дом». Осторожно прикрыв дверь, чтобы не разбудить жену, он переоделся в робу и, нежно поцеловав её в губы, ушёл на вахту. Ушёл, имея ещё добрых двадцать минут про запас, чтобы успеть сделать привычный обход судна, проконтролировать приборку ночной вахты, предварительно спланировать повседневные работы и вовремя занять место вахтенного у трапа.

Соответствуя хорошему настроению судового боцмана, само утро с ним было солидарно. Наперекор всем чертам поздней осени, рассвет выдался тихим и безоблачным. Приняв вахту, Залесский сделал для себя вывод, что ночью докеры поработали интенсивно. Первый трюм уже был закончен, оставалась ещё третья часть твиндека второго трюма и полностью второй трюм. Контролируя трап, боцман старался попутно управляться и с повседневными судовыми работами. Закончив замерять уровни воды в балластных танках и, проверив расход питьевой воды, Николай выбрал объект работы поближе к трапу и стал зачищать ржавчину на внутренней поверхности фальшборта, в районе кормовой части надстройки, сразу же, грунтуя, зачищенные места.

Пока муж занимался боцманскими делами, Ирина отлично поспала, проснувшись от щекотливого солнечного лучика, проворно проскользнувшего в каюту, сквозь чистое стекло круглого иллюминатора. Немножко понежившись, она привела себя в порядок, отведала остывший завтрак и стала наводить в каюте чистоту, чтобы облегчить мужу трудовые будни. Протирая пыль и зачищая жёсткой одежной щёткой ковролин, Ирина так увлеклась, что перестала контролировать время, которое приближалось к полудню и, тем самым, к концу боцманской вахты.

Вовремя сменившись с вахты, Николай ополоснулся в душе и, переодевшись в чистую одежду, пригласил жену на обед. После обеда отпросился в увольнение, чтобы показать жене город. День был, словно, по заказу, тёплым и солнечным. Радуюсь осеннему солнцу, они решили до центра прогуляться пешком. Город ещё не успел скинуть праздничное убранство, оставшееся после празднования очередной годовщины Великого Октября. Сразу было видно, что в России этот праздник, пока ещё, праздновали с размахом. Кое-где, продолжали развеиваться флаги бывшего СССР и других социалистических республик союза, вперемешку с флагами Российской

Федерации, навевая приятную ностальгию по прошедшим временам. Временам, отождествляющих юность, молодость и счастливое детство многих людей, выходцев и ставленников Страны Советов. Прогуливаясь и наслаждаясь тёплым осенним днём, они пришли на городской рынок, где стали ходить по вещевым лоткам. Товар был такой же, как и на Укра-

ине: турецкий, польский и китайский, вот только цены в Украине были гораздо дешевле. Так ничего не купив, они вышли к светлому красивому зданию, оказавшимся огромным книжным магазином. От посещения такого важного магазина нельзя было отказаться, поэтому, работая мыслями параллельно в унисон, они направились к его центральному входу. Здание было новой постройки с просторными отделами, где размещалось огромное множество всевозможных книг. Все книги находились строго по конкретному направлению: наука, публицистика, художественная литература, искусство, техническая литература и всякая разная литература, которую раньше, ни за какие деньги, нельзя было купить. Такого изобилия книг Ирина ещё не видела. Она с восторгом стала разглядывать красочные обложки, остановившись в отделе, где лидировали книги по кулинарии. Николай понял, что настало время идти менять доллары на рубли. Оставив жену выбирать книги, он сбегал в ближайший банк и поменял сотку, чтобы хватило на покупки и на билет, так как, билет на автобус уже надо было брать, оттягивать нельзя, надо быть чуточку впереди развивающихся событий. Пока он бегал в банк, Ирина выбрала три приглянувшиеся ей книги, которые явно займут достойные места в её книжной коллекции. Это были книги о вкусной и здоровой пище, о комнатном цветоводстве и о, забытом нынче, женском занятии, которое красиво называется «рукоделие». Задержавшись возле кассы, они расплатились за книги, затем посетили небольшой барчик, чтобы выпить по чашке натурального кофе. Взбодрившись, пошли гулять по главному городскому проспекту с громким названием Советский. Они шли сквериком, любуясь осенними пейзажами и различными памятниками, часто встречавшимися на пути. Это были памятники героям войны и труда, а так же, выдающимся российским литераторам.

У памятника А.С.Пушкину они остановились и стали наблюдать за тусовавшейся молодёжью. Молодёжь лет до двадцати кучковалась по интересам, одни слушали музыку, другие прикалывались друг перед другом, третьи катались на роликах, выделывая различные каскадёрские трюки. Многие молодые люди курили, пили пиво и «колу», громко разговаривали, смеялись и просто весело проводили время. Понаблюдав за молодёжью, они, не сговариваясь, вспомнили о сыне, обсуждая его учёбу и поведение, ведь тусующиеся были его ровесниками. Конечно, Игорь был серьёзнее своих погодков и интересы в него были гораздо важнее «колы» и пива. Игорь много внимания уделял спорту, посещал секции «карате» и плавания, играл на шести струнной гитаре и друзья у него тоже были его круга.

Погуляв по проспекту, ещё несколько минут, Залесские свернули в сторону морского вокзала. Как только они вышли на набережную, их взору открылась панорама махины военного корабля. Это был артиллерийский крейсер «Михаил Кутузов», который стоял в качестве музейного экспоната и открылся для посещения туристами, хотя, там и продолжали нести службу моряки Черноморцы военного флота России. Ира отказалась посетить громадный крейсер и, они, просто, прошли мимо его борта, разглядывая невообразимое количество разнообразных стволов артиллерийских установок, которые торчали из крейсера, словно, иголки с ёжика. Видно было, что службу на корабле бдели так, как, корабль был выкрашен и внешне чист, а некоторые матросики наводили на верхней палубе приборку, драили палубу и чистили медные изделия до золотистого блеска.

Пройдя вдоль крейсера, Залесские прошли мимо мор вокзала и оказались на широкой набережной, где прогуливались группы заезжих туристов и, окрылённые, романтическим влечением, парочки. Они тоже присоединились к ним, став любоваться на, побагровевшее, в лучах солнечного заката, море, которое привлекало к себе, своим таинственным и, особо, выразительным пейзажем. Огромные белые чайки кружились над набережной и сидели, прямо на бетонных плитах, не боясь прохожих. Они громко кричали, прыгая, друг перед дружкой, по-своему радуясь прощальному тёплому дню. Залесские прошли мимо чаек и остановились возле памятного монумента с огромным старинным адмиралтейским якорем, грациозно выкрашенным в чёрный цвет.

– Ник, смотри какая красота! – восторженно окликнула мужа Ирина, указывая рукой в сторону моря.

Николай взглянул в направлении руки жены. Да, пейзаж был, действительно удивительный. Большое багровое солнце касалось краем своего диска до ровной поверхности морского горизонта, разукрасив, осеннее свинцово-синее море, лучами огненно-красного багрянца. Огненно-красными были и, стоящие, на далёком рейде, суда. Казалось, что с заходом солнца, море готовилось ко сну, такое спокойное и чистое, словно, несколько дней назад, вовсе не было никакого шторма. Солнце близилось к закату, не торопливо пряча свой круглый диск,

принявший окрас остывающего раскалённого железа, что уходил за черту горизонта, словно ныряя в морскую пучину. С солнечным закатом надвинулись сумерки, и Залесские, налюбовавшись вдоволь удивительным пейзажем, снова направились в сторону проспекта. По пути они заметили заманчивый бар с интригующим названием «Корсар», и Николай предложил жене зайти туда, посидеть. Бар находился в полуподвальном помещении, и они спустились внутрь по деревянной винтовой лестнице, напоминающей трап старинного парусника. За дверью, такой же оригинальной, покрытого лаком и окованного металлическим листом дерева, им открылся непредсказуемый интерьер в стиле флибустьерского фрегата. Небольшое пространство зала зияло свободными столиками и, практически, было свободным, не считая двух филиппинцев или китайцев, сидящих в дальнем углу, ведя непринуждённый разговор и куривших под ароматный кофе. Ирине не понравилось, что в баре пахло сигаретным дымом, и она не захотела оставаться в «Корсаре», предложив мужу взамен, прогулку по свежему воздуху. Выйдя на Советский проспект, они направились в сторону базара, но, уже, по противоположной стороне. На пути им встречались красивые архитектурные сооружения, одним из которых, было здание городского «Главпочтамта». В интерьере здания было много мрамора и изделий из чёрного дерева. Латунные ручки на дверях сияли блеском, словно из золота. Они зашли вовнутрь здания. Посетителей было очень мало. Близился конец рабочей смены и они, осмотрев здание внутри, быстро его покинули. Дальше заглянули в магазин «Кубанские вина», где Николай купил бутылочку кубанского «Мерло», которое решили продегустировать на судне. Затем направились в сторону автовокзала, обсуждая по пути назревающий вопрос отъезда Ирины. Благо с билетом проблем не возникло, и Николай удачно приобрёл билет на рейсовый автобус «Геленджик – Симферополь», отправляющийся следующим вечером. К тому времени планировали загрузить судно металлом назначением на Хайфу, а оставлять жену на произвол судьбы, желания не возникло. Николаю достаточно было тех приключений, которые свалились на неё по приезду в Новороссийск. Теперь его душа и совесть оставались спокойными: всё, что от него требовалось, он сделал и обеспечил на столько, насколько позволяло время, свободное от служебных обязанностей. Однако и Ирина не предъявляла к мужу больших требований, понимая ситуацию, в которой они оказались. Ей всё нравилось. Нравилось судно, понравился город, понравилась прогулка – не нравилось только одно и единственное – слишком мало времени у мужа оставалось для родной жены. Хотя она всё прекрасно понимала и претензий к мужу не имела.

Вдоволь нагулявшись, обратно в порт они приехали на такси и успели к ужину. Ужин Николай принёс в каюту, и они, чисто по домашнему, посидели в узком семейном кругу, дегустируя кубанский «Мерло» да обсуждая, увиденные в городе достопримечательности и наболевшие проблемы, а впереди ожидала Николая очередная вахта, прощальная ночь с женой и скорые её проводы в дорогу. Прощальная ночь ждала своей участи. Ира специально не ложилась спать, а дожидалась мужа. Ведь это была прощальная ночь. «На следующий день уезжать, – нахлынула печальная мысль. – И снова одиночество. Снова месяц, а то и два не видеться с мужем». Когда Игорь был маленьким, они вместе оставались ждать отца из рейса. Ирина занималась воспитанием маленького сынишки и, в таких приятных заботах, время короталось быстро, скрашиваясь присутствием сына. Теперь Игорь подросток и вечера проводит в другом обществе, а она – одна и неизвестно, сколько ещё будет тянуться это невозмутимое бремя, свалившееся на её плечи, сразу же, после окончания института и тянувшееся, уже, почти, два десятилетия. Будет ли этому конец? Постоянно напрашивался вопрос. Она очень хотела знать ответ, но ответа никто дать не мог. Будут ли, они жить, как все нормальные люди? И этот вопрос оставался всегда без ответа. Было время, когда она пыталась разговаривать с мужем на эту тему, но он всегда находил обоснованную причину и разговор заходил в тупик. Тогда она поняла, что разговаривать с ним бесполезно. И каждый раз, когда приближался финансовый крах, они оба понимали, что деваться некуда и это единственный способ честно заработать

трудовую копейку. Николай был моряк, и море было его стихией. Здесь он умел заработать и обеспечить себя и семью. Она видела, как он любит свою работу, свою профессию – настоящую мужскую профессию. Он умел трудиться, но за свой труд хотел получать достойную зарплату, а на берегу, сколько не пробовал, так ничего и не получилось. Ирина понимала, что морская профессия мужа – это тот путь к нормальной обеспеченной жизни, который спасает от бедности, и другого пути, пока нет. С этим ей и приходится постоянно мириться, воюя мыслями только сама с собой. Перед мужем этот вопрос она, уже, перестала ставить и не затевала беседы на эту тему, понимая, что такая беседа только испортит ночь, а этого она не хотела. Она хотела любить и быть любимой, чувствуя эту радость, хоть, изредка, когда выпадала такая возможность. И она дождалась исполнения своего желания, но только быть любимой и любить самой. В эту ночь они любили друг друга горячо и сладострастно до безумия, пока, утомлённое желание не насытило до краёв потребность истосковавшейся плоти.

С рассветом пришёл новый день, и новые заботы закрутили очередной виток повседневной суеты. Проводив мужа на утреннюю вахту, Ирина стала укладывать личные вещи в свою походную сумку. Аккуратно укладывая одежду, она бросила печальный взгляд на своё бордовое вельветовое платье, которому так и не нашлось применения, за исключением случая с Алексеем. Она пыталась забыть тот вечер, но память упорно теребила эту мимолётную ситуацию, заставляя Ирину грызть себя за эту маленькую женскую слабость, слабость – ощущать себя любимой. Эти воспоминания, словно дерзкий дятел постоянно долбили её сознание, не оставляя ей полноценного покоя. Ирина уже задумывалась над тем, чтобы рассказать всё мужу и снять с плеч эту тяжесть воспоминаний. Хотя, она не могла знать, как Николай воспримет такое откровение, ведь, с таким случаем, они ещё не сталкивались. Они жили на полном доверии друг перед другом, но теперь... Как быть теперь? После случая с Алексеем Ирина чувствовала свою вину перед мужем, и эта вина, тяжёлой гранитной глыбой, давила её все эти дни. Она, уже, решилась на откровение с мужем: но как это сделать и когда? Этого ещё до конца не понимала.

После обеда Залесские немножко передохнули. Ирина окончательно проверила дорожную сумку, присели на дорожку и покинули судно. Николай отпросился до вечера, с таким расчётом, чтобы посадить жену на автобус и со спокойным сердцем прибыть на судно. Они шли вдоль длинного причала, у которого стояли ещё несколько сухогрузов. Суда были под иностранными флагами: греческим, сирийским, либерийским и мальтийским. Когда они проходили мимо греческого сухогруза «Sheeny Star», кто-то громким восторженным баритоном окликнул Николая:

– Колян! Залесский! – чётко и разборчиво услышал Николай за спиной.

Он резко развернулся на оклик, но на лице можно было прочитать только разочарование и удивление. Залесский, даже, мысленно не мог представить, что здесь сможет кого-то встретить. Он смотрел на бородастого увальня в фирменной оранжевой спецовке и, такой же, оранжевой куртке с блестящими светоотражателями и с расстёгнутой впереди молнией, не узнавая этого человека. В его чертах он не смог уловить ничего знакомого.

– Колян, ты, что не узнал? – радостно спросил бородач, рассматривая Залесского озорным задорным взглядом.

– Что-то никак не могу вспомнить, – смущённо признался Николай, протягивая руку для приветствия.

– Васька Мариц! Теперь узнаёшь? – гордо подсказал бородач, пожимая в ответ руку Николая.

– Ну, Васька, видать богатым будешь, – чуть повеселев, отметил Николай, узнав однокурсника по мореходной школе из молдавского городка Вулканешты и, пожимая руку приятеля, удивлённо пробасил: – Вон, какую бороду отпустил, кто же тебя узнает батюшку такого, тем более через столько лет?

– Заходи, Колян, покалякаем, поверь, нам есть о чём, не только вспомнить, но и перетереть, – не унимался Мариц, даже, не замечая, что Залесский не один.

– Спасибо, Василий. Я обязательно зайду на обратном пути. А сейчас извини, браток, жену провожаю и времени совсем в обрез, – пообещал Николай и, не простившись поторопился за женой, которая, чуть замедлив ход, шла дальше.

– Давай, Колян, поспеши, но обязательно зайди, слышишь! Нам будет, о чём поговорить! – кричал вдогонку Мариц, провожая однокурсника добродушной улыбкой.

– Однокурсник мой по мореходке, – сказал Николай жене, понимая её вопросительный взгляд.

Пока они ехали на маршрутном автобусе в сторону автовокзала, Николай успел рассказать Ирине о своём однокурснике, хитром молдаванчике, который, чудом окончил мореходную школу, из-за плохого знания русского языка. Само собой разумеется: какой из степного молдаванина моряк? Николай рассказывал, а сам подумал: «Вот, тебе и Мариц! И школу сумел закончить, и уже под «флагом» работает, только я всё никак не могу решиться, всё в патриотизм играюсь, а люди, уже, конкретные деньги зарабатывают. Да, надо поднатужиться, нанять репетитора по английскому и искать работу прибыльней. Зачем задёшево продавать себя и свой труд, когда за те же шесть месяцев можно получать раза в два больше», – Николай думал, но говорить с женой на эту тему не решался. Не ко времени в час отъезда поднимать давно волнующую тему. А Ирина слушала рассказ мужа и думала о своём, наболевшем за последние дни. Она пыталась поймать подходящий момент и рассказать мужу свою наболевшую историю.

На вокзал они прибыли заранее. Автобуса ещё не было. Судя по местному времени, до его приезда оставались считанные минуты. Николай предложил немного присесть на скамеечку, стоящую вдоль стенки вокзала. Они присели, но так, чтобы было видно автобусную платформу. Когда они сели и наступила мимолётная пауза, Ирина не выдержала и решила на разговор.

– Ник, я должна тебе, кое в чём, признаться, – начала она издалека, виновато поглядывая на мужа. – Ты только пойми меня правильно. Видишь ли, там ничего не было. Я просто хочу, чтобы ты знал, – она говорила быстро, не задумываясь, не давая возможности мужу вставить своё слово, – но меня, Коля, мучает этот поступок. Ведь я могла оступиться и совершить глупость, понимаешь? Я знаю, что я сама виновата. Если бы я не пришла тогда к нему на ужин, вообще бы ничего не было. А так, он пытался... Он приставал ко мне...

– Кто пытался? Что пытался? Что ты вообще за ерунду несёшь? – возмутился Николай, делая удивлённую гримасу.

– Понимаешь, Коля, это один человек, мы вместе ехали автобусом, потом жили в гостинице. Он приехал в порт на работу, – Ира продолжала свой рассказ, не называя Алексея. Она путалась в словах, понимала, что несёт чепуху, но не могла уже остановиться, – он за мной ухаживал, Коля. Я ему это позволяла. Но ничего не было, правда.

– Ну, что ты заладила, Ириша «было – не было». Зачем ты вообще этот разговор затеяла? – пытался остановить её Николай, чувствуя, что ещё немножко и проснётся в нём возмущённый гнев. Ему не хотелось слышать сейчас то, о чём лепетала жена. Собравшись с силой, он сумел погасить этот гнев. Ему удалось управлять собой, ведь не зря он на службе проходил курс психологии. Найдя в себе силы, чтобы успокоиться, он тихо и ласково промолвил:

– Видишь ли, Ириша, я, ведь, однозначно ничего не могу проверить, поэтому «было или не было» – это твоя тайна, твой грех или твоя правда. И, только ты будешь за это в ответе перед Всевышним. Я, же, как ты понимаешь – не батюшка и грехов не отпускаю, поэтому успокойся и забудь всё, о чём ты мне рассказала, хорошо?

– Ты, что не веришь мне? – возмущённо спросила Ирина и заплакала.

– Ну, что за цирк, ей Богу? – рассердился Николай, – верю я или не верю, разве это уже что-то изменит? Всё, что случилось, всё останется на твоей совести. Что мне теперь побить

тебя или бросить? Сама подумай – у нас взрослый сын? Мы уже девятнадцать лет прожили душа в душу и, после стольких лет, ты мне рассказываешь какую-то интрижку. Признайся, ты так решила себе цену набить, а? – Николай улыбнулся удачно разыгранной комедии и тому, что всё удалось перевести в шутку, обнял жену и прижал к себе. Ира тоже улыбнулась ему в ответ и поцеловала быстрым лёгким поцелуем, с удивлением спросив:

– Ты что, совсем на меня не обиделся?

– А за что обижаться? – вопросом на вопрос ответил Николай и продолжил: – Ты что, изменила мне? Бросила на произвол судьбы? Ушла к другому мужику или вычеркнула меня из своей жизни? Нет! Так за что же, мне обижаться? Всё, выбрось всякую чепуху из головы. А, вот и автобус!

Они поднялись со скамеечки, и пошли навстречу автобусу. Ира шла легко и беззаботно, чувствуя, что освободилась от мучительного гнёта воспоминаний, и мысленно дала себе слово: никогда больше не флиртовать с чужими мужиками. Она видела, как Николай переживал, слушая её рассказ, и понимала, какую силу воли надо иметь, чтобы спокойно слушать, не сорваться и уметь выслушать до конца, а затем всё закончить удачной шуткой и сделать вид: будто ничего не произошло. Так и поступают настоящие мужчины. А её муж и был таким – настоящим мужчиной. И она ни чуточку не сомневалась, что Николай такой – настоящий мужчина. Она, как никогда ощутила личную гордость за своего мужа и то, как сильно она его любит. Она сердцем понимала, что таких мужей просто нет в природе, и это, только ей одной, так здорово повезло с мужем.

Они простились мирно и благородно. Автобус уехал своевременно и между ними снова, необъятной воображению и незримой пространственной стеной, встала профессиональная изменница – злополучная разлука. А Ира ехала и смотрела из окошка автобуса на знакомые улочки города, в котором она ещё вчера находилась и, может быть, больше никогда не вернётся сюда. Думала о жизни и удивлялась добродушности и добропорядочности своего мужа. Думала о спрятанных в надёжном месте долларах, которые дал ей муж на прожиточный минимум, и боялась, чтобы не влипнуть, в какую-нибудь неприятную историю с таможенной. Сюда она проехала хорошо и, на такой же исход надеялась снова, двигаясь в обратном направлении. Времени оставалось с запасом, и Николай решил возвращаться в порт пешком, тоже думая о своём, нахлынувшем на него неожиданным сюрпризом. Первым делом его мучило признание жены. Конечно же, он сумел превратить такой значительный сюжет семейной драмы в маленький сюжетик импровизированного спектакля с достаточной каплей иронического юмора, но душа была не на месте, и все мысли сходились к одному: «Правду она сказала или нет? Был у неё интим с тем типом из гостиницы или нет?» – Он неоднократно проводил искомую черту между собой и женой, анализируя свои поступки. Как бы там ни было, но он всегда оставался верным своей жене. Да, были случаи, когда ему, в силу сложившихся обстоятельств, то ли по работе, то ли в кругу друзей, приходилось общаться с интересными женщинами. Да, смотрел он на них, возможно даже и с вождением, но порочащих связей не имел. Он знал и помнил христианские заповеди, прочитанные им, ещё в юном возрасте и чётко их усвоил. Одна из таких заповедей гласила: «Не возжелай жены ближнего своего» – являясь смертным грехом, но он знал и то, что смотреть на женщину с вождением, тоже было грехом. Хотя, как у каждого здорового мужчины, при виде красивой женщины возникают какие-то ассоциации и более, которыми он тоже не был обделён. Такое было. Но, ведь, от красоты никуда не деться. Глаза не спрячешь. Глаза смотрят и произвольно передают информацию в мозг, а, вот, сознанию приходится поработать, чтобы своевременно определить важность и правильную сущность принятой информации. Мысли, в данный момент, работают подсознательно, на уровне инстинкта. Так уж, устроен организм. Только спустя доли секунд, человек начинает осознавать рождающуюся мысль и, уже, сознание приводит его в чувство, когда, осознавая, он начинает думать и понимает всю важность поступка, расставляя на чаши весов свою совесть и честь. Да, именно

так и не иначе. А Николай был честен и перед женой, и перед своей совестью. Такая охота, рождённая похотью, его просто не прельщала, и он всегда оставался однолюбом, уважая выбор своей жены. Да, он знал категорию мужчин, которые не разделяли с ним такую принципиальность, но к ним он относился сочувственно: не осуждая и не одобряя, а вникая в сам корень зла. Ведь всё зависело от первопричины, из-за которой человек становился на эту скользкую стезю. Он мог быть рождён таким, ему это могло передаваться с кровью и молоком или генами от родителей, а могло быть, и приобретено на протяжении жизни, в силу каких-то обстоятельств. А обстоятельств могло быть много, и многие обстоятельства Николай знал по кругу знакомых, радуясь, что к нему они не относятся. Теперь он стал сомневаться: «А вдруг имеют? Вот и причина. Если у жены что-то было интимное с другим, так зачем перед ней оставаться в долгу? Вот вам и задачка. Вроде бы простая, а сколько неизвестных «иксов» в ней? Как её решить? И решается ли она вообще?» – С такими сумбурными мыслями Николай прибыл в порт. Проходя мимо теплохода «Sheeny Star», Залесский вспомнил о приглашении однокурсника и пошёл к трапу судна. Поднявшись на главную палубу, он поприветствовал вахтенного филиппинца общепринятым американским «Хай», назвав фамилию и имя однокурсника. Филиппинец, сию же минуту позвонил по телефону и, через пару минут, Мариц был возле парадного трапа.

– Бабо, зис май френд, ви лец гоу ту май кебин, андестенд? – обратился Мариц по прибытию на трап к вахтенному, быстро произнося английские слова и, уже, на русском, пригласил Залесского: – Пошли, Колян!

Залесский прошёл мимо «филиппка» и последовал за Василием. Они поднялись по крутому трапу на вторую жилую палубу, прошли мимо спасательных плотов и свернули налево в открытую дверь, где по прямому узкому коридору, освещённому люминесцентными лампами, попали в каюту, на дверях которой красовалась белая табличка с надписью «Botswain». Мариц по-хозяйски открыл каюту и, приглашая Николая сказал:

– Проходи, Колян в мои апартаменты, – он пропустил впереди себя гостя, затем зашёл сам и, показывая рукой на мягкий диван, заправленный серым плюшевым чехлом, предложил: – Присаживайся поудобней, могу угостить пивом, вином, кофе, ещё в наличии имеется джус и кола, что желаешь?

– Ты, Васька, прямо как официант в баре, принимаешь заказы, – пошутил Залесский, присаживаясь на диванчик и, осмотрев каюту, сказал: – Рассиживаться, Василий, мне некогда. Сейчас начало восьмого, а мне в восемь надо быть на судне, так что, могу с тобой выпить чашечку кофе.

Недолго думая, Василий тут же открыл нижнюю дверцу стола и извлёк оттуда компактную итальянскую кофеварку на две чашечки кофе, сделал все необходимые приготовления и минут через десять они дружно беседовали, попивая ароматный только сваренный кофе сорта «Арабика» известной итальянской компании «Лавазза». В разговоре выяснилось, что Василий, около шести лет, работает на «подфлажных» судах. Ещё работая в Черноморском пароходстве, он нанял репетитора по английскому и, пока, были кое-какие сбережения, успел обновить документы и подписать первый контракт в крьюинге «Колбай шиппинг», где экипажи были русскоязычные и английскому особого внимания не уделялось. Потом, поднаторев над английским, поработал от «Интермарина», затем «Джерела», теперь пристроился в компании «Глобал Стар», имея оклад в 1200\$ чистоганом, а с бонусами и овертаймом все 1500\$ выходило. Выслушав Марица, Залесский рассказал о себе и своих делах. Так слово за слово и скоротали время. Надо было покидать гостеприимную каюту и возвращаться в реальную жизнь на свой овощевоз. Мариц провёл Николая к трапу и они, по-приятельски обнявшись, простились.

Уже, поднявшись на борт «Венедикта Андреева», Залесский с доброй завистью посмотрел в сторону судна однокашника. « Да, какой был Мариц непутёвый, а теперь уже боцман, «подфлажник», на английском шпарит, так, сколько же мне работать, продавая свой труд по дешёвке, да ещё жди очередного приглашения в рейс? Всё, последний рейс и подаю документы

в крюинги», – решительно размышлял Залесский, ступая по палубе в сторону вахтенного матроса.

– Какие новости, Васильевич? – спросил он вахтенного, с внешностью мужчины пенсионного возраста.

– Погрузку закончили. Ждём документы и властей. Чиф обещался к ночи уйдём.

– Ясенько. Ты, Васильевич, подожди пару минут, я мигом перечехлюсь и сменю тебя, корешка встретил из «Шаини Стар», немножко перетёрли о жизни.

– Ясное дело, Николаич, – одобрительно пробасил вахтенный, напомнив: – Да ты не шибко волнуйся, есть у тебя время, ещё целых десять минут.

– Добренько, Васильевич, давай я мигом, ага, – заверил Николай вахтенного и, войдя в коридор, резко поймал себя на мысли: «Снова началась однообразная «кораблядская» жизнь, снова пахота за 450\$ в месяц. Всё, решение окончательное и бесповоротное, надо идти под «флаг», а иначе нам удачи не видать».

Залесский с такими мыслями зашёл в свою каюту, по-быстрому, снял куртку и пошёл на камбуз, где оставалась его порция «вермишели по-флотски». Справившись с ужином и, переодевшись в робу, поспешил сменить на трапе Васильевича, который стоял вахту вместо Толика, ушедшего на переговорный пункт сделать последние наставления своим семейным.

7.

Заканчивались очередные сутки стоянки в порту Новороссийск. Для моряков эти сутки ассоциировались с неудачей и всякой непредсказуемой чертовщиной, а всё потому, что был понедельник тринадцатое ноября. Многие знают, что старые бывалые моряки в понедельник и по тринадцатым числам в море не выходили. Тем паче, если это был понедельник, а в довесок ещё и тринадцатое число. Многие нынешние капитаны тоже не игнорируют старое поверье и стараются соблюдать веками сложившиеся традиции. Капитан теплохода «Венедикт Андреев» не считал себя суеверным, но исторические традиции чтит и соблюдал и, пока, не терял надежду сняться в рейс после «нулей», то есть после полуночи, когда календарным суткам откроется четырнадцатое ноября и начнёт свой отсчёт следующий день недели, то есть вторник. Не молодой, пред пенсионного возраста, он оставался ещё довольно подвижным и не в меру суетливым, наматывая за сутки десятки километров, что ему могли позавидовать и молодые. Ожидая отхода, он бегал по судну, выглядывая на портовые власти, которые, в силу только им известных причин, немного задерживались, что было на руку капитану и экипажу. Капитану не отдыхалось. Небольшого роста с редеющими седыми волосами, он чем-то напоминал самого Наполеона. Быстрыми шагами он ходил по капитанскому мостику от борта к борту, просматривая подходы к судну, то и дело, поглядывая на часы своими дальнотзорными глазами и, тут же, смотрел в сторону административного здания порта. Он ждал агента с портовыми документами и коносаменами на груз, после чего, можно было вызывать портовые власти. Время работало на экипаж.

Тихая ноябрьская ночь предвещала хорошую погоду. Сверкали в глубине ночи огни порталных кранов, сливаясь с общим фоном огней наружного освещения, стоящих в порту судов. Мерцали на небе мириады ярких осенних звёзд. Над бухтой светилась полная матовая луна, роняя на поверхность спокойного моря серебристую лунную дорожку, которая дарила лучезарные блики по ровной поверхности бескрайнего моря, затухая у самой береговой черты бухты и сливаясь с яркими блёстками звёзд, где-то за линией горизонта. И, в это позднее время, прибыл на судно агент. Грузовые документы были в порядке. Команда провела само досмотр судна, а буфетчица успела накрыть в кают-компании стол из нехитрых блюд от представительского фонда капитана. Судно было готово к встрече властей. Основная часть приёма заключалась в ровненьких ломтиках сухого «сервелата», голландского сыра, сочных лимонов и вспо-

тевшей бутылочки «Nemiroff» с перцем. Неотъемлемым атрибутом такого джентльменского набора были сигареты. На столе лежал блок греческих сигарет «Assos», дожидаясь своей участи в галантном дележе, предписанных традициями, трофеев.

Власти не заставили себя долго ждать и, вскоре, на борт прибыло четыре человека: два таможенника и два пограничника. Для начала были проверены судовые документы, затем пограничники прошлись по каютам, осуществив «фейс» контроль, сверяя членов экипажа с их же морскими удостоверениями. Таможенники не стали проверять каюты, они только издали взглянули на трюма и пошли ставить печати на отходные документы, налегая в основном на неофициальную сторону своего визита, приводя содержимое столов в собственное наслаждение, выраженное кревоугодием.

Благодаря, именно, этому незначительному угощению, штемпеля, оповещающие об отходе судна в рейс, стояли, соизмеримо нужной дате: четырнадцатое ноября.

Судно выходило в красивую ноябрьскую ночь. Быстро закончился «аврал» и акватория порта осталась за кормой, напоминая о себе яркой ночной иллюминацией припортовых сооружений. Ритмично в такт заработали главные двигатели, ровно усиливая нагрузку на винты, разворачиваемые свои вращающиеся лопасти на восемьдесят процентов, что соответствовало «полному ходу», усиливая, таким образом, скорость судна до «полного хода вперёд». Двигаясь на полном ходу, судно красиво рассекало форштевнем ровную гладь поверхности моря и далеко за кормой оставляло ровный шлейф кильватерной струи, смело мчась вперёд, по заранее проложенному курсу.

На море стоял полный штиль, окутанный чистым и прохладным воздухом. Николай сладко вздохнул и, выдыхая, наблюдал, как парило его дыхание. Он вспомнил маленького сынишку, который в детстве дурачась, называл такое дыхание «вздохом Змея Горыныча». На душе, как-то по-особому, было тепло и приятно. Он шёл по главной палубе. При свете луны палуба сверкала свежим инеем проснувшегося мороза. Легко скользя по поверхности палубы, Залесский обошёл свои «владения», называемые на флоте заведованием, ещё раз убедился, что всё закреплено по-походному, а палубные механизмы зачехлены. Пройдя в надстройку, он зашёл в каюту и, первым делом, доложил по телефону старшему помощнику капитана о готовности судна к морскому плаванию, только после этого, принял душ и затерялся до утра в глубоком сне.

Выдался обычный рядовой рейс. Идя ходом в девять узлов, судно через трое суток прошло пролив Босфор, легко преодолело Мраморное море и пролив Дарданеллы. Умело маневрируя среди небольших островов, оставили за кормой Эгейское море. На этом везение кончилось. Средиземное море встретило судно шальным восьми бальным штормом, что для этих широт, в такое время года, вовсе не в диковинку. Чтобы уйти от неприятной бортовой качки, не рискуя грузом и людьми, капитан решил укрыться от шторма за греческим островом Родос, где пришлось дрейфовать несколько дней подряд. Когда ветер поменялся с западного на северо-западный, а потом и вовсе на северный, а шторм стих до пяти баллов, судно снова взяло курс на Хайфу. Идя в грузу и подгоняемое в корму резкими порывами нордического ветра, «Венедикт Андреев», легко преодолевал морские мили, зарываясь носовой частью в штормовую волну и выныривая из неё, словно, подводная лодка. Пока шли, ветер стих до трёх баллов, и Хайфа приняла судно с неподкупным еврейским радушием. Груз был важным, и на рейде стоять не было необходимости, порт сразу принял судно под выгрузку металла. Во время разгрузки, в порт беспрепятственно приезжали таксисты, из бывших соотечественников по СССР и предлагали свои услуги по организации экскурсий в Иерусалим. Такая услуга стоила от 20 до 25\$, но желающих среди экипажа в количестве четырёх человек не набиралось, а платить больше, никто не хотел, и таксисты уезжали ни с чем. Всё-таки для украинца, в те времена, 25\$ были приличными деньгами, когда бюджетники получали за свой труд, каких-то 400 гривен в месяц при курсе четыре гривны с копейками за доллар. Поэтому, может быть, люди жалели выбрасы-

вать на ветер такую сумму или боялись участвовавших перестрелок и террористических актов арабского населения против израильтян. Времени на такие экскурсии тоже не всегда хватало. Члены экипажа, даже в город не выходили, а решали все свои проблемы с покупками подарков для родных, прямо в припортовом магазине «фри шоп», где фирменный товар продавался беспощинно. Выгрузка металла заняла два дня. На третьи сутки матросы убрали сепарацию, подмели трюма, после чего началась погрузка цитрусовых и разных овощей на украинский порт Николаев и русский порт Ейск.

В самый разгар погрузки, когда умеренный «норд-вест», уже, успел развеять плотные серые тучи, и сине-голубое небо предвещало хорошее начало дня, а принятая накануне карта погоды не давала никаких оснований на резкие её колебания, в Нептуновом царстве, на спокойной и гладкой поверхности моря, стала появляться незначительная рябь. Шторм ожидался только через сутки и весь экипаж надеялся, что к этому времени погрузка будет завершена. Но так думал экипаж, а не сам морской владыка, который наплевал на прогноз синоптиков, понимая, что синоптики те же люди, а людям иногда свойственно делать ошибки. Вот и на этот раз они крупно ошиблись. К обеду ветер усилился, не меняя направления, и море заволновалось всерьёз. Порт Хайфа был слабо защищён от шторма и, находящиеся в порту суда, всегда имели, какие-нибудь неприятности, ибо, швартовные концы работали с большой перегрузкой и иногда, приходилось ожидать неприятных сюрпризов. К обеду волна поднялась несколько выше, достигнув по своей шкале показателя в восемь баллов. Ударяясь о правый борт, волна легко достигала бортов трюма, разбрасывая свои солёные брызги на погруженные, с ценным грузом, полеты. В срочном порядке остановились порталные краны, и боцман с матросами стали закрывать крышки трюмов. Свободно перемахивая фальшборт, волны оглушительным водопадом расплывались вдоль трюма, легко достигая монорельсов, по которым скользили трюмные крышки, то и дело, пытаясь проникнуть в самое чрево трюма. Во избежание подмачивания груза, пришлось остановить грузовые операции и закрыть трюма. Внезапно наплывшие тучи принесли с собой мелкий дождь, который перемешивался с солёной морской волной, образуя плотный водяной вал. Сизая мгла застлала небо, несколько ухудшая круговой обзор и видимость в целом. Судно, словно, кукла «неваляшка» покачивалось с борта на борт, то поднимаясь над срезом бетонного причала, то опускаясь снова, словно, желая уйти в открытое море вместе с отливной волной. Правильно заведённые швартовной командой полипропиленовые швартовные концы, надёжно удерживали стальную посудину у причала и не давали грозной волне осуществить задуманный Нептуном коварный замысел. Охваченные стихией, концы скрипели и потрескивали, то, набиваясь, словно, струна, оцетинившись лохмотьями мелких задиров, то снова ослаблялись, вяло провисая над уходящей волной. Технология швартовки заранее предусматривала различное направление внезапно возникающих ветров, посему швартовы были заведены так, чтобы часть их была рабочей при прижимной волне, а часть при её отливе, надёжно прижимая судно к резиновым причальным кранцам. Хотя, при сильном шторме, иногда и самые прочные концы, лопались, словно, старый пеньковый фалинь. Во время набивки, концы тёрлись о кромку бетонного причала и металлические клюзы, постепенно протирая составные волокна, после чего, конец, не выдерживая нагрузки, просто, лопался в слабом уязвимом месте, издавая громкий хлопок, похожий на удар пастушьего кнута, усиленный в несколько раз. В таких случаях объявлялся «аврал» и швартовная команда, состоящая из боцмана и подвахтенного матроса, во главе с вахтенным помощником капитана, выходила к месту происшествия и устраняла нанесённый стихией вред. Порванные концы изымались и вместо них заводились новые, а если новые заканчивались, бывает и так, тогда из старых приспособляли всевозможные варианты, с помощью «дуплиня» и прочих флотских премудростей. В очередной такой «аврал», когда боцман Залесский, работая турачкой, набивал с помощью кормового шпиля, новый заведённый швартовный конец, на его глазах, в мгновение ока, произошёл обрыв соседнего прижимного конца. От дальнего кормового

пала донёлся резкий оглушительный хлопок. Боцман Залесский имел отличную сноровку и боевую выучку, полученную, в своё время, на воинской службе. Скользящим боковым взглядом он успел заметить, как оторванная гаша осталась вяло свисать с пала, а натянутый до предела конец, как-то, враз, ослаб и, извиваясь, со свистом, словно, змея в предсмертном боевом прыжке, молнией подобным зигзагом направился к нему. Натренированным движением тела, он перенёс нагрузку корпуса, увлекая тело назад и, сию секунду услышал свист, проносившегося над его головой смертоносного конца, удар, которого, пришёлся на леерное ограждение трапа, ведущего на вторую палубу жилой кормовой надстройки. Николай ещё успел увидеть быстро лопнувшие леера и моментальную деформацию поддерживающей их стойки, но немного не рассчитал своей внезапной реакции и, теряя равновесие, упал спиной на главную палубу, сильно ударившись затылком. Увильнув от верной гибели, он попал в другую беду. Находясь в шоковой эйфории от пронзительной боли и ничего не понимая, он вдруг ощутил нарастающую лёгкость, словно, какая-то неведомая им сила, вознесла его над всей кормовой площадкой. Он, как бы, видел своё ослабшее физическое тело, оставшееся неподвижно лежать на палубе. Как беспомощно распластались его руки и ноги. Он, вроде бы, хотел помочь своему телу подняться, но тело не слушало его. Движения оставались вялыми и тяжёлыми, словно, эта неведомая сила цепко держала его в своих неведомых объятиях. Тело оставалось неподвижным, пока матросы, руководимые вторым помощником, не переместили его в каюту. Боцмана несли и, хотя, он ничего не ощущал, мозг его продолжал работать и мыслить. «Что же это, я хотел жить так же, как и все они, – мыслило живое сознание, находясь в энергетическом поле над больным телом. – Хотелось есть, пить, имея всё, что надо человеку для полноценной жизни». Тело было серьёзно травмировано, а сознание продолжало мыслить о жизни, о той жизни, где всё определяло не бытие, как сказал философ, а наличие денежной массы. От тех злобных бумажек, которые каждый получал адекватно затраченному труду или своему умению добывать это зло, каким-либо, другим способом, даже не гнушаясь и самого криминала – у каждого своя стезя. Можно выучиться и стать опытным руководителем. Можно не учиться и зарабатывать на жизнь физически, чувствуя радость и наслаждение от проделанной работы или горькую боль и нахлынувшую усталость. Можно по-другому, играя в прятки с законом. Но при любом способе зарабатывания этих хрустящих разноцветных или зелёных бумажек, человек отдаёт частичку своей бесценной жизни, желая получать ещё больше благ за свой тяжкий изнурительный труд. «Неужели в этом вся истина человеческого существования? – продолжало анализировать ситуацию сознание. – А, ведь, каждый человек – это отдельный индивидуум и для чего-то родился? Для чего-то жил? Он должен чего-то достичь? Какая цель моей жизни? Для чего родился я? Неужели для того, чтобы, так легко покинуть своё тело? Видеть, как старпом пытается оказать первую помощь, как изменились лица матросов и второго помощника, какие испуганные глаза у прибежавшего капитана?» Сознание продолжало жить и, словно, наблюдало за всеми окружающими живыми глазами боцмана Залесского. Он уже чувствовал, как ему хочется помочь самому себе: вдохнуть поглубже свежий глоток воздуха, сильно надавить три или четыре раза на грудную клетку, чтобы заставить работать сердце и получить свежую порцию кислорода с новой волной пульсирующей крови, настоящей реки жизни и чувствовать, что сердце не остановилось на последнем вздохе. Но, что это? Он всё яснее стал осознавать, что нет у него ни рук, ни той былой силы, которой он обладал, как, в прочем, и нет ничего, чем бы он мог касаться предметов. Он, уже, стал, каким-то, простым и бессильным духом, способным только видеть и понимать, но вмешаться в происходящее он не мог.

Вдруг тупая ноющая боль пронизывающая весь затылок заставила Николая тихо застонать. Он, почти, ничего не видел, но стал чувствовать эту навязчивую неотступную боль. Ему захотелось открыть глаза, но веки показались тяжёлыми и неуправляемыми, словно, слитки застывшего свинца. Николай застонал сильнее, пытаясь открыть веки, и это у него получи-

лось. Вдруг, он отчётливо понял, что раскрыл веки и перед ним, белой пеленой, встала матовая полоска дневного света от люминесцентного светильника собственной каюты. Постепенно белая пелена стала проясняться, словно, мутная картинка в настраиваемом бинокле. Вот, он уже, стал распознавать расплывчатые лица. Он ещё шире открыл глаза и увидел перед собой лицо старпома. Старпом держал его кисть в своей руке и прощупывал большим пальцем, отчётливо появившийся пульс.

– Живой! – громко, с каким-то особым напряжением в голосе, крикнул он.

Николай понял, что это касается его собственной персоны. Оставаясь неподвижным, он отчётливо слышал облегчённые вздохи своих коллег и оживлённые разговоры, касающиеся обсуждения последних событий. Он поморгал ресницами и стал отчётливо видеть всё происходящее в своей каюте. Понимая, что больному нужен покой, моряки стали расходиться по своим делам, а в каюту осторожно вошла буфетчица Юля, совсем ещё юная девушка, делающая второй рейс в своей самостоятельной жизни. Николаю было хорошо слышно, как старпом напутствовал её, оставляя это юное очарование в роли сиделки. В мозгах быстро родилась мысль: «Вот те на, стыдоба то какая? Был здоров и могуч, а теперь девочка за мной присматривает», – он промолчал на это и только жалобно смотрел на буфетчицу, находящуюся в каюте возле его неподвижного тела.

Оставшись наедине с боцманом, буфетчица взяла с вешалки полотенце и, намочив его под струёй холодной воды, положила ему на лоб, потом к губам. Николаю стало свежо и приятно, на столько, что он спросил шёпотом:

– Что со мной, Юля?

Пытаясь подняться, он сумел только шевельнуть головой, но тупая стреляющая боль тут же дала о себе знать, и Залесский, только досадно простонал, оставаясь лежать в прежнем положении.

– Лежите, вам нельзя подниматься, – волнуясь, попросила буфетчица, убирая полотенце на спинку стула.

– Что со мной, Юля? – снова спросил Залесский и, направив жалобный взгляд в сторону своей сиделки, пожаловался, прищурив от боли глаза, – меня сильно знобит и болит затылок.

– Так вы же, сильно ушиблись затылком, не помните?

– Нет. Ничего не помню.

– Ничего, Николаевич, всё будет хорошо. Уже и врачей вызвали. Лежите спокойно, не волнуйтесь. Если что надо, так вы скажите, – заботливо щебетала буфетчица, пытаясь успокоить боцмана.

Николай тяжело вздохнул и снова погрузился в раздумья. Голова продолжала болеть, как и прежде, но сознание рождало новые мысли, мысли, которые не отличались большим оптимизмом, а, даже, наоборот, больше были пессимистическими. Ему до невозможности хотелось вывести теорию смысла жизни. Эта теория уже витала, где-то в извилинах серого вещества, но ещё не сгруппировалась в соответствующие фразы. Он чувствовал, что, уже, выудил её из прозревшего сознания, но ещё не может ухватить за самое важное. Как-то она не складывалась и не желала родиться. Вдруг нашло озарение: «Да, это то, что надо, – подумал Николай. – Смысл жизни – это итог завершённых дел, проделанных на протяжении всей жизни, измеряемый единицей денежной массы, приходящейся на каждый день прожитой жизни. Это, можно сказать, есть стоимость жизни человека здорового и полноценного. А стоимость одного прожитого дня равняется сумме денежных средств, заработанных на протяжении всей жизни, делённая на прожитые дни. Но, во имя чего всё это?» – Николай продолжал думать, а его мысли никак не сходились к общему знаменателю, и последний вопрос оставался без ответа.

Бурному потоку нахлынувших раздумий помешали приехавшие врачи, один, из которых был бывшим гражданином Украинской ССР, переехавший на исконно историческую родину, из Киева. Благо, врачам переводчик не понадобился, и они быстро управились с осмотром

нетрадиционного пациента. Главное череп оставался целым, а треснувшая кожа и приличная гематома их не пугали. Умело справившись с мешавшими волосами, бывший киевлянин тщательно обработал рану антисептическими средствами, наложил парочку швов, сделал перевязку и, оставивши на столе несколько таблеток содержащих антибиотики, порекомендовал из судовой аптечки «аспирин» и «тетрациклин», а напоследок сделал какой-то укол для быстрого выздоровления. Обращаясь к капитану, врач сказал:

– Рана не опасная. По всему видно, что сотрясения нет. Вероятнее всего от удара запяморочило малость в голове, но это пройдёт. Дайте ему дня три полный покой. Надо полежать, а дальше – по обстоятельствам: если тошноты, рвоты, температуры и других побочных явлений не будет наблюдаться, значит можно начинать легонько двигаться, но от резких движений и поднятий тяжести пока надо будет воздержаться до полного выздоровления.

Он похлопал боцмана по плечу, пожелал удачи и, пожимая руки, капитану со старпомом, быстро откланялся, уводя за собой своего ассистента и медбрата.

После трёх суточного лежания, Залесский немного пришёл в форму и стал потихоньку передвигаться по каюте, осмелился пойти в кают-компанию, благо, голова, уже, не болела так, как в первый раз, после того, когда он попробовал самостоятельно сходить в галюн. Слава Богу, дела шли на поправку. Пока штормило, судно оставалось в порту, затем приняло оставшийся груз цитрусовых и снялось в рейс к родным берегам. Была и первая самостоятельная вахта. Он отстоял вахту без приключений и особого вреда для своего пошатнувшегося здоровья. Проходя Босфор, боцман оставался на мостике как рулевой, а вместо него на бак послали третьего помощника капитана и одного матроса. Старпом не хотел рисковать здоровьем боцмана и полностью ещё не доверял ему выполнение боцманских обязанностей. А по приходу в порт Николаев, судно встречал новый, вновь назначенный боцман, а Залесский исправно сдал, как это полагается, свои служебные дела и обязанности, хотя, здоровье и шло на поправку. Ничего не поделаешь, море, как и женщины, любит здоровых мужчин. Простившись с товарищами, он покинул судно без сожаления.

8.

На улице стоял ненастный декабрьский день. Время было вечернее. То время, когда первая волна людей спешит домой, после окончания первой трудовой смены и занятий в учебных заведениях. Но спешить в этот день надо было медленно, в силу природного катаклизма, которые в те годы часто случались в зимнюю пору. Бывало так, что лёт привычный осенний дождь, воздух дышит запоздалой осенней прохладой и, вдруг, среди ночи, дождь превращается в мокрый снег, обильно ниспадающий с тяжёлых туч, витающих в поднебесье. К утру осадки прекращаются, а вместо них, с дуновением северного ветра, приходит жестокий резкий мороз, одевая всё вокруг остекленевшим панцирем. Точно таким был и этот день в Николаеве, поэтому и спешить не было особой потребности, чтобы целыми без приключений вернуться к семейным очагам.

Любуясь хрустальным панцирем, ночного сюрприза погоды, Залесский вышел через проходную порта и направился в сторону трамвайной остановки под кодовым названием «Порт», так как находилась она в пару кварталов от самого порта. Идти было очень скользко. Дорога в этот день представляла собой сплошной ледовый каток. Деревья, покрытые ледяной коркой стонали от тяжести свисавших к земле веток, часто оставаясь с острыми сучьями, оставшимися вместо тех веток, которые не в силах были удержать на себе, придавившую их, тяжёлую ношу остекленевшего ледяного панциря. Лёгкая мгlistая дымка опустившаяся, на непривычно остекленевший город, скрывала в своих объятиях тускло проглядывающийся, золотисто-багряный, силуэт, клонившегося к закату солнечного диска. Именно в такое погодное ненастье суждено было боцману Залесскому выбраться из города корабелов. Надо было добраться до

автовокзала и, чем скорее, тем лучше. Однако транспорт на улицах Николаева не радовал своим изобилием. Редкие отчаянные таксисты, выезжающие на свой рискованный промысел, проезжали мимо, стоявшего на остановке Залесского, уже, будучи арендованными такими же, отчаянными клиентами. Дороги и тротуары ещё не были посыпаны противоскользящими средствами, будь то песком или шлаком, и продолжать идти пешком дальше, Николай просто не хотел, ввиду своих отягчающих обстоятельств. На остановку пришло ещё несколько отчаянных граждан, и Николай, обратив внимание на чистые рельсы, понял, что стоит подождать трамвай. И не прогадал. Вскоре, прибыл трамвай из двух вагончиков, и Залесский, не без труда, втиснулся вовнутрь этого, так необходимого обществу, транспортного средства. Благо, вошёл в заднюю дверь и нашёл на задней площадке место для себя и своей дорожной сумки. До автовокзала доехали без особых приключений, если, не учитывая, что водитель трамвая несколько раз останавливался, чтобы убрать из путей упавшие ветки, но линия силовых электропроводов ещё уцелела, и ток в ней присутствовал, а это было главным. Залесский рискнул, всё-таки, заглянуть на автовокзал в поисках попутного автобуса по направлению Одессы, но был сильно разочарован, когда узнал у кассирши, что рейсовые автобусы из Николаева до Одессы отменены, а на транзитные – будут продавать билеты по прибытии автобуса. Николай знал, что его сегодня ждут дома, так как, сообщил по радиотелефону о своём приезде сразу после прохода Босфора. Ехать на железнодорожный вокзал ему совсем не хотелось. Оставив поездку поездом, как резервную, он пошёл попытать счастья среди частных маршруток. И не прогадал. Немного вспотевший от тяжёлой ноши, он добрался до остановки, где стояли два беленьких микроавтобуса «Мерседес» с одесскими номерами.

– На Одессу? – громко спросил чернявый юркий мужичок в короткой овчинной дублёнке нараспашку.

– Да, – коротко ответил Николай, остановившись возле двери первого микроавтобуса, чтобы перевести дух.

– Двойная такса, знаешь? – проинформировал чернявый, сверля своим хитрым взглядом сердобольного Николая.

– Теперь буду знать, – с иронией на лице ответил Николай.

– Ехать будешь? – не унимался чернявый.

– Буду, конечно, – заверил Николай своего навязчивого собеседника.

– Тогда сумку назад, в багажник, – скомандовал чернявый и, подхватив сумку Николая, ловко водрузил её в багажник вторым ярусом. Внизу уже находился ряд таких же, похожих чем-то между собой, брезентовых сумок.

Уложив багаж, Залесский последовал в салон маршрутки, где занял пустующее место в правом однорядном ряду сидений. Удобно устроившись на приятном мягком кресле, он откинул спинку и стал дожидаться отправки маршруток, вместе с такими же, затерявшимися среди обледеневшего города, пассажирами. На уставшем и обветренном морскими ветрами лице Николая, сияли сосредоточенным проникающим взглядом покрасневшие от усталости глаза, в которых, таилась надежда неизбежной встречи с домашними и восторженная радость, приближающегося отдыха со всеми наслаждениями, предстоящими моряку, при сходе на берег. Радость, которая могла быть понятной только людям, сопряжённой профессии, что не понаслышке знакомы с суровым флотским бытом и жизнью, полной необходимых жизненных лишений, оставляющих, в сердцах и душах моряков, своеобразный специфический оттенок.

Когда оба микроавтобуса были полностью укомплектованы пассажирами, водители прогрели моторы и тронулись в рискованный путь, соблюдая определённую правилами дистанцию. Они решились на поездку, подстраховывая один другого, а иначе в такую погоду невозможно ехать, надеясь только на Всевышнего и мужицкую «авось, пронесёт». Ехали медленно, казалось, что время остановилось. Но, вот, остался позади Варваровский мост с рекой Южный Буг, затем скрылись из виду мелкие частные дома, показался величавый герб города корабе-

лов, который тоже растворился в молочной предвечерней дымке. Трасса по колее, уже была немножко разбита и водители добавили газу. До Одессы ехали около трёх часов с хвостиком, на час с хвостиком больше обычного. Когда маршрутки заехали в посёлок Котовского, на дворе уже стемнело, но Одесса продолжала жить полноценной городской жизнью. Дороги были хорошо разбиты и тёмные от песка и шлака, особенно на перекрёстках. Движение транспорта было, как в обычный зимний вечер, а люди, как всегда, куда-то торопились, спешили и просто гуляли. Гуляли со своими четвероногими любимцами, влюблёнными парами, поодиночке, с детьми и просто так, нагуливая аппетит или крепкий сон. Чётко вырисовывались предновогодние приготовления: яркие новогодние гирлянды всевозможной иллюминации, бегущие огоньки, праздничные рекламы и светящиеся витрины магазинов со всевозможными разноцветными надписями на русском, украинском и даже на английском языках. Чувствовалось, что новый мэр города не только бывший партократ, но ещё и хозяин, умеющий поддерживать город в бурном жизненном ритме, не взирая, ни на какие погодные катаклизмы. Осталось совсем немножко. Вот проехали промышленную зону Пересыпи, мрачные развалины Молдаванки и, наконец, остановка конечная – центральный городской автовокзал.

9.

Занимаясь на кухне приготовлением дежурных блюд, Ирина услышала характерный шум открываемой металлической двери тамбура, перекрывавшей выход из двух квартир на лестничную клетку. Засуетившись, она прекратила нарезать овощи на салат «оливье», положила на стол нож и вышла из кухни в просторный коридор своей «чешки». Она давно уже, перестала встречать мужа по приезду из рейсов. Достаточно намаявшись с этим неприятным занятием в свои молодые годы, Залесская хорошо знала цену встреч и расставаний. В конце концов, муж сумел настоять на том, чтобы эти встречи и расставания происходили дома. Так ему было спокойнее за жену, особенно, когда эти встречи и расставания приходились на вечернее или ночное время. В любом случае, дома спокойней, да и дел много можно успеть переделать, не переводя зря времени на проезды и переезды по вокзалам. Вот и теперь ей почудилось, что это муж так быстро приехал, хотя знала его предварительный знак: два коротких звонка, после чего он сам открывал дверь своим ключом. Дверь открыл не муж. Дверь своим ключом открыл сын. Вытянувшись в рост и раздавшись в плечах, он казался совсем уже взрослым и с каждым годом всё больше становился похожим на отца. Сняв с порога форменную курсантскую шапку и, растёгивая на ходу шинель, он с радушием в глазах поприветствовал мать и заискивающе спросил:

– Муся, папка приехал?

– Нет, сынок, – ответила Ирина, обнимая и целуя сына.

Тогда второкурсники оставались на казарменном положении, проживая в экипаже, и Игорь не был исключением. Домой он появлялся редко, получая два раза в неделю увольнительную, а, иногда, ему давали сквозное увольнение с субботы по воскресенье и, он приезжал домой в субботу после обеда, уезжая в экипаж к 22.00 вечера в воскресенье. Теперь у него была уважительная причина, и он отпросился у старшины группы до утра – не каждый же день отец приходит из рейса?

– Мам, я возьму машину и съезжу папку встречу, ага? – громко спросил Игорь, надевая гражданскую одежду в своей комнате.

Ирина зашла в комнату сына и, поглаживая на голове его густой ёршик, стала отговаривать, с привычной материнской предосторожностью:

– Сынок, я думаю, папка скоро сам будет дома, – она села в кресло и, любуясь повзрослевшим сыном, продолжила свою мысль: – Да и скользко на улице сейчас. Сначала я буду

переживать за тебя, а потом за вас обоих. В конце концов, вы сможете просто разминуться. Ты, сына, лучше переоденься и айда на кухню да поможешь мне, ладно?

Делая обиженную рожицу, Игорь не стал перечить матери, а переоделся в чёрные джинсы фирмы «Top men», тёмно-синюю вельветовую рубашку на выпуск и послушно пошёл на кухню помогать матери. Доверив сыну нарезку маринованных огурцов и открыть банку зелёного горошка, Ирина стала умело раздевать от скорлупы варёные вкрутую яички. Мелко нарезая белок ровными кубиками, она то и дело, переводила взгляд на сына, беседуя с ним о делах в мореходке, потом снова отвлекалась на приготовление блюд. Отвлекаясь, она кинулась к холодильнику за колбасой и, возвращаясь на кухню, кинула отвлекающий взгляд в сторону стоявшего на серванте портрета. В деревянной рамке с золотистой каймой находился портрет Николая. Ему было девятнадцать, когда его зафиксировали в чёрной морпеховской ПШ со сдвинутым набекрень чёрным беретом, выставив на показ густой красивый чуб. «Одень Игоря в форму морского пехотинца и будет вылитый Николай» – подумала Ирина, возвращаясь на кухню.

– Совсем взрослым ты стал, сынок, – грустно вслух сделала заключение Ирина, ещё не понимая, что она этим хотела подчеркнуть. – Взрослея, ты всё больше становишься похожим на отца. – И, вдруг, улыбнулась, и, как-то резко, поменяв тему, спросила: – Наверное, у тебя уже и девушка есть? Скоро мне невестку приведёшь, а?

– Не, муся, не скоро, – попытался отделаться Игорь от долгих объяснений кратким мужским ответом.

– Чего ж так? – удивилась мать. – Привели бы нам с отцом внуков и нам веселее было бы. А то глядишь, упорхнёшь через пару лет, в свои моря и останусь я сама: ни отца, ни тебя. – Она всплакнула и, вытерев рукавом халата покотившуюся слезинку, продолжила. – Хотели мы завести тебе братика или сестричку, да всё, как-то, времени подходящего не было. Всё хотели тебя вырастить по-людски, всё для тебя старались...

– Муся, ну что ты так печалишься, – стал успокаивать Игорь мать. – Скоро я пойду работать, начну деньги заколачивать, а папка пусть якорь бросает, устроится, где-то на берегу с окладом в двести баксов да твоя зарплата и хватит вам, правда? А то, сколько же можно ему морячить?

– Вот именно, сынок. Приедет отец, так ты ему всё это и скажи, – высказала своё мнение Залесская, украшая, выложенный в хрустальную вазу, салат «оливье».

Закончив приготовление салата, она решила сделать последний штрих, положив на вершину пирамидки маленький тоненький стебелёк, невесть откуда появившегося укропа, оказавшегося в цветочном горшке комнатной герани. Последнее блюдо было готово, и Ирина спрятала вазу в холодильник.

– Игорёк, как ты думаешь, где нам накрывать стол: в зале или на кухне? – спросила она сына, доставая с хлебницы булку серого ржаного хлеба и белый батон.

– Папки почти полгода не было дома, значит у нас праздник, а на праздники мы всегда накрываем стол в зале, – стал Игорь рассуждать вслух.

– Тогда давай стол раскладывать, – забеспокоилась мать.

– Я сам разложу, мам, – быстро среагировал Игорь и стал убирать с «книжки-стола» ненужные предметы.

– Хорошо, сынок, ты занимайся столом, а я пока хлебушка нарежу.

Шло время. Сын с матерью были готовы к встрече главы семьи, который и не думал задерживаться. Он попал домой, как раз в тот момент, когда холодные закуски начали тосковать на покрытом белой скатертью столе, а Ирина прихорашивалась в спальне возле трюмо. Игорь к этому времени включил телевизор и удобно расположился в кресле возле журнального столика, где зачастую любил сидеть отец, читая газеты и мельком заглядывая в телевизор. Он любил просматривать свежие газеты, удивляясь каждой городской новости. Вот, именно в

такой момент раздался два коротких звонка, и послышался щелчок открываемой двери. Это была верная отцовская примета, и Игорь пулей метнулся в прихожую, крикнув на ходу матери:

– Мам, папка приехал!

Не успел Николай переступить порог квартиры, как Игорь, словно, ввалившись в детство ребёнка, с радостью обнял отца и хотел повиснуть у него на шее, но ничего не получилось, ибо, они с отцом были, почти одного роста, зато крепкие объятия получились по-взрослому. Пока они так приветствовали друг друга, в прихожую вышла Ирина. В обтянутых лосинах из чёрной лайкры и в длинной вязаной кофте собственной вязки, она оставалась неотразимой, как и двадцать лет назад. Обняв жену и поцеловав её в пухлые, слегка подкрашенные губы, Николай вручил сыну дорожную сумку и с восторгом сделал радостное заключение:

– Ну, вот, я и дома! И снова, почти полгода семейной жизни, ждут нас впереди!

– Ты только говоришь полгода, а через три месяца начнёшь в рейс проситься, я тебя уже хорошо изучила, – осторожно возразила Ирина.

– Куда проситься, Иришка, и так, ведь, полгода из жизни вычеркнуто.

– Ничего, мы их постараемся наверстать, – стала подзадоривать мужа Ирина, осторожно снимая с него утеплённую кожаную кепку и, собственноручно вязанное, белое мохеровое кашне. Утеплённую натуральным мехом кожанку чёрного цвета, Николай снял сам и стал искать на вешалке свободное место для своего китайского ширпотреба. Ввиду изменчивой в Южной Пальмире погоды, на вешалке висели зимние и демисезонные вещи жены и сына, занимающая все свободные крючки. Поместив шинель сына на один крючок с его болоньевой курточкой, Николай, освободив крючок, повесил на него свою куртку и, сняв утеплённые ботинки, обулся в, принесённые женой, тапочки из толстого тёмно-синего вельвета молдавской фирмы «Флоаре».

– Проходи в зал, – пригласила Ирина мужа и обворожительно улыбнулась, стараясь угодить своему кормильцу. – Сегодня ты гость и я за тобой буду ухаживать.

– Давай я сначала руки с дороги помою, а потом буду весь в вашем распоряжении, мамзель Залеская, – принял игру Николай и зашёл в ванную.

– Иди умываться, а я, пока, горячее разогрею, – согласилась Ирина. И, уже, обращаясь к сыну, позвала: – Игорёк, принеси, пожалуйста, тарелки под жаркое!

Когда Николай зашёл в зал, жена с сыном, уже, сидели за столом, где томилось в ожидании да парило ароматом сытное жаркое, и поджидали своего участия холодные закуски: оливье, тонко нарезанная домашняя колбаса с бужениной, жареный карп, маринованные огурцы. По самому центру стола гордо возвышалась бутылочка крымского коньяка «Коктебель». Закуски были полностью готовы удовлетворить аппетит, вернувшегося в родные пенаты хозяина.

– Па, давай я разолью коньяк, ты сегодня гость, вот и сиди, а мы будем с мамой за тобой ухаживать, – сказал Игорь и стал разливать коньяк в широкие коньячные бокалы. Приподнимая свой бокал, Николай чокнулся им с сыном, затем слегка коснулся бокала жены и промолвил, иронизируя фразу Булгаковского Шарикова:

– Ну, чтобы всем! – и, уже, от себя добавил: – С возвращеньцем!

Он привычно поднёс бокал к носу, сделал лёгкий вдох, ощутив дурманящий сознание коньячный аромат, сделал глоток, смакуя его вкусовыми качествами и, наслаждаясь этим божественным напитком, выпил содержимое до конца. Сын с женой сделали по глотку и, поставив бокалы на стол, стали с аппетитом закусывать свежей бужениной.

– Пап, а что ты нам привёз? – как бы, между прочим, по-детски спросил Игорь, вспомнив те времена, когда отец привозил из рейсов разное барахлишко, излишки которого, сдавались в комиссионные магазины, продавались друзьям, знакомым и дарились родственникам или отдавались в надёжные руки для дальнейшей реализации в нужных местах.

– Игорь, ну что ты, как маленький, ей Богу, – стала на защиту отца мать. – То, что отец учёбу тебе оплачивает, разве это не подарок?

– То, само, собой, мать, – вступился в разговор, расслабевший после первого бокала отец. – Мы же, бывшие советские родители, а не в Америке живём и контрактов с детьми не подписываем. Наша прямая обязанность обеспечивать детям благополучное детство, а они уже, должны позаботиться за нашу старость. Так вот, это и так всем понятно. А по-другому, просто, нельзя, так жизнь устроена. Так и ведётся издавна на Руси. А, вот, подарочки к Новому году я вам обоим привёз. Как же, без подарков-то?

Залесский одарил своих родных добрым заботливым взглядом и, откинувшись на спинку стула, попросил:

– Загляни-ка, Гошка, в мою сумку и достань оттуда красный пакет «Мальборо».

Игорь покорно покинул своё место и ушёл в комнату родителей, куда накануне, он уволок дорожную сумку отца, а через пару минут, снова был в зале и вручил отцу красный пакет.

– Так вот, родственнички мои дорогие, – принимая пакет из рук сына, стал толкать речь глава семейства. – Хотя, Новый год ещё не пришёл, но коль, разговор зашёл о подарках, тогда не буду утомлять вас приятным ожиданием. – Он достал из пакета фирменный кулёк с дарами «Мёртвого моря», где находились всевозможные коробочки и, продолжая свою речь, обратился к жене: – Это тебе, моя любимая, подарки от «Мёртвого моря». Тут есть различные кремы для тела, лица, рук, век – всё самое омолаживающее, разглаживающее, укрепляющее и самое, самое лучшее. Николай приподнялся и, вручая жене подарок, поцеловал её в губы задумчивым поцелуем, словно, они были ещё молодожёнами.

– Коля, это, наверное, там дорого стоит? Я бы, здесь, что-нибудь, дешевле купила, – приятно возмутилась Ирина, прикинув в уме: сколько зелёных заплатил там муж за такой подарочек?

– Бери, мать, морячка ты или нет, в конце-то концов? – подковырнул муж жену.

– Спасибо, Коленька, но не могу я успокоиться, всё равно, это дорого, – никак не унималась Ирина. – Я знаю, у нас такое ассорти будет стоить не меньше, чем полсотни долларов, а то и больше. За такие деньги в фирме «Орифлейм» можно в два раза больше всего закупить. – Она распаковала коробочку крема для рук и, наложив немножко его на ладонь, растёрла, аккуратно втирая в кожу. Комнату сразу заполнил приятный аромат, ассоциирующийся с утончённым вкусом и интеллигентностью женщины.

– Конечно, большое спасибо, Коля, прелесть такая обалденная, я бы сама, ни в жизнь, никогда не решилась купить.

Приятный аромат активно заполнял залу, наполняя помещение, таинством женского присутствия, очаровывая и дурманя вернувшегося домой моряка.

– А это тебе, сына, – торжественно объявил отец, протягивая Игорю настоящий фирменный станок для бритвы «Gillette-3 slalom» с запасной упаковкой трёх лезвийных кассет. – Надеюсь, не прогадал? Теперь не будешь девчонок бородой колоть, да и моим, втихаря, не станешь бриться, а как нормальный взрослый мужчина, возymeешь личный бритвенный прибор.

Когда Игорь принимал из рук отца свой подарок, лицо его зарделось от смущения красным румянцем, словно у стыдливой девушки на выданье, перед сватями. Но внутри себя, он был горд, осознавая, что отец, окончательно, зачислил его во взрослую категорию, раз такой отвалил подарок. Он принял отцовский подарок с большой благодарностью и стал распаковывать герметическую вакуумную упаковку. Именно в этот момент семейство Залесских потребовало неожиданный сигнал дверного звонка. К двери решил пойти сам глава семьи, давая своим домочадцам вдоволь насладиться осмотром заморских подарков. Он открыл входную дверь и посмотрел в глазок металлической двери. По ту сторону двери стоял сосед по лестничной клетке Владимир. Хотя Владимир и был моложе Николая на два года, они нашли общий язык ещё в первые дни знакомства, когда Залесские переселялись к новому месту жительства, улучшая свои жилищные условия. Тогда Владимир, без особого приглашения, и, на правах добровольного сотрудничества, стал помогать Николаю, переносить домашние вещи. После

такого первого знакомства, они открыли в своих отношениях много общего. Летом семьями выезжали на отдых в Лески на дикое побережье Чёрного моря и на Каролино-Бугаз. Иногда выпадала возможность, быть дома в то время, когда отменно ловилась пресноводная рыба и, они охотно ездили на Днестр или Днестровский лиман, устраивая отдых семьям с ухой и шашлыками, не считая, личного удовольствия от самой рыбалки. Владимир был плотного телосложения, ниже среднего роста, простоват по натуре, ибо его всегда всё устраивало. Спокойствию Владимира, можно было только позавидовать. Дома он всегда носил трикотажный спортивный костюм со вздутыми коленками на трико, имея смешноватый вид. Работал сосед механиком в автосервисе фирмы «Хюндай мотор», где-то в районе улицы 25-й Чапаевской дивизии и, бывало, часто помогал Залесскому в ремонте и обслуживании автомобиля. Одним словом: свой парень, поэтому Николай открыл дверь, не раздумывая.

– О! Кого я вижу! – обрадовано вскрикнул Владимир, увидев в проёме двери своего долгожданного соседа. – Наше вам почтеньце! С приходом или как?

– С приходом, конечно с приходом. Проходи, не стой в дверях, – пригласил Николай соседа в квартиру, пожимая его мозолистую и шершавую трудовую руку.

– Я, Коля, собственно, на минутку. Тут такое дело: взялся ужин разогревать, а электроподжиг не работает. Поискал спички, а в квартире ни одной спички нет. А зажигалок у меня нет, ты, же знаешь, я ещё на ту «Пасху» курить бросил. Ну, вот, думаю, пойду-ка я к соседям побираться, – стал оправдываться расторопный сосед.

Николай провёл соседа в комнату и, понятливая жена, словно, прочитав мысли мужа, стала доставать дежурный столовый прибор для гостя. Усадив Владимира за стол, Залесский взял в секции бара коньячный бокал и, разливая коньяк, стал приговаривать:

– Сейчас, вот, отметим моё возвращение к родным берегам, а потом будут тебе и спички, и всё остальное, – и уже, обращаясь к жене, спросил: – Верно, я говорю, дорогая моя, жёнушка?

– Ты, Коля, как всегда попадаешь прямо в точку. Я, пока, пойду, поищу спички, не то, сосед забудет, зачем приходил и уйдёт без спичек.

Оставив мужчин одних, Ирина ушла на кухню. Игорь тоже не стал слушать беседу старших, у него нашлись дела поважнее. Он стал готовиться к предстоящим занятиям, чтобы не подвести старшину группы, отпустившего его на такое личное мероприятие, как встреча отца. А впереди ещё был Новый год и целая неделя сопутствующих праздников, поэтому попадать к начальству в немилость было очень и очень нежелательно.

Оставшись наедине, мужчины продолжили затянувшийся ужин. Ирина мыла на кухне, освободившуюся посуду, и не хотела вмешиваться в разговор мужчин, так она была приучена с детства строгим и правильным отцом. А подогретые, выпитым коньяком мужчины, мило продолжали начавшуюся застольную беседу.

– Коля, ты мне скажи, как сосед соседу: вы, где с Ириной будете встречать этот Новый год? – спросил Владимир, накалывая на мельхиоровую вилку кусочек буженины.

– Видишь ли, Вовчик, – любезно решил внести ясность в ответе, Залесский. – У нас с Иришкой, как-то до этого разговора очередь не успела дойти.

– Вот и хорошо, – сосед пригладил зализанные назад волосы, которые были собраны на затылке в куцый хвостик и продолжил свою мысль, сверля Николая мелкими чёрными глазами, растянувши свой маленький рот в счастливой улыбке. – Ну, если ещё не решили, тогда давай с нами, – предложил заботливый сосед, показывая Николаю пальцем на пустой бокал.

Залесский наполнил бокалы на половину, они чокнулись и, пригубив содержимое, продолжили беседу. Немного закусив, Владимир внёс ясность в своё предложение:

– Понимаешь, сосед, у нас неплохая компашка подобралась: мой братан Юрка с подружкой, кум с кумой и мы со Светкой, – он допил коньяк, положил в рот порцию оливье и, пережевывая его, стал уточнять. – Мы хотим собраться в «Чёрном море», ты как? Там программа

классная и ходить далеко не надо, а самое главное, кума там работает и проблемы с местами отпадают. Так, что Николая, всё в наших руках.

– Знаешь что, Вовчик, давай-ка мы по этому поводу проконсультируемся у Иры. Ты же, понимаешь, я сам только с порога и ещё гость, ни в какие дела ещё не вникал, – пытался объяснить соседу положение вещей Николай.

Позвали Ирину. Снова последовало обстоятельное объяснение выше изложенного. Пока искали общий знаменатель, время перешёлкнуло отметину «21» час и Владимир, вспомнивший, вдруг, зачем он приходил к соседям, не на шутку всполошился. После двадцати одного приходила с работы его жена Светлана, которая работала медсестрой в военном госпитале, рядом с парком Шевченко. У неё была вечерняя смена. Светлана относилась к типу женщин строгих нравов и мужа своего особо не баловала, держа его, как говорится, «на коротком поводке». В компаниях она вела себя развязано, зато, каждый левый взгляд мужа был ею замечен, и всегда такое дело являлось предметом долгих семейных разборок. Посему Владимир всегда был на чеку, оставаясь предельно сосредоточенным, дружил со временем, позволяя себе маленькие вольности, только во время длительного отсутствия жены. Понимая, что сегодня его время вольностей подходило к концу, он получил обещанную пачку спичек, и, заторопившись домой, напомнил Залесским на прощание:

– Значит так, дорогие соседи, место для вас в кабаке я бронирую, без базара.

– Хорошо, Вовчик, замётано, – подтвердил Николай и, в знак согласия, похлопал соседа по плечу, провозая на лестничную клетку.

Так спонтанно решился вопрос со встречей Нового года, хотя Залесские всегда нормально встречали этот праздник дома, по своей отлаженной семейной традиции. Когда сосед ушёл, и стихли восторженные эмоции от полученных подарков, Ирина ушла на кухню домыывать оставшуюся посуду, а Николай подрядился ей в помощь, взявшись протирать насухо чистую посуду. За работой он решил посвятить жену в свои ближайшие планы, касающиеся отгула выходных дней и очередного отпуска. До встречи Нового года оставались считанные дни, и Николай хотел успеть за это время оформить отгулы выходных дней да получить, причитавшуюся за отработанные месяцы зарплату в национальной валюте. Ясное дело, что деньги не бывают лишние, тем более перед праздниками, такими как, Новый год и Рождество. Вот поэтому и хотел Николай их быстренько получить, чтобы не тратить, заработанную в море валюту, которая по тем временам была надёжным средством накоплений, так как, межбанковский и чёрно рыночный курсы валют, менялись, чуть ли, не ежедневно. Да и валюты той оставалось, словно кот наплакал. Работая, почти полгода, заработал какие-то гроши. Радовало только то, что на берегу и этого не заработал бы. Но, как бы там, ни было, а полторы тысячи долларов ещё ждали своей участи в распределении семейного бюджета на первое полугодие наступающего года. Остальные, уже, были потрачены женой на коммунальные услуги и учёбу сына за первое полугодие. Подбивая итоги своих трудовых достижений, Николай никак не мог свести дебит с кредитом. В конце концов, он остановился на единственно верном варианте, который и предложил жене, надеясь на её полную поддержку.

– Я так думаю, Иришка, – начал осторожно высказывать свою конечную мысль Николай. – Тысяча долларов нам должна хватить, хотя бы, на ближайший год. Конечно это с учётом моих гривневых вливаний и твоей зарплаты.

– А почему только тысяча? – возмутилась вначале Ирина.

– Потому, что триста мне надо будет для оформления новых морских документов и ОВИРовского паспорта, а двести разделим на нас двоих, чтобы иметь какие-то карманные расходы, надеюсь, ты не будешь возражать?

– Я не буду возражать, но эти деньги, почему-то как мёд для Вины Пуха, «если они есть, то их сразу же и нет», – вспомнила Ирина любимившийся с детства мультик.

– Вот поэтому, дорогая, я и хочу попробовать поменять работу.

- Неужели решился под флаг идти?
- А другого выхода я просто не вижу.
- Ник, но это, же опасно. Ты помнишь знакомых брата моего?
- А что, собственно, с ними произошло?

– А произошло то, что он уходил на полгода, а проработал девять месяцев без захода в Украину и недополучил за полгода зарплату, а теперь ходят по судам, – стала Ирина страшить мужа новыми приключениями из жизни местных моряков. – Но, это ещё мелочи. Вот, на работе рассказывала одна коллега, арестовали судно, где работает её муж, и уже, почти, год, стоят они, где-то возле Индии без воды и пищи. Что ты на это скажешь? – Ирина выждала минутную паузу и уже, спокойней продолжила, серьёзно глядя прямо мужу в глаза. – Мне нужен ты, а не твои деньги, понятно?

– Во-первых, успокойся. А во-вторых, к чему эти примеры? Есть много хорошего, зачем смотреть в крайности, – стал проводить очередную психологическую обработку жены Николай. – Есть нормальные компании, где люди давно работают и получают хорошие деньги, и никто, кстати, нигде их не арестовывает. Надо же, походить, уточнить, поспрашивать, а не с бухты-баракты, влезать куда попало.

Тут Залесского понесло, он вспомнил Марица, других сотоварищей по учёбе и последней работе, которые нормально устроились и не жалеют, что решились на такой рискованный шаг. Основной аргумент он придержал напоследок и уже, когда жена, почти, созрела, и стала соглашаться с его доводами, сказал:

– Работая под флагом, я бы сейчас имел тысяч шесть или семь, а это, уже кое-что. Мне просто обидно, что за одну и ту же работу, одни получают больше других. Неужели я хуже всех, Ира?

– Нет, ты не хуже, но жизнь-то проходит, Ник.

– Жизнь, Иришка, хоть так, хоть этак, а всё равно проходит. Так что же, нам с ней нянчиться, словно, последний день живём?

– Мы же ещё не такие старые, чтобы так рассуждать, Ник.

– А как, по-твоему, рассуждать, когда жизнь с каждым днём дорожает, а мы едва концы с концами сводим?

– Не знаю я, Коля.

– А я знаю. Сколько семей таких, как мы? И ничего. Применяются, как-то и живут. В жизни не всем даётся всё легко, поэтому надо чем-то жертвовать, во имя чего-то лучшего. Надо, хотя бы, попробовать, Ириша, а там видно будет.

– Ладно, убедил. Пробуй, а мне остаётся только страдать, – Ирина вздохнула и посмотрела на настенные часы, маленькая стрелка которых, давно перевалила за отметку «двенадцать». – Засиделись мы с тобой муженёк, пора в душ и баиньки.

– Хорошо, я иду в душ, – согласился Николай.

– Конечно, иди, а я, пока, на кухне чуть-чуть уберусь.

Приняв душ, Залесский залез на семейное ложе, спрятался под одеяло и стал дожидаться жену, согревая место для «ночной баталии». Жена не заставила себя долго ждать и, вскоре, вошла в спальню. На ней был одет, красивый китайский халат яркого красного шёлка, слегка подпоясанный свободным узелком из такого же, шёлкового материала. Она остановилась напротив большого трёх створчатого трюмо и стала расчёсывать, высушенные феном волосы. Расчесавшись, Ирина включила ночник, сняла халат и, оставшись нагишом, словно натурщица, стала растираться ночным кремом для лица, из привезённого мужем подарка. Чувствуя, что муж в это время рассматривает её привлекательную фигуру, она плавными движениями массажировала лицо, как бы, совсем не замечая его жадного, истомившегося в желании, взгляда. Ей хотелось, чтобы муж видел её во всей красе, ведь, не зря же, она, уже целый месяц,

ходила на шейпинг. Вот и результат на лицо: стала стройненькая, подтянутая и никакого целлюлита, который часто встречается у её сверстниц.

– Красивая ты у меня, Иришка, – не удержался от комплимента Николай.

– Правда? – удивилась Ирина. – Давно ты мне таких слов не говорил, так что, спасибо за комплимент.

– Я серьёзно, ты на самом деле красавица.

– Я тебе действительно ещё нравлюсь?

– А ты не веришь, что нравишься? Тогда быстрее заканчивай свой массаж и иди ко мне. Я постараюсь доказать свою правоту на деле, а не на словах.

Ирина усмехнулась вместо ответа, заметив проснувшиеся чувства мужа. Она молча выключила ночник и под прикрытием темноты нырнула к нему в объятия. Николай стал одаривать её обильными ласками и жаркими поцелуями. Принимая его стремление и радуясь наслаждению любвеобильных прикосновений, она сама стала целовать его упругое красивое тело, пока её плоть не вспыхнула жаром и по телу истомой пробежала необузданная жажда желания слиться с любимым в гармоничном экстазе. «Самое дорогое, что у меня есть – это ты, мой родненький муж. Это мой любимый сын. А, так же, моя любовь к вам обоим, – подумала Ирина, отдавая себя во власть мужской плоти, что с нежностью и постоянством овладела ею настойчивыми движениями. Эти движения приводили её к высшей степени женского наслаждения любовью и самой жизнью, наслаждениями улёта в высшую степень любви, – надо непременно сбечь свою любовь и беречь своего мужа, ведь не у всех есть такое счастье – любить и быть любимой».

10

Проснувшись, Николай сразу понял, что находится дома и полностью свободен от своих служебных обязанностей. Делая глубокий вздох, он лениво потянулся и, достав на прикроватной тумбочке наручные часы «Ориент», взглянул на циферблат. Часы показывали шесть часов и сорок пять минут. «Такая рань», – подумал Николай. Спать ему уже не хотелось. Он ещё не вступил в полные права отпускника, заставляя бодрствовать свои устоявшиеся флотские рефлексy. Включив ночник, Николай отработал несколько простых упражнений для укрепления мышц живота и быстро встал с постели. Порывшись в платяном шкафчике, нашёл там свой махровый халат тёмно-синего цвета и, накинув его на себя, вышел из спальни.

Жена в это время уже возилась на кухне, откуда доносились щекотливые ароматы чего-то вкусненького, предательски овладевая его чуткими ноздрями. Николай не удержался и зашёл на кухню. Пристроившись сзади, он обнял жену, поцеловал в ушко и, сказав приветливо: «Доброе утро», – ушёл в ванную. Умывшись, он вышел из ванной и чуть, лоб в лоб, не столкнулся с сыном.

– Привет, па! – крикнул на ходу сын и в одних трусах прошмыгнул мимо отца в туалет.

Он тоже, уже, не спал, понимая, что любое опоздание в экипаж, может испортить все новогодние праздники.

Завтракали все вместе. Ирина приготовила омлет с мелко нарезанной ветчиной – любимое блюдо её мужчин – и какао на молоке, к которому заблаговременно были испечённые эклеры с вкусным домашним кремом. После завтрака жена с сыном

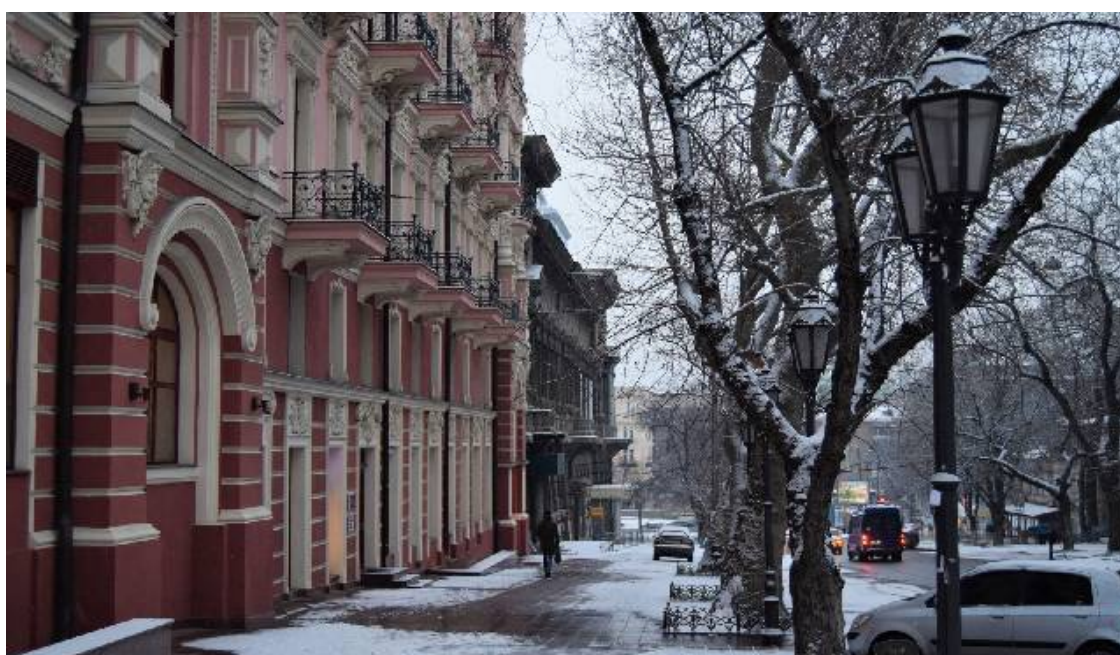
ушли по своим учебным и трудовым заведениям, а Николай, являясь отпускником и свободным от всех общественных обязанностей, взял на себя миссию проводить их до лестничной клетки и ответственность за помывку посуды. Оставаясь свободным на целых полдня, до прихода с работы жены, он ещё не совсем решил, чем бы ему занять своё свободное время. Первым делом ему захотелось взять стопку разных газет и, перебирая их по названиям и номерам, пересортировать. Сделав дело, он взял несколько номеров «Вечерней Одессы» и стал их пере-

листья, отложив несколько экземпляров для будущей, более глубокой проработки. После чего, взял одну газету и, усевшись в кресле, стал увлечённо читать, пока на дворе не развеялась утренняя мгла. Отстранив от себя недочитанную газету, Залесский подошёл к окошку и раздвинул плотные жёлтые шторы с хитроумным римским узором на краях. Во дворе пробуждался рассвет, отражаясь от окон соседского дома золотисто-оранжевыми бликами солнечных лучей. Заглянув в окно, он увидел широкий двор, окружённый, с нескольких сторон, старыми поникшими домами. Это были трёх и двух этажные дома с коммунальными квартирами, которые ещё оставались в жилищном фонде города, зачастую облагороженные и отремонтированные с изменённой перепланировкой. Дворик был отличным во всех отношениях. Здесь тебе и асфальтированные дорожки, и зелёные насаждения, и, даже, детская площадка. Старые дома, явно, не вписывались в интерьер района. Конечно, на их капитальный ремонт никто и не рассчитывал, так как, все они планировались под снос, а вместо них должны были строить современные высотки. Но когда это будет? Этого никто не знал. Поэтому жители этих домов по-своему их облагораживали, пытаясь придать жилью приятный божеский вид. Квартира Залесских находилась на четвёртом этаже, и Николай отлично наблюдал восход. Холодное декабрьское солнце скупно рассеяло свои пронизательные лучи по разнообразным крышам старых домов, усеянных различными видами телевизионных антенн, словно, спина ёжика собственными иголками. Как показалось Николаю, чистое голубое небо, предвещало чудесный зимний день и ему, как никогда, вдруг, сильно захотелось прогуляться по городу пешком. Однако, в первую очередь, Николай решил проведать машину, которая стояла в собственном металлическом гараже. Гараж он поставил на месте стареньких обветшавших сарайчиков, что сумел выкупить в первый год жизни на новом месте. Когда-то жильцы хранили в сарайчиках дрова и уголь, но перейдя на природный газ, сарайчики остались не востребованными и многие перешли в частные руки, став перевоплощаться в металлические гаражи. Разрешение на постановку гаражей давали временное, а капитальный гараж строить было нельзя, но и железный считалось иметь в радость. Как-никак, а машина рядом и не на улице, а в надёжном и сухом месте. Ведь, в последние годы, Одесса значительно пополнилась импортными автомобилями за счёт привезённого из-за границы секонд-хенда, и многие хранили своих железных коней просто на открытых автостоянках, которые стали появляться, словно, грибы после дождя. Такое складывалось впечатление, что весь секонд-хенд Японии и Западной Европы перекочевал в бывшие «советские республики». Вот и Николай стал владельцем своего железного мустанга в это свободололюбивое время. И теперь ему не терпелось навестить свой старенький «Фиат ритмо». Как бы там ни было, а машина есть машина, хоть и выдавшая виды. Машина на ходу и не плохо сохранилась, а при правильном подходе к технике, сможет послужить ещё не один год.

Переодевшись в утеплённую китайскую кожанку, чёрного цвета, и коричневые вельветовые джинсы, Николай обулся в тёплые полуботинки, накинул на голову тёплую кожаную кепку, кинул в карман ключи от гаража и, закрыв квартиру на замки, спустился на лифте вниз. Выйдя на улицу, Залесский вдохнул полной грудью освежающий зимний воздух и пошёл по протоптанной тропинке в сторону гаражей. Отличная погода, способствовала хорошему настроению. Пройтись по скрипучему белому снегу в прекрасный зимний день, что ещё надо моряку в первый день своего зимнего отпуска?

Две минуты ходьбы и Николай у гаража. Вход в гараж был слегка припорошен нетронутым белым снегом. Сразу стало ясно, что машина в ближайшие прошедшие дни не использовалась, но у маленькой входной двери было натоптано, значит, гараж кто-то посещал. Открыв свои потайные замки, Николай вошёл в гараж. В гараже было чисто и аккуратно прибрано. Машина стояла вымытая и блестела отполированной поверхностью, переливаясь при свете включенной стоваттной лампочки. Николай так же заметил новые аксессуары, которых он точно не устанавливал. Это были, стоящие в кромках дверей и на задних брызговиках, светоотражатели. На крышке багажника красовался наклеенный овальный белый знак с чёрными бук-

вами «UA» внутри знака и две красно-белые светоотражающие полоски над задними фарами. Это была явная работа Игоря. Открыв машину, Николай придавил кнопку замка капота, услышав характерный щелчок, вышел из машины и открыл капот, поставив его на стопор. Рядом на стендах и стеллажах, изготовленных заботливым хозяином в дни прошлых отпусков, находились различные приспособления и инструменты. Взяв ареометр и нагрузочную вилку, Залесский по-хозяйски проверил плотность электролита в аккумуляторе и его ёмкость. К его приятно удивлению, всё находилось в пределах нормы. Значит, Игорь часто ездил или ставил аккумулятор на зарядку. Даже, уровень электролита покрывал пластины на несколько миллиметров выше среднего значения. Было видно, что в гараже объявился ещё один автолюбитель. Николай знал, что сын ещё год назад окончил водительские курсы, и успешно сдал экзамены на водительские права категории «В», которые для него были вторым, после паспорта, серьёзным гражданским документом. Однако, указаний относительно машины, Николай сыну никаких не оставлял, хотя, доверенность на вождение, на всякий случай, сделал. Он давно убедился в способностях сына и не сомневался, что Игорь будет хорошим водителем. По городу сын водил гораздо уверенней, чем сам отец. Теперь оказалось, что он не только водит, но и обращается с машиной по-хозяйски. Проверив уровень масла и тосола, Николай ещё раз убедился в заботливом отношении сына к машине. Усевшись на водительское сиденье и подогнав его под себя, Николай вставил в замок зажигания ключ, потянул на себя тросик подсоса и включил зажигание. Машина завелась с полуоборота. Сбавив обороты, Николай взглянул на шкалу указателя бензина в бензобаке, там оставалось ровно пол бака. «Значит, Игорь не только ездил, но и заправлял машину», – подумал Николай. Конечно, это его несколько не настораживало, ведь он сам дал понять сыну, что машина остаётся на его попечении. Залесский знал, что его сын будет дисциплинированным водителем, иначе бы он ему не доверил, так легко, серьёзную технику. Убедившись, что двигатель прогрет и работает ровно, без посторонних звуков, Николай сделал перегазовку, ещё немного послушал урчание мотора, пощёлкал выключателями фар и, окончательно убедившись, что всё в полном порядке, заглушил мотор. Возгордившись за сына и убедившись в его серьёзном подходе к водительскому делу, он захлопнул капот и закрыл на ключ двери машины. На сердце было легко и радостно, теперь он точно знал, что имеет надёжного помощника в хозяйстве и с хорошим настроением покинул гараж.

Первое дело было сделано, и теперь Николай хотел просто погулять по городу. Спустившись на улицу Пушкинскую, он прошёл мимо ЦУМа, направляясь в сторону Приморского бульвара. Ему приятно было наблюдать, как быстро вокруг всё изменилось. За время его отсутствия, многие здания были облагорожены и отремонтированы, в некоторых местах появился новый тротуар, город заполнили рекламные щиты, бигборды и просто рекламные плакаты. Быстрыми темпами старые неухоженные здания превратились в красивые фешенебельные офисы и магазины, банки и ресторанчики. Всего полгода назад Залесский видел совсем другой город. Сегодня же, он шагает по старой, выдавшей вида, улице, к которой не прикоснулись модные изменения названий. Шагает по новым тротуарным плиткам, мимо зданий, обновлённых модными евроремонтами, шикарных витражей богатых салонов-магазинов и привлекательных уютных баров. Фасады зданий пестрели цветовой гаммой радужного спектра. Здесь тебе и гордый аристократический белый, и импозантный бледно-розовый, жёлтый и фиолетовый, зелёный, словно майская трава и зелёно-голубой, а в противоположность – оставшиеся ещё кое-где, старые серые здания, к которым не успела прикоснуться радость перемен, но которые находились в томимом ожидании благотворного ремонта, праздничного воскрешения или печального конца. На густых ветках вековых каштанов, тянувшихся вдоль тротуаров по всей длине улицы до самого Приморского бульвара, серебрился весёлыми искорками в холодных солнечных лучах, свежий утренний иней. Чёрное воронье, слетевшееся в город для поиска пищи, устраивало среди ветвистых крон, настоящие птичьи базары. Осторожно лавируя под деревьями и ловко ускользя от птичьего «бомбометания», напоминавшего крупный весенний дождь, Залесский дошёл до улицы Успенской, пересёк её и повернул налево, надеясь, что на Ришельевской воронья будет поменьше. Проходя мимо нового бара на углу Успенской и Ришельевской, Николай вспомнил, что в его молодые годы на этом месте была уютная курсантская пивнушка. В зале, сделанном под дерево, стояли прочные дубовые столы, за которыми часто любили постоять с кружкой пива курсанты соседских мореходок «ОМУ ТФ» и «ОМУ МФ», экипажи которых, находились чуть дальше по улице Успенской в сторону парка культуры имени Т.Г. Шевченко. Забегал сюда и Залесский, когда был практикантом на маленьком пассажирском теплоходе «Абрау-Дюрсо», курсирующем из порта Одессы в порт Варну и Бургас. В молодости он опоздал с поступлением в среднюю мореходку и по-доброму завидовал своим сверстникам в курсантской робе с эмблемами различных одесских мореходок. Сам же, поступил в Одесскую мореходную школу, надеясь, что после её окончания, сможет поступить на заочное отделение в высшую мореходку, но так эта мечта и осталась неосуществима. Сначала служба, потом встала необходимость поработать, чтобы подсобрать капитал, но как-то, вдруг, влюбился и женился, забыв свою давнюю мечту. Сейчас это Николая не огорчало, зато у него растёт замечательный сын, который осуществит отцовскую мечту, воплотив её в свою настоящую жизнь. Немного отдавшись в плен своих воспоминаний, Залесский свернул за угол и пошёл по улице Ришельевской в центр.

Деревьев на Ришельевской было чуть меньше, а значит и воронья было значительно меньше, чем на Пушкинской, и он спокойно дошёл до Дерибасовской, а дальше, спустившись около оперного театра вниз, напрямик мимо музея морского флота и оказался на Приморском бульваре. На бульваре было совсем не многолюдно. Не то, что летом. Гуляло несколько мужчин на парочку с дамочками преклонного возраста, веселилась молодёжь, катаясь на роликовых коньках и несколько человек выгуливало своих четвероногих любимцев. Возле Потёмкинской лестницы Николай остановился, окинул взглядом морской вокзал с новым небоскрёбом пятизвёздочного отеля. Тут же, в глаза бросилась отжившая магистраль фуникулёра, хотя, судя по забору, сбитому из свежих досок, городские власти планировали проводить ремонтные работы, чтобы к лету, фуникулёр заработал в обновлённом виде. Пройдясь вокруг памятника Дюку де Ришелье, Николай свернул на площадь Потёмкинцев, которой недавно вернули старое название, и теперь площадь именовалась Екатерининской, а вместо памятника Потёмкинцам, планировали установить памятник императрице. На проезжей части и в маленьких переулочках, все подъездные пути были забиты припаркованными шикарными иномарками, которые с каждым годом приумножались, чётко прочерчивая разделяющую черту, между богатыми и бедными жителями города. Николай полюбовался иномарками и пошёл в сторону Дерибасовской. Чем ближе он подходил к главной улице города, тем гуще становился поток, спешивших по различным делам, людей. Люди суетились в толпе, словно муравьи возле муравейника.

Предпраздничные дни, возлагали на жителей и предпраздничные заботы, которые адекватно распределялись среди людей с разным уровнем достатка. К праздникам всем хотелось порадовать своих близких людей приятными подарками или просто накрыть приличный праздничный стол и устроить настоящий пир. Хоть, раз в году, но пир. Вот, и главная городская улица – Дерибасовская. Здесь тоже всё напоминало о приближавшемся празднике. Витрины магазинов были нарядно убраны новогодней атрибутикой с соответствующими надписями и сверкающими снежинками. Везде всё сияло, сверкало, переливалось и мигало.

Центральная улица, словно, могучая река, вобрала в себя потоки людской толпы, стекающей сюда из ближних переулков и пересекающих улиц. Различие было в том, что течение

реки всегда сосредоточено к устью, а здесь течение было лихорадочно запутанным людским круговоротом, каким-то нерегулируемым и необузданным. Люди куда-то целеустремлённо спешили по своим неотложным делам, чем-то интересовались или просто празднично шатались, наслаждаясь предпраздничным настроением. Это были люди, живущие в этом прекрасном южном городе, гостившие в нём, отдыхающие в нём и работающие. Люди, облагораживающие этот город и строящие его, восстанавливающие и ваяющие в нём, что-то новое. Вот, и на месте бывшего ресторана «Братислава», засияло огромными золотистыми буквами, отвечая духу времени, шикарное казино «Эльдорадо». Ну, а мелких ресторанчиков и баров, было просто не счесть. В один, из таких маленьких барчиков, которые являлись «однодневками», так как профиль их менялся очень быстро, возможно из-за налоговых поборов, и решил заглянуть Николай. В баре, с интересным названием «Бриз», работал младший брат соседа Вольдемара Юрий. Юрий был весёлым и общительным парнем. В свои тридцать лет, он ещё оставался холостяком, продолжая вести беззаботную весёлую жизнь, веселясь сам и веселя публику. Вспомнив, что Юра работает именно в «Бриз», Залесский решил в баре немножко передохнуть, выпить грамм пятьдесят коньячку, исключительно «для сугреву» и насладиться чашечкой отменного натурального кофе, который умел заваривать только Юрий. Когда Николай оказался в скромном, но уютном зале бара, Юрий находился за барной стойкой и виртуозно выполнял свои любимые трюки с миксерами, бутылками, стаканами и всякой интересной стеклом продукцией. В ярко-белой рубашечке с чёрной бабочкой, он поглядывал своими карими глазами на отдыхающих клиентов, поражая их ловкостью барменских фокусов, виртуозно проделываемых у посетителей на глазах. Смолянисто-чёрный чижик густых волос, отменно обработанных специальным гелем, отражал, сверкающие блики гирлянд и придавал ему торжественный предпраздничный вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.